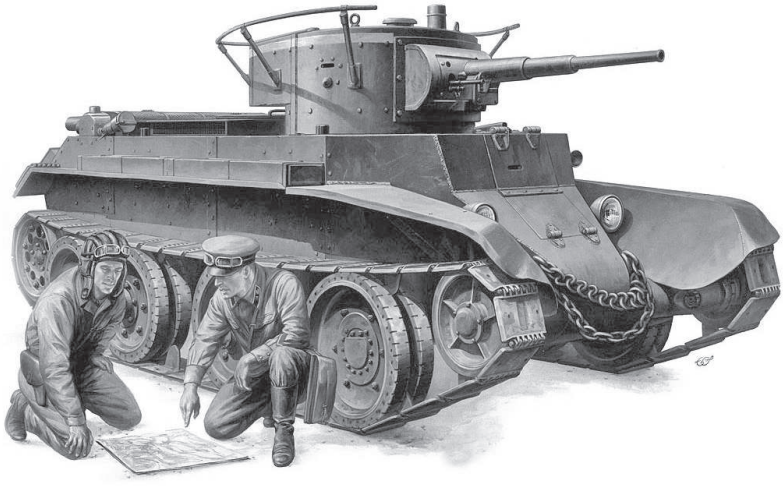
Илья Таранов

ТОВАРИЩ ТАНКИСТ

Повесть



Мастер-Студия
Ульяновск
2025

УДК 882+623.438.3
ББК 84Р2+68.513-1
Т 19

Благодарю моего друга **Альфика Каримовича Валеева** за помощь в издании книги.

Т 19 **Таранов И. А.**
Товарищ танкист: повесть / И. А. Таранов – Ульяновск, «Мастер- Студия», 2025, 190 с.

ISBN 978-5-6053351-7-7

В повести рассказывается о судьбе выпускника Ульяновского танкового училища в довоенные годы и в первые дни Великой Отечественной войны. Основные события происходят в Киевском особом военном округе, где в мотострелковом полку проходил службу лейтенант Сергей Гончар. Наряду с главными героями повествования – женой молодого офицера и его сослуживцами – перед читателями предстают руководители страны и Вооружённых сил СССР – Сталин, Молотов, Ворошилов, Тимошенко. Автор на основе архивных материалов пытается понять причины внезапного нападения Германии на Советский Союз, показывает несгибаемый дух и героизм русского человека.

УДК 882+623.438.3
ББК 84Р2+68.513-1

ISBN 978-5-6053351-7-7

© Таранов И. А. 2025

Выпускникам Ульяновского гвардейского высшего танкового командного дважды Краснознамённого ордена Красной Звезды училища им. В.И. Ленина посвящается

В ноябре 2024 года мне в руки попала стенограмма беседы, состоявшейся по случаю выяснения обстоятельств гибели лейтенанта Гончара Сергея Сергеевича в бою с немецкими фашистами, датированная 19 мая 1967 года. Документ на 20 страницах подписан начальником секретариата МООП УССР и заверен печатью Министерства общественного порядка УССР. Кроме стенограммы, имелось извещение НКВД СССР на имя Шишковой Марии Владимировны, датированное 27 ноября 1941 года, в котором сообщалось о смерти её мужа Гончара С. С. в бою за социалистическую Родину, и решение исполнительного комитета Судовишнянского городского Совета депутатов Львовской области о переименовании улицы Спортивной в улицу С. Гончара, датированное 18 апреля 1975 года.

Тема Великой Отечественной войны меня интересовала с детства благодаря книгам советских писателей и художественным фильмам, посвящённым трагическим событиям этой героической эпохи нашей страны.

Разговор состоялся в один из осенних дней во Дворце книги – Ульяновской областной научной библиотеке имени В. И. Ленина за чашкой чая на встрече писателей. Вера Андреевна Филатова, член Союза писателей России, наследница известных дворянских родов, таких как Шишковы и Хо-

ванские, поделилась рассказом о судьбе своей тёти Марии Шишковой и её мужа Сергея Гончара, показала их фотографии из семейного архива и вышеперечисленные документы. Погрузившись в материалы и воспоминания Веры Филатовой в книге «Бессмертно всё, что невозвратно», вглядевшись в лица на чёрно-белых фотографиях, покопавшись в архивах, я почувствовал желание открыть читателю новые имена героев Великой Отечественной войны, воссоздать картину их жизни в период 1939–1941 годов в исторической повести.

Для консультации по военным вопросам я обратился к гвардии генерал-майору Пчелинцеву Владимиру Ивановичу, участнику войны в Афганистане, начальнику Ульяновского гвардейского танкового училища в 1987–1991 годах, полковнику Харитонову Владимиру Михайловичу, участнику войны в Афганистане, замначальника Ульяновского гвардейского танкового училища в 1987–1991 годах, своему другу – майору 104-й ВДД Степаненко Олегу Анатольевичу, участнику боевых действий на Кавказе и в Чечне, майору в отставке Владимиру Ольгердовичу Пидгола – знатоку военной истории. Только после их замечаний и одобрения отдал книгу в печать.

Предлагаю читателю погрузиться в довоенную эпоху Советского Союза и пережить с героями повести радости жизни, боль и страдания, выпавшие на их долю, и увидеть героизм, проявленный в первые дни войны. Историческую достоверность описанных событий по линии главных героев постарался описать правдиво, не искажая хронологии и последовательности, позволив себе лишь художественный вымысел эпизодов, не имеющих неоспоримых архивных доказательств.

***

Мартовское утро 1939 года выдалось солнечным и морозным. По железнодорожному мосту через Волгу грохотал товарный поезд, оставляя в пролётах блуждающий стук вагонных колёс. На крутом берегу реки, вслушиваясь в далёкие звуки, выпускник Ульяновского танкового училища Сергей Гончар в новой шинели стального цвета нежно обнимал за плечи статную девушку с каштановыми косами. Звали её Мария Шишкова, и для Сергея она являлась воплощением красоты и счастья. Хотя на ней были старые валенки и поношенное демисезонное пальто, черты благородства и одухотворённости в лице выдавали её дворянскую породу, которую девушка невольно пыталась скрыть в стеснительном взгляде и добросердечной улыбке. В эту улыбку молодой курсант влюбился с первого мгновения встречи.

Она произошла при неожиданных обстоятельствах в феврале. За две недели до выпуска группа Сергея Гончара отправилась на заключительные учения в посёлке Поливно, где находился танковый полигон. Обычно колонна быстроходных танков БТ-7 с рёвом и шумом выезжала из железных ворот училища и двигалась по улице Советской, оставляя за собой едкий запах горючего и вдребезги изрытую колеёй дорогу. Поглазеть на технику собирался местный и приезжий народ. В тот день танк Сергея заглох из-за проблем с мотором и после небольшого ремонта выезжал из ворот училища в одиночестве. Зеваки, толпившиеся вдоль дороги, к этому времени разошлись, но незнакомая девушка, пытаясь пересечь улицу и пролезть через рыхлый снег, потеряла валенок. По всей видимости, он был ей великоват и слетел с ноги, застряв в снегу. Девушка неуклюже прыгнула на одной ноге и поте-

ряла равновесие, а услышав приближающийся рёв мотора, пришла в замешательство. При виде железного чудовища её охватила паника. Она оцепенела, присев на сугроб и прижимая к груди курьерскую сумку с бумагами. Сергей дал команду механику-водителю сбавить ход, а сам вылез почти по пояс из башни танка, жестом давая понять, что девушке не надо беспокоиться – помощь идёт.

Когда тяжёлая машина замерла на месте, танкист, широко улыбаясь, крикнул:

– Вы одним взглядом остановили танк!

Незнакомке однако было не до шуток. Она никогда в жизни не оказывалась так близко к пугающей воображение военной технике, и новая волна страха подкатила к горлу. Крупные звенья гусениц, как поднятые лапы бездушного животного, нависали над ней. Что делать в этой ситуации, она не знала.

Молодой танкист, ловко спрыгнув с брони, подал девушке валенок, помог надеть его и перевёл бедняжку через снежные рытвины:

– Смелее!.. С вами всё в порядке? – Он пристально взглянул на девушку.

Она, разглядывая незнакомца, ответила не сразу. Высокий молодой человек с открытым взглядом в кожаном танковом шлеме с красной звездой, в кожаной серо-чёрной куртке и штанах, в кирзовых начищенных до блеска сапогах тоже с интересом смотрел на незнакомку. Девушка смущённо отвела глаза и с любопытством разглядывала широкий тёмно-коричневый ремень из яловой кожи с массивной пряжкой, плечевые ремни и пристёгнутую муфтами с кольцами полевую сумку. И когда танкист отпустил её руку, наконец ответила:

– У меня до сих пор сердце выпрыгивает из груди.

– А моё сердце пронзила стрела Амура!

Слова незнакомца поразили её воображение. Теперь новое чувство охватило её.

– Вы это серьёзно? – с некоторой наивностью спросила девушка.

– Меня зовут Сергей. А вас?

– Муся!

Она сама не поняла, почему вместо Марии назвала себя Мусей. Ведь так её звали только самые близкие. По слегка вздёрнутым бровям танкиста девушка догадалась, что и молодой человек слегка озадачен её ответом. Тем не менее в его голосе чувствовались стальные нотки: крепкие, надёжные, как броня этой чудовищной машины.

– Хорошо, Муся! Мне нравится ваше имя... Приходите завтра вечером в клуб Красной армии на танцы. Я буду вас ждать!

Девушка не ответила, но он был настойчив:

– Вы придёте, Муся?

– Да, – выдохнула она.

Из башни танка выглядывал другой танкист, он широко улыбался, наблюдая за неожиданной сценой.

Сергей запрыгнул на броню, дружески похлопал по шлему любопытного, и оба рассмеялись.

Девушка, будто оглушённая, смотрела вслед отъезжающему танку и почему-то ждала, что он развернётся и снова подъедет к ней. Танкист, обернувшись, помахал ей рукой. Когда железное чудище скрылось в конце улицы, Мария критично посмотрела на свои валенки и увидела испачканные грязным снегом полы пальто. В другое время она бы принялась отряхиваться, но сейчас в этом не было необходимости. Сладкая волна не изведанных ранее чувств накрыла её

с головой. Воображение вытащило из детских воспоминаний бабушкину рождественскую открытку с ангелочком, натягивающим тетиву лука и целящимся позолоченной стрелой в молодую пару, целующуюся на скамейке.

Жила Муся на улице Карла Маркса в крохотной комнатке при Госбанке, где работала курьером. Она и родилась на этой улице в год Октябрьской революции – в то время она называлась Большой Саратовской. Под впечатлением неожиданной встречи девушка некоторое время бродила по закоулкам. Сердце билось так, что трудно было дышать. Муся хотела зайти к подружке в дом Гончарова, где та жила в съёмных комнатах с родителями, но передумала, боясь потерять что-то неосязаемое, упавшее ей в руки невидимой снежинкой, и пошла домой. Печь-голландка была ещё тёплой, и девушка, не снимая пальто, грела озябшие руки. Маленькое окно выходило во внутренний двор, там мужики возле дровяного склада сгружали с тачки пересортицу – берёзовые и дубовые дрова. Дубовые до склада обычно не доходили. Их сразу разбирали квартиросъёмщики. За окошком у Муси висел холщовый мешочек с салом и рыбой, привязанный верёвкой на шпингалет форточки. Одной синичке удалось проклевать дырку и добраться до вожделенного куска. Пичужка моргала чёрными глазками и крутила головкой, по-птичьи радуясь добыче. Голоса, доносившиеся со двора, и прыгающая за окном птичка вызвали в девушке щемящее чувство одиночества. Муся посмотрела на выцветшую чёрно-белую фотографию в простой деревянной раме, висевшую над кроватью, и тяжело вздохнула. Это единственное сохранившееся фото из толстого семейного альбома её родителей, сделанное перед самой революцией. Молодые отец и мать в торжественных позах запечатлены на сером подсвеченном лампами фоне.

Лица сосредоточенные, преисполнены важностью момента. Отец с подкрученными усами в нарядном тёмном фраке с галстуком-шарфиком на шее прямо сидел на стуле. Рядом стояла мать в чёрной шёлковой юбке и белой кофте на круглой кокетке, по которой шла маленькая оборочка. Ах, как Мусе нравились её кружевные белые манжеты и стоячий воротничок.

Она осмотрела в шкафу свой гардероб: «Нет-нет! В чём же я пойду?» Выбор совсем невелик – два поношенных ситцевых платья, шерстяная тёмная юбка и кофта, чуни и поношенные старомодные босоножки. Было бы платье из шёлка или крепдешина в мелкий цветочек, Муся могла бы отважиться на встречу. А самое страшное – что надеть на ноги? До этого дня Муся не задумывалась, модная у неё одежда или нет. В свободное время она ходила в кинотеатр «Художественный», но чаще во Дворец книги, где с упоением читала книги русских писателей. Там она и познакомилась с Валентиной, которая работала в этой огромной библиотеке. Вот она-то одевалась по моде. Где Валентина достала шикарное платье-костюм из отбелённого полотна с острыми плечиками, Муся даже не догадывалась, а подружка не распространялась на эту тему. Да и причёска у неё была современная: короткая, с косым пробором и зигзагообразными локонами. Красота! Валюша, как её называла Муся, подбивала подругу обрезать косы и стать привлекательной советской девушкой с пролетарским шармом. Но Муся видела в таком облике вульгарность, совершенно несвойственную ей. Единственное, что могла себе позволить Муся, – шерстяной бордовый берет вместо платка. Теперь Муся вспомнила про Валюшины туфли с круглыми носами на толстом каблуке. В таких не стыдно появиться на танцах.

Всю ночь девушка ворочалась, часто просыпаясь с мыслью – идти на танцы или не идти? Под утро она крепко уснула, а очнулась уже после девяти часов. Субботний день заглядывал в окно заиндевелой веткой берёзы. Муся не торопилась вылезать из-под ватного одеяла. Она рассматривала на противоположной стене старый выцветший плакат «Долой кухонное рабство», наклеенный предыдущим хозяином: женщины в красных платках разрывались между глажкой, уборкой, приготовлением пищи и работой. Муся, вспомнив, что столовая Госбанка сегодня не работает, встала, разожгла примус, поставила разогреваться чайник и застелила кровать плюшевым пледом, доставшимся ей от матери. Разглаживая его рукой, она машинально написала пальцем по ворсу слово «нет» и, взглянув на фотографию, вспомнила один из последних разговоров с матерью. Та, видимо, предчувствовала близкую смерть. Её душевное состояние было надломлено не столько сильной простудой, воспоминаниями о конфискованном доме и смерти мужа, сколько переживанием о невозможности посетить Божий храм. Несколько лет назад закрыли действующую церковь Иверской иконы Божией Матери на территории разрушенного после революции Спасского женского монастыря. Мать в том разговоре в задумчивости произнесла: «Я сегодня вдруг поняла совершенно банальную истину: себя в первую очередь нужно беречь! Причём во что бы то ни стало. Безоговорочно. Не следует рассчитывать, что в запасе будет ещё жизнь, а потом, возможно, ещё и ещё. Беречь – не в смысле хранить как в ларчике драгоценность. Беречь – значит не растрачивать себя по пустякам. Бежать от соблазнов, искушений, предлагаемых беснующейся толпой. Душу надо закрыть от вторжения чужих людей, оставляя открытой лишь для близких. Не бежать слепо вслед тем, кто

выбрал иной путь. Не подстраиваться ни под кого, пряча свои чувства в сердце. Ложью пусть кормятся те, кому она по вкусу. Не следует доказывать ни первому встречному, ни родным и близким, что ты лучше всех... Живи, дочка, по этим принципам здесь и сейчас. Люби и дыши полной грудью! Понимаешь, милая моя Муся?»

Тогда слова матери Муся поняла по-своему и не растрачивала себя по пустякам, как она думала, полностью отдаваясь работе и закрывая от других душу и сердце. Воспитанная советской школой, Муся считала труд на благо советского общества необходимостью, довольствовалась малым и чувствовала себя счастливой. Ведь счастье хранится внутри человека. И когда родители с восторгом рассказывали о былых временах с балами, экипажами и шумными застольями, её сердце не терзалось завистью к этой прежней их жизни. Но сейчас другая материнская фраза застряла в голове: «Люби и дыши полной грудью...» Муся вновь разгладила плед и написала: «Люби и дыши».

В клуб на танцы Муся пришла в ситцевом платье и шерстяной кофточке под ручку с Валентиной. И в её туфлях, слегка болтающихся на ногах, хотя в носы обуви были засунуты скомканные обрывки плаката из Мусиной каморки. В зале звучали вальсы, польки и кадрили. Танкиста Муся сразу узнала по пылкому взгляду. Он был в военной форме с иголочки, подтянутый и, как она почувствовала по его сжатым губам, в тревожном ожидании. Рядом с ним стоял товарищ в такой же фуражке с серо-стальной тульей, красными кантами и чёрным бархатным околышем. У Муси от волнения ноги стали свинцовыми. Ей показалось, что Валюшины туфли прилипли к деревянному полу, а она сама превратилась в огородное

пугало, застывшее посредине зала. Взволнованная подруга дёрнула Мусю за руку:

– Ну ты чего встала как вкопанная? Смотри, какие красавцы смотрят на нас в упор!

В это время один из них одёрнул серо-стальную гимнастёрку, ловко согнав складки назад, хлопнул по карманам галифе, подбадривая себя, и ринулся почти строевым шагом навстречу девушкам. Второй оторвался от стены и поспешил следом.

– Здравствуйте, Муся! Как я рад, что вы пришли. – Военный протянул руку и уверенно сжал ладонь девушки, не отпуская её.

Валентина ревностно посмотрела на подругу:

– Маруся! Срочно познакомь меня с этими бравыми ребятами.

– Сергей Гончар! – представился Мусин спаситель, щёлкнув каблуками, а его товарищ подхватил:

– Николай Ростовский! Товарищи девушки, для вас просто Коля.

– Мария Шишкова! – ответила Муся, а подруга назвала своё имя:

– Валентина Дёмина!.. Товарищи танкисты, для вас просто Валя!

Из граммофона раздавалась «Рио-Рита», и Сергей увлёк Мусю в танце. Её первоначальная скованность незаметно стала проходить под восторженным взглядом Сергея. Но девушка отвела глаза и сосредоточилась на воротнике Сергея с петлицами, внимательно рассматривая блестящую эмблему в виде силуэта танка. Она вспомнила сугроб с застрявшим валенком, страшные гусеницы и рассмеялась. Сергей улыбнулся ослепительной улыбкой, и трепетная волна чувств отгородила танцующую пару от шумного мира. Они даже не ви-

дели, как Валентина, театрально закинув голову, кружилась рядом с ними в паре с Николаем, и не услышали окончание музыки. Лишь когда сменили пластинку и зазвучал бархатный тенор: «Веселья час и боль разлуки...», Муся подхватила слова и будто на сцене запела в такт приятным грудным голосом: «Хочу делить с тобой всегда. Давай пожмём друг другу руки и в дальний путь на долгие года...»

Поезд давно проехал по волжскому мосту, а эхо от его громыхания блуждало между высокими опорами, уносимое ветром на север по островам и береговым оврагам. Мороз был ещё крепок. Вереницы саней и пеших точками обозначались на ледяном панцире широкой реки.

– Завтра, милая, в путь-дорожку на Украину, в Киев, в мотострелковую дивизию, – произнёс Сергей, переводя задумчивый взгляд с волжских просторов на спутницу. – Дан приказ на запад!

– Да, Серёжа, – вздохнула она с радостной тревогой, – в дальний путь на долгие года... Когда теперь увижу родные берега, неизвестно. А твой восторг я понимаю. Ты же на свою родину возвращаешься.

– Да, я в Одессе родился, а жил и учился в селе Чернятин на речке Ров. Эх и места красивые! Мельницы на лугах, воздух от летнего зноя дрожит... Обязательно туда съездим.

Девушка засмеялась:

– Твою биографию, Серёжа, я знаю наизусть. Родился двадцать второго апреля тысяча девятьсот шестнадцатого года. Получается, в один день с Лениным.

– Точно так, – с улыбкой ответил молодой человек. – Мне военную специальность и выбирать не пришлось. Военком как отрезал: «Направляем тебя в Ульяновское Краснознамённое

танковое училище имени Владимира Ильича Ленина. Ибо ты несёшь огромную ответственность перед советским народом, коль родился день в день с Ильичом».

– А я родилась в Симбирске и прожила в нём пять лет.

– И что случилось потом?

– Потом, – засмеялась девушка, – город переименовали в Ульяновск. Ты это знаешь не хуже меня. А ещё я знаю… Но не скажу.

– Говори, что ты знаешь, а то вот сниму шапку и простужусь.

– Хитрец какой! Ладно, скажу, если поцелуешь.

– Поцелую, сто раз поцелую! – Военный в новенькой шинели крепко поцеловал девушку в губы.

– Знаю, знаю, – тяжело дыша, сказала она, – любишь меня.

– Муся! Люблю и никому тебя не отдам!

– Но у меня, кроме валенок, старого пальто и фотографии родителей, ничего больше нет!

– Мне нужна ты, а не твои валенки!

Сергей засмеялся, а девушка, прикрыв ладонью его рот, благодарно улыбнулась и пропела:

– Мы так близки, что слов не нужно, чтоб повторять друг другу вновь…

– Пора идти в кино. Нас заждались, – сказал Сергей.

– Маруся! Серёжа! Мы замёрзли! – послышался нетерпеливый голос Валентины. – Завтра в поезде наговоритесь…

Мужчины хотели пойти на «Чапаева», но девушки настояли на комедии «Весёлые ребята», хоть и смотрели её много раз. Выходя из кинотеатра, Муся восторгалась:

– Леонид Утёсов бесподобен!

– Какая прелесть Любовь Орлова в образе простой девушки, – восклицала Валентина, а Николай ответил цитатой из фильма:

– Какая женщина… Убиться можно!

Валентина бросила в его сторону огненный взгляд и рассмеялась:

– Мы думали, что вы – музыкант, а вы – пастух!

Сергей поддержал друга:

– Сегодня пастух, а завтра – музыкант!..

– Или даже настоящий герой! – продолжил Николай.

– Ну вот завтра и приходите! – Валентина, заразительно смеясь, устремилась вперёд, увлекая за собой остальных...

На железнодорожном вокзале народ суетился и толкался, ругался, любезничал, шушукался, усердно тащил свой багаж и смотрел вокруг с мыслью, что он здесь самый значимый и бывалый. На путях паровозы выпускали с шумом пар, гремели сцепки вагонов, раздавались гудки, команды и крики дежурных и машинистов. В обшарпанном фанерном чемодане Муси было платье, босоножки, фотография родителей, плюшевый плед, туфли, подаренные Валентиной, и дорожная укладка с разной мелочью. В картонном, обклеенном парусиной, с двумя замками и кожаной ручкой чемодане Сергея лежали армейский несессер с набором предметов личной гигиены, запас продовольствия, лёгкая обувь, портянки, свеча, табак, спички и запас письменных принадлежностей. До отправления поезда было больше часа, да и состав ещё не прибыл на станцию. Молодые люди расположились в зале ожидания. Поезд Муси и Сергея уходил на Москву – там они планировали пересадку на поезд до Киева к месту военной службы в мотострелковый полк оперативных и погранвойск НКВД. Николай и Валентина уезжали поздно ночью на Дальний Восток, но пришли проводить друзей. В новой офицерской форме с хрустящими портупеями, в начищенных до зеркального блеска сапогах молодые лейтенанты ловили восхищён-

ные взгляды окружающих, то и дело ощупывали блестящие кобуры с револьверами, приятно оттягивающие бока.

– Помнишь слова генерала, когда он вручал нам удостоверения и личное оружие? – спросил Сергей у товарища.

– Да, что международное положение всё больше и больше осложняется, – ответил, закуривая папиросу Николай, – и Родина нуждается в нас.

– Эт точно, в воздухе пахнет порохом и войной.

– Год назад отгремели бои с Японией, а сегодня германский фашизм начал оккупацию Австрии.

– Ходят слухи, что Гитлер смотрит в сторону Москвы.

– Не посмеет! Кишка тонка! Мы его, как самураев в прошлом году у озера Хасан, разгромим в пух и прах.

– Знаешь, Николай, японцев тоже недооценили. А они, когда захватили Центральный Китай и Маньчжурию, провели провокационное нападение на наши границы.

– Закончилось это для них печально.

– Но сколько наших танков они пожгли!

– А мы сколько уничтожили их дивизий, Серёга? Не скоро опомнятся.

– Красная армия всех сильней! – утвердительно кивнул Сергей. – Много ребят-танкистов были награждены звёздами Героев Советского Союза. Помнишь, политрук рассказывал.

– Хорошо помню. На занятиях мы разбирали их стратегию боя. Григорий Конев, командир танка, прорвался на японские позиции и вёл сражение в окружении до последнего патрона. Экипаж отказался сдаваться в плен и был сожжён вместе с танком. Награждены посмертно!

– А мне запомнился рассказ про Александра Тимакова, – вспомнил Сергей. – Его экипаж уничтожил японское орудие, но их подбили самураи.

– Точно так! Он несколько часов держал оборону из танка, затем снял пулемёт и прикрыл отход оставшихся в живых танкистов своего и других экипажей подбитых танков. В бэтэшке большой запас патронов на такой случай.

– Но в одиночку снять пулемёт, выбраться из машины и занять выгодную позицию очень затруднительно.

– Отрабатывать надо на учениях...

Девушки беспокойно поглядывали друг на друга, слушая разговор, и новое волнение охватывало их сердца.

После объявления посадки на поезд Сергей с Мусей быстро поднялись с мест и начали прощаться с друзьями. В это время к ним подошёл военный в форме майора НКВД, плотного телосложения, с широким мясистым лицом. Муся узнала в нём отца Валентины. Он поздоровался с лейтенантами, приложив руку к козырьку, обнял дочь, расцеловал и поставил к её ногам добротный кожаный чемодан, застёгнутый на ремни.

– Еле-еле вырвался со службы, – сказал он важно и убедительно. – Вот тебе, Валечка, от меня подарок. Тут кое-какие дамские наряды, продукты и сладости. Мама успела и пирожков настряпать. И не беспокойтесь! – он остановил жестом руки Николая, который хотел что-то возразить. – Дежурный по вокзалу лично проводит вас к поезду и поможет с вещами. Поедете с комфортом в купейном вагоне. В Хабаровске мои товарищи встретят, проследят, доставят в расположение воинской части... Позвони, как будете на месте... Счастливого пути, дочь!

Почти в это самое время в Москве собрался Главный Военный совет Рабоче-крестьянской Красной армии при Народном комиссариате обороны СССР. Во главе большого

длинного стола сидел напряжённый маршал Ворошилов – председатель совета, нервно постукивая пальцем по листам бумаги и время от времени заглядывая в них. С изогнутой курительной трубкой в руке вдоль рядов стульев ходил Сталин и хмуро глядел на наркома обороны:

– Хочу вам напомнить, товарищи, что год назад мы создали Главный Военный совет не для того, чтобы товарищ маршал Советского Союза Клемент Ефремович Ворошилов зачитывал по бумажке доклад начальника штаба РККА товарища Шапошникова, а взвешенно сделал анализ состояния военной обороны нашей страны. Как вы считаете, товарищ Шапошников, готова Красная армия отразить нападение врага на наших западных границах?

Сталин подошёл так близко к человеку, к которому был обращён вопрос, что тому пришлось отодвинуть в сторону стул и неуклюже разворачиваться, вставая перед вождём Коммунистической партии большевиков без тени замешательства или досады, будто это было привычным для него обстоятельством:

– Товарищи члены Военного совета, согласно плану развития РККА в период тридцать восьмого – тридцать девятого годов, численность на первое января этого года должна была составлять один миллион пятьсот шестьдесят пять тысяч человек. На двадцатое февраля численность Красной армии составляет один миллион шестьсот девяносто одна тысяча. Основное увеличение произошло за счёт усиления войск Дальнего Востока: новых артполков, танковых рот, корпусов зенитных батарей и частей связи. Думаю, Красная армия готова отразить нападение любого врага.

– А что по новому вооружению добавите, товарищ Шапошников? – Пристальный взгляд Сталина заставил поёжиться генерала.

– Стояла задача, товарищи, вместо пистолета ТТ разработать и испытать более удобный для пользования и меньшего веса. Разработать и испытать облегчённый станковый пулемёт для вооружения стрелковой роты. Также в стрелковой роте иметь миномёт, тип которого срочно разработать и утвердить. Военные округа дополнительно обеспечить вездеходами, автомобилями и тракторами с прицепами.

Ворошилов согласно кивнул головой:

– Да, мы решаем поставленные задачи!

– Каков же результат, товарищ Шапошников?

– Все представленные новые образцы пистолетов, товарищ Сталин, по боевым свойствам уступают ТТ. Конкурс продлён. Новый пулемёт Дегтярёва при стрельбе с обыкновенной обжимкой гильзы даёт задержки. Испытания перенесены. Разработан пятидесятимиллиметровый миномёт «Оса». Заказали тысячу штук. План поставок по автомобилям, автобусам, прицепам и вездеходам срывается промышленностью.

Ворошилов оживился:

– Хочу дополнить, Иосиф Виссарионович, что промышленность до сих пор не взяла миномёты в производство.

– А что скажет по этому вопросу товарищ Мехлис?

Мужчина средних лет с грузинскими чертами лица в чёрном костюме с красным галстуком повернулся и, помедлив, встал:

– Насколько мне известно, есть более серьёзные вопросы, и я, товарищи, как член Коммунистической партии должен довести их до Военного совета.

– Мы вас внимательно слушаем, товарищ Мехлис. – Сталин вплотную подошёл к нему.

– Комитетом обороны планировалось дополнительно заказать сто двадцать учебных кабин самолётов СБ и сто само-

лётов УТИ-4. Самолёты до сих пор не заказаны. Недостаток их тормозит подготовку частей и школ ВВС. Не разработан тип артиллерийских позиций, медленно идёт строительство деревянных стандартных домов для начсостава.

Ворошилов поднялся из-за стола:

– Товарищи, вопросов много, и Комитет обороны ежедневно их решает. Со своей стороны я бы обратился к правительству с просьбой. Без помощи промышленности мы не справимся с поставленными перед нами задачами в сжатые сроки. Хотя Советом народных комиссаров все задачи поставлены на местах, но многие срываются. По вопросам снарядов и самолётов, озвученным товарищем Мехлисом, срывы сроков происходят из-за нехватки станков, насколько у меня верная информация. А вот один пример нерасторопности некоторых членов партии. Мы планировали создать на Маньчжурской ветке запас дров в количестве сто тысяч кубометров. Однако до сих пор нет решения Экономического совета.

Сталин прошёл в дальний угол зала заседания и оттуда произнёс:

– Товарища Микояна мы заслушаем на бюро партии вместе с товарищем Ворошиловым на ближайшем заседании. Я почему-то уверен, что многие из ваших вопросов будут решены до этого дня.

– Военный совет приложит к этому все усилия, товарищ Сталин. – Ворошилов грузно сел на место.

– Хотел бы узнать о готовности войск от начальника бронетанкового управления товарища Павлова. – Сталин подошёл к стулу, на котором сидел военный в форме генерал-полковника. Тот, видимо, заранее почувствовал вопрос и быстро поднялся:

– Товарищи члены Военного совета! На начало года на вооружении Красной армии находится более двадцати одной тысячи танков. Основной костяк бронесил – Т-26 и БТ – имеют на вооружении сорокапятимиллиметровую пушку. Немецкие танковые войска, например, насчитывают меньше полутора тысяч танков. Половина танков панцерваффе оснащены двадцатимиллиметровой пушкой и имеют слабую броню. Наши танки превосходят немцев почти по всем табличным характеристикам. Потенциальный противник не стоит на месте, но и мы разрабатываем новые модификации.

Сталин вопросительно взглянул на Ворошилова, тот в ответ утвердительно кивал головой:

– Кроме того, в стране несколько танковых училищ и укомплектованная материально-техническая база.

Сталин удовлетворённо подвёл черту:

– В таком случае, товарищ Ворошилов, решайте вопрос по пулемётам и самолётам. На следующем совете рассмотрим состояние Военно-морского флота. Подготовьте подробный доклад...

Сергей Гончар не стал накануне бегать и хлопотать по поводу купейных билетов. Ему не терпелось поскорее добраться до Киева, поэтому они с Мусей довольствовались жёсткими плацкартными местами. Молодая женщина-проводник в серой шинели с большим воротником с шевроном, в круглой суконной шапке типа финки с красной звездой и эмблемой паровоза приветливо им улыбнулась. Муся про себя отметила, что эта форменная одежда и ей бы тоже подошла. Она даже позавидовала работе проводницы, которая ездит по стране, встречается с разными людьми и, наверное, получает хорошее жалованье.

– Здравствуйте, молодые люди! – проводница оценивающе посмотрела на лейтенанта, поймав перед этим взгляд его спутницы. – За кипятком без стеснения обращайтесь ко мне. Для вас я поставлю самовар.

Помахав на прощание Николаю и Валентине, они уселись у окна в обнимку и так ехали до большой остановки в Майне со строгими и серьёзными лицами, неотрывно разглядывая за окном мелькающие лесополосы, покосившиеся заборы дворов, таявший на пригорках снег, врывающиеся из-подо льда речушки и беспокойных лошадей в упряжке на переездах. На станции шумный народ повыскакивал из вагонов со своими мятыми нечищеными чайниками в поиске кипятка. У Муси из головы не выходил кожаный чемодан с дамскими вещами, поставленный к ногам Валюши. Девушка вспомнила, как года полтора назад дома у Валентины они примеряли дорогое шёлковое бельё. Валюша как-то искала потерянный платок или чулок и случайно обнаружила в шкафу родителей бесподобное новое женское бельё, которое не продавалось в обычных магазинах. Оно было спрятано в самый дальний угол. В одиночку рассмотреть это чудо она не решалась – до смерти боялась отца. Это открытие надо было с кем-то обсудить и, конечно, с лучшей подругой. Но насладиться примеркой не получилось. Отец Валентины приехал средь бела дня домой с каким-то военным. Валюша краем глаза выглянула в окно на шум подъезжающего автомобиля: черный служебный ГАЗ отца со здоровым вытянутым капотом и торчащими по бокам большими круглыми фарами она разглядела сразу. А когда из дверей показались васильковые фуражки с малиновым кантом и чёрным лакированным козырьком, девушки спрятались под кровать, потому что сами сбежали на тайную примерку с работы да и боялись попасться за сомнительным занятием.

Отец Валентины зашёл в комнату с незнакомым майором, раздражённо подвинул стул, с грохотом достал из серванта стаканы и бутылку московской водки. Мужчины не садились за стол, а нервно ходили вокруг, стуча сапогами по деревянному полу, выпивали, разговаривали и курили. Валентина шепнула подруге, чтобы та закрыла руками уши, показывая как. Муся повиновалась, но время от времени зажимала одной рукой нос, боясь чихнуть из-за пыли и едкого запаха.

– Ты разве не помнишь, с чего всё началось? – говорил незнакомый офицер.

– Ну конечно! – отвечал Валюшин отец. – Вся эта канитель началась с оперативного приказа наркома внутренних дел Ежова об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов.

– Тише! Убавь голос!

– Тут стены каменные.

– У всех стен есть уши!

– Вот именно! Антинародных элементов. Ладно... Мы же с тобой выполняли приказ. А сейчас за это нас могут к стенке поставить.

– Да помню я его назубок. Разнарядка была конкретная. Куйбышевскому управлению предписывалось расстрелять тысячу человек, а нашему отделению – сотню!

– Так прям и помнишь?

– Выучил наизусть, чтобы убедительнее зачитывать. «Материалами следствия по антисоветским формированиям устанавливается, что в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпосёлков. Осело много в прошлом репрессированных церковников

и сектантов, бывших активных участников антисоветских вооружённых выступлений...» Ну и так далее.

– Да-да, все они проникли на предприятия и стройки. Вот мы эту подпольную гниду и уничтожали как класс.

– Кажется, в сентябре начали.

– В августе.

– Аккурат под новый год мы за один день девяносто антисоветчиков отправили в преисподнюю. От воспоминаний дрожь пробивает до костей.

– Если бы не спирт, наши ребятки в подвале с ума бы сошли от запаха крови.

– А областные, сучьи дети, завидовали нам!

– Да, падлы, машину отобрали.

– Грузовичок нас выручал. Помнишь, потом возили трупы до Стрижового оврага на телегах и санях? Измучились... Чёртова работа!

– До Репьёва было сподручнее возить.

– Плохо закапывали – вот что тебе отвечу. Иногда народ находил трупы.

– Ну так ночью с мертвяками не всякий управится!.. Я тебе скажу по секрету, майор, – понизив голос, говорил неизвестный, – мы иногда расстреливали прямо во дворе дома купца Сачкова и там же закапывали.

– Ну и твари безмозглые! А если вскроется? Меня первого к стенке!

– Вот что, майор. Мы своё дело справили по приказу. План перевыполнили в три раза. Партия будет нами гордиться.

– Шиш тебе с икрой и маслом. Сами бы не награждали себя добром этих гнид буржуйских, чёрта лысого бы нам перепало. Жаль, закончилась эта грязная работёнка. Она затягивает как трясина.

– Ну не знаю! По мне и так хватит. Кошмары давно снятся.

– Не скрою, приходит по ночам и ко мне один мертвец. Церковник иль сектант, хрен их разберёшь. Помню, грозил на допросе карой небесной. Про вечное царство нёс ерунду. Я ему довод железный привёл. Нашего вождя, говорю, товарища Сталина каждый может увидеть живьём и послушать его коммунистические речи, а вот твоих святых, сволочь чёртова, ни разу не видал.

– А он что?

– Что-что! Получил, гад, всю обойму под ноль, – порывисто расхохотался майор.

Муся мало что поняла из того разговора военных, но из любопытства уши закрывала понарошку, надеясь понять загадку найденных Валюшей вещей. Теперь в поезде, прижавшись к любимому и разглядывая гимнастёрку с петлицами на отложном воротничке с кантом, блестящий знак в виде танка и два красных кубика, терзаясь всплывшими воспоминаниями, она решила расспросить мужа о расстрелянных антисоветчиках и кулаках, не раскрывая всей своей «подкроватной» тайны. Сергей удивлённо посмотрел на неё. Конечно, он знал, что родители Муси были дворянского происхождения. Сейчас её вопрос он воспринял как некие внутренние страхи и попытался успокоить:

– Ты жена лейтенанта Красной армии, который готов защищать свою Родину не щадя жизни… Есть другие военные, которые защищают её в мирное время. И как они это делают, остаётся на их совести, ответственности их подчинённых, их командиров. А мы с тобой едем в Москву. И если прислушаться к стуку колёс, то можно разобрать их железный голос: «Я тебя люблю… Я тебя люблю…» Так что ничего не бойся, милая!

Сон не шёл, хотя за окнами вагона мелькала тёмная мартовская ночь, и Муся отправилась за кипятком. Навстречу прошёл нетрезвый злой пассажир, чуть не столкнувшийся с девушкой. Проводницу Муся застала заплаканной. Та, вытирая слёзы, смотрела на своё отражение в тёмном стекле и, увидев в нём пассажирку, выдохнула, обмахивая лицо платком.

– Что с вами? – бросилась с вопросом к проводнице Муся. – Вас обидели? Это пьяный мужчина?

– Да уже лучше, – ответила она. – Не обращайте внимания. Это трудности моей работы. Кто-то предлагает помощь, но чаще лезут с навязчивыми просьбами, проблемами и даже угрозами. Народ разный, приходится терпеть. Начальник поезда требует от проводников проявлять выдержку, самостоятельно решать вопросы и лишь в крайнем случае, когда пассажирам грозит опасность, обращаться за помощью.

– А сейчас не крайний случай?

– Да нет, что вы. Я устала топтаться на ногах, задремала, и мне приснилась дочка. Она с бабушкой остаётся, когда я работаю. А тут этот остобрыдлый приставать стал. Ну я его чуть кипятком не ошпарила.

– А где же ваш муж?

– Да нет и не было никогда. В поезде года три назад влюбилась в артиста. Не дурён собой, обходительный такой. Думала, счастье своё нашла. А он поматросил и бросил. И не артистом оказался, а проходимцем. Вам вот повезло. Офицер-красавец и, видно, хороший человек.

Вернувшись на своё место, Муся крепко обняла Сергея и прижалась к его щеке, ощущая состояние гармонии, сладкого невыразимого благоденствия и покоя…

Москва уже с первых шагов по гулкому шумному перрону Казанского вокзала потрясла Мусю. Любопытство и страх перед столицей Советского Союза, выражавшиеся в робких движениях, внимательном взгляде и тихом голосе, завладели Мусиным существом. Девушка жалась к Сергею, уверенно тащившему чемоданы. Когда они вышли на захватывающий дух простор Комсомольской площади и огляделись, то перед ними предстала удивительная картина прекрасной архитектуры с узорными башнями и шатровыми крышами. На здании Казанского вокзала их внимание привлекли большие часы с бронзовыми знаками зодиака, и молодые люди уставились на циферблат. Очнулись они от голоса интеллигентного незнакомца с густой шевелюрой, чёрной бородой и длинными густыми усами – эдакий предводитель морской стражи с острова Буян:

– Эти часы спроектировал Алексей Щусев, мой хороший знакомый. А вы, молодой человек, стало быть, военный… танкист?

Сергей взглянул на мужчину в дорогом затасканном пальто. Его задумчивые глаза в синеватых обводах, морщины на лбу и весь образ, нетипичный для обычного горожанина-пролетария, указывали на принадлежность к деятелю искусств, давно ведущему творческий образ жизни. Военный решил передохнуть и поставил чемоданы на землю:

– Лейтенант Красной армии Сергей Гончар, – с некой гордостью представился он бородачу.

– О как! По-военному чётко и понятно. А как обращаться к восхитительной барышне в яркой, живописной береточке? Сам Петров-Водкин не прошёл бы мимо столь очаровательной особы, я уж не говорю о Бенуа.

– Мария, – ответила девушка, ощущая волну симпатии к этому экстраординарному человеку. Никто к ней так не об-

ращался. Что-то на подсознательном уровне заставило её взволноваться, почувствовать себя по-новому. Слегка смутившись, она кокетливо кивнула, машинально поправляя берет.

– Не волнуйтесь, молодые люди. Я вас надолго не задержу. Мало кто так внимательно осматривает эти башни и фасады. Все спешат в светлое будущее и не задаются вопросом, а кто же построил эту каменную красоту – Казанский вокзал?

– И кто же? – в один голос спросили Сергей и Муся и оттого весело засмеялись.

– Спасибо за прекрасный вопрос! Так вот, архитектором этого уникального памятника двух эпох был, есть и будет мой старый друг Алексей Щусев, о котором я уже упомянул. Смею вас заверить, что я был в мастерской архитектора за год до революции на смотринах этюдов для этого вокзала самого Бенуа и других художников. Граф фон Мекк с супругой и дочкой прибыл на эти смотрины. Художники были удостоены высочайшего благоволения, – бородач для убедительности поднял указательный палец.

Говорил новый знакомый распевно, словно экскурсовод в музее, и его хотелось слушать. Хотя молодые люди мало что понимали, но чувствовали себя в данный момент причастными к истории. Сергей прямо спросил:

– А кто такой Бенуа?

– Наверняка вы знаете про Кутузова и Суворова, а про Бенуа вам, военным, и знать-то, в общем, необязательно. Но вот что я скажу. Историю России будут изучать, да и уже изучают не только советские люди. Как не называй свою родину, а она одна. И её надо принимать и любить такой, какая она есть. А все, кто эмигрировал за границу, не верят в свой народ. Даже Бенуа, великий русский художник.

– И как прошли смотрины? – спросила с улыбкой Муся.

– Всё сошло благополучно. Правление Общества Московско-Казанской железной дороги утвердило панно, хотя строили козни замыслам Бенуа. И знаете, что ответил художник?

Молодые люди пожали плечами.

– Господи боже мой, что за сумасшедший дом вся наша матушка Россия, и в частности, какая сплошная ерунда вся наша художественная жизнь... Вот что он сказал!

– А я думала, что художники самые счастливые люди на свете, – вырвалось у Муси.

– Многие так думали! – И уже следуя своим мыслям, бородач в сердцах продолжил:

– Почти все художники, участвовавшие в строительстве, оказались в эмиграции... А сами-то откуда прибыли, молодые люди?

– Из Ульяновска, с берегов Волги, – радостно ответила Муся.

– Ах ты боже мой! Симбирские, стало быть. Знавал я Николая Шишкова, симбирского вице-губернатора, председателя совета братства святой равноапостольной Марии Магдалины. Расстрелян в тридцатом году, царство небесное рабу божьему Николаю... Род Шишковых знаменит был в России. Вы, мадам, дворянского происхождения. Глаз художника цепок на лица.

Муся вздрогнула от этих слов, и холодный пот побежал по спине. Девушка вспомнила слова отца. Он говорил, что девять Шишковых были стольниками при Петре Великом, и Муся – прямой потомок одного из них. В памяти всплыл рассказ матери про герб рода Шишковых: на щите с красным полем и двумя золотыми полумесяцами изображён золотой меч с переломленным эфесом, обращённый остриём вниз. Она так и не спросила, почему переломлен. Эти знания она пыта-

лась вытравить из памяти, но время от времени с образами родителей всплывали эти воспоминания. Девушка невольно обхватила руку Сергея и с тревогой посмотрела на бородатого мужчину.

– Я родился в Одессе в рабоче-крестьянской семье, – ответил Сергей и взял чемоданы.

– А я в семье архитекторов. Бывал в Парижах, поездил по свету. Но Москва – особый город. Неповторимый по многообразию стилей и советского новаторства. Кто бы ни говорил колкие речи, вспоминая дореволюционную Москву, а сейчас здесь место социального эксперимента, нагромождение ренессанса, модернизма и увлекательного романтизма. Поэтому и захаживаю иногда на эту площадь трёх вокзалов. Вон тот красавец – Ленинградский, а этот ажурный – Ярославский.

Бородач взял за руку Мусю:

– Прощайте, барышня, жена танкиста, у вас впереди долгая, трудная жизнь. А вас, лейтенант, ждут геройские поступки. Поверьте старому профессору Лансере и прощайте. Да хранит вас Бог!

Сергей застыл с чемоданами, осмысливая слова случайного рассказчика. Какой они несли посыл, ему было сложно разобраться и понять. Сейчас он вспомнил мальчишескую драку на сельской пыльной улице в Чернятине напротив бакалейной лавки, которую содержала еврейка Ита Рабинович. Всё началось из-за овальной жёлто-зелёной этикетки с надписью: «Мюнхенское пиво Чернятинского завода». Её у брата Юрки хотели отобрать сыновья рабочих пивоваренного завода. Сергей бесстрашно бросился на защиту с явно превосходящими силами и оказался потом в земской больнице. А взрослые ведь стояли и глазели: «Выживай как хочешь. Сам полез в пекло». Врач-мужчина с ло-

шадиным лицом долго осматривал раны, будто восторгался статуей Родона.

– Хорош Гаврош! Добрый хлопчик! – как-то зверски улыбался эскулап сельской медицины, по совместительству – ветеринар. – Да ты плюнь на эти болячки, сынок, быстрее заживут, – шутил он или говорил всерьёз, но Сергей и вправду плюнул на своё кровоточащее колено, чем вызвал радостно-безумный хохот врача.

– Ух, шалений! Это мужской поступок! – врач восторженно взглянул на медсестру. – Понимаешь теперь, Бажаночка, чем отличается человек от тварины божьей? От кобылы иль пёсика. А? Швидко отвечай!

Улыбчивая чернобровая девушка недоумённо покачала головой, а мужчина в серо-белом застиранном халате продолжил:

– Людина может плевать на себя… Да и на других! Да вообще на всё может плюнуть человек, а зверь – нет.

До какого времени Сергей верил, что этот поступок был действительно героическим, неизвестно, но он до сих пор осознавал, что главной наградой для него в тот момент была похвала отца. Тот похлопал сына по плечу, потрепал мозолистой рукой по голове и коротко произнёс: «Герой, Сергей Сергеевич!» И вот такие события в юношеской жизни Сергея случались не раз, они шли за ним по пятам, как тень…

Муся, провожая взглядом удаляющуюся фигуру странного профессора, будто теряла связь с неким призрачным миром, в котором жили её родители, бабушки и дедушки. С тем миром, о котором она много слышала, но которого пугалась и желала одновременно. Брошенная фраза «Прощайте, барышня, жена танкиста» застряла в её голове, как древнее насекомое в вечной мерзлоте.

Молодые люди с яркими впечатлениями от встречи с необычным человеком двинулись к наземному вестибюлю станции метро «Комсомольская». Красные флаги трепетали над козырьком, народ вокруг деловито сновал туда-сюда, а метрополитен с грохочущими вагонами только усиливал изумление девушки. Она стеснялась смотреть на пассажиров, сидящих напротив, и рассматривала подвесные белые плафоны на потолке вагона, а Сергея привлекла газета «Правда», которую раскрыл мужчина рядом с ним. Лейтенант успел просмотреть фотографии членов ЦК ВКП(б) на первой полосе и прочитать надпись «С каждым днём нарастает производственный подъём трудящихся нашей республики», хотел было заговорить с соседом, но блуждающий грохот съедал слова, и Гончар дождался остановки, чтобы спросить про станцию «Охотный ряд», на которой молодая пара пересела на другой электропоезд до Киевского вокзала. Сдав чемоданы в камеру хранения, они вышли на оживлённую улицу.

– А в танке так же ужасно гремит? – спросила Муся.

– В танке приятное звериное рычание мотора, – улыбнулся Сергей. – Я иногда снимаю шлем, чтобы вслушаться в работу механизмов. Танк, хоть весь из железа, но как живой. Понимаешь, мы с ним чувствуем друг друга – и это необъяснимо!

– Мне сложно такое понять. Я вот даже не представляла, что существуют настоящие подземные дворцы под Москвой. Кругом мрамор, фарфор, мозаичные картины на стенах и потолках. А какие же огромные торшеры на станции «Охотный ряд»! Интересно, как отреагирует Валентина, увидев такую красоту?

Удивлялась не только Муся. На Сергея произвёл впечатление двухэтажный троллейбус с гербом Советского Союза и крупными буквами СССР. Они проехали на нём несколь-

ко остановок, забравшись на второй этаж и рассматривая широкие улицы с многоэтажными строениями, спешащими москвичами, лупоглазыми автомобилями, тарахтящими грузовичками и неунывающими извозчиками на забавных бричках и телегах. Сергей выдвинул идею про двухэтажный танк с дополнительной пушкой, но отказался от неё, приведя сам себе убедительные доводы, что такая махина будет уязвима в бою и слабо манёвренна. А Муся с интересом рассматривала вывески на магазинах, проплывающие за окнами троллейбуса.

– Наркопищепром СССР, – читала она вслух. – Главкондитер... Карамель. А я ведь не ела карамель сто лет.

Добравшись до Красной площади, они от усталости решили присесть на холодные каменные ступени собора Василия Блаженного. Муся с удивлением смотрела на кресты собора:

– Почему так, Сергей? – девушка была в замешательстве. – В Ульяновске разрушили церкви. Моя мама перед смертью переживала, что негде преклониться перед святыми угодниками.

– Это историческое место, Муся. Тут памятник Минину и Пожарскому. Они герои, сплотившие народ, как Ленин и Сталин.

– Жестокие времена, жестокие нравы! – послышался голос незнакомой женщины с всклокоченными черными волосами и безумным взглядом. Она стояла поодаль и наблюдала за семейной парой с ребёнком. Девочка пыталась просунуть голову через ажурную кованую изгородь. – Вы наверняка не знаете, – продолжила женщина, – что тут было лобное место и преступников здесь четвертовали?..

Испуганный мужчина в деревенской одежде взял девочку за руку и отступил назад.

– Вы ничего не знаете, – незнакомка назидательно подняла вверх указательный палец. – Здесь отрубали сначала руки, потом ноги, а затем и голову. Степана Разина тут казнили. Падала кудрявая головушка на залитую кровушкой землю. А Стенька был народный вождь, вор и убийца.

– Какой ужас! – поёжилась Муся, пугливо поглядывая на странную женщину.

– А молодой да удалой совершенно прав. Это памятник русским героям. Сколько их было и будет – не перечесть. А вы что же не идёте в Мавзолей, как все, смотреть на труп вождя мирового пролетариата?

– Не слушайте эту полоумную, товарищи! – раздался голос мужчины в сером пальто и помятой кепке. Вокруг стал собираться народ.

Интонация женщины настораживала, и был непонятен посыл её противоречивых высказываний. В них чувствовались и одобрение в адрес молодой пары, и провокационный сарказм. Сергей вгляделся в глаза немолодой женщины. Огоньки одержимости, вспыхивающие в них, неожиданно успокоили его. И он ответил, посмотрев на неё в упор:

– Нам пора на вокзал. Мы едем к месту моей службы. А очередь в Мавзолей, сами видите, какая! Часа три, не меньше, простоять нужно.

Женщина тревожно глянула вдаль и обмякла, некая покорность появилась в её взгляде:

– А к моему нет очереди. Представляете, кроме парочки грачей и воробьиной стайки, никто не захаживает на могилку к любимому. Никто! Никто!.. Никто...

Мужчина в сером пальто снял кепку, поднялся повыше на ступени, левую руку завёл за спину, правую вытянул в сторону, растопырив пальцы, и громко и артистично продекламировал:

– Товарищ Ленин, я вам докладываю не по службе, а по душе. Товарищ Ленин, работа адовая будет сделана и делается уже. Освещаем и одеваем нищь и óголь, ширится добыча угля и руды… А рядом с этим, конечно, много, много разной дряни и ерунды.

Раздались одиночные аплодисменты, кто-то из толпы выкрикнул:

– Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!

– Не Москва, а сплошной театр! – донёсся чей-то голос, а другой продолжил:

– Я так своему и сказала: приехать в Москву и не сходить в театр – кощунство!

Куранты на Спасской башне Кремля пробили два часа пополудни, на площади всё зашевелилось, почувствовалось общее волнение. Появились хмурые люди в штатском, проскакала конная милиция, отряд военных в форме НКВД стал оттеснять толпу. У Сергея и рядом с ним стоящих проверили документы. Из ворот выехала вереница чёрных сверкающих автомобилей ЗИС и остановилась на площади. Из одной вышел уверенный начальственный мужчина с седыми висками в военном френче с большой звездой на рукаве. Сергей по знакам отличия и портрету, висящему в училище, узнал в нём наркома обороны Ворошилова. Он сопровождал усатого мужчину в серо-зелёном длиннополом кителе без знаков отличия, высокой фуражке с простым матерчатым козырьком и чёрных кожаных сапогах в гармошку, начищенных до блеска.

– Сталин! Товарищ Сталин! – пронёсся гул голосов.

Сталин шёл не спеша, заложив руки за спину, и слушал наркома. Тот что-то рассказывал, скрестив руки на бляшке ремня, не забывая бросать цепкий взгляд по сторонам. За ними следовали люди в дорогих драповых пальто и чёр-

ных шляпах. Сталин остановился, с властным прищуром посмотрел на толпу, в которой застыл от изумления Сергей, и, встретившись с ним взглядом, пошёл ему навстречу. Военные оттеснили людей, кроме Сергея с Мусей, мужчины с помятой кепкой в руке и семейной пары с маленькой девочкой.

– Как тебя зовут, милое создание? – Сталин с улыбкой приблизился к девочке.

– Нина, – без смущения ответила она. – А это моя мамочка.

– Вот товарищи, – Сталин выпрямился и удовлетворённо посмотрел вокруг, – какое замечательное поколение советских людей рождается в нашей свободной стране. Для них мы строим метрополитен, заводы, фабрики, новые города, создаём колхозы, прокладываем дороги в Сибирь и на Дальний Восток, добываем уголь и железную руду, выращиваем рожь и пшеницу, – он, используя ораторское мастерство, обращался к народу, восхищёнными взглядами вцепившемуся в него. – Мощным развитием социалистического соревнования обеспечиваем перевыполнение планов третьей сталинской пятилетки! И эту большую страну надо защищать от наших врагов. Не так ли, товарищ танкист? – Сталин колючим проницательным взглядом пронзил молодого лейтенанта.

Сергей вздрогнул от неожиданности. Его прохватил пот, кровь прилила к лицу, горло сдавил невидимый противник и шептал в ухо: «Как ты смеешь смотреть в глаза вождю Коммунистической партии Советского Союза?»

– Так точно, товарищ Иосиф Виссарионович Сталин, – звонким голосом ответил Гончар, но внутреннюю дрожь можно было прочитать и в его глазах, и услышать в интонации голоса. Он сжал руку Муси – она, онемевшая, застыла как каменное изваяние. В этот момент Сергей сильнее всего

переживал за неё, седьмым чувством ощущая её состояние, граничащее с обмороком.

– А что вы скажете про наши танки, товарищ лейтенант?

Сергей смотрел на Сталина и не мог отвести глаза от его гипнотического взгляда. Слова доносились до него откуда-то издалека, будто по рации ему передавали команды, а он наблюдал в прицел и оценивал боевую обстановку. Краем глаза он выхватил напряжённое лицо наркома и испуганное выражение лица человека из сталинской свиты, который от волнения стал дёргать свой галстук и поправлять шляпу.

– Наши танки самые манёвренные и быстроходные! – чуть задумавшись, выпалил Сергей как из пушки.

– А я вот в этом не уверен! – лицо Сталина будто окаменело. – Одной манёвренностью врага не победить! Какой танк вы освоили?

– Бэтэшку!.. – вгорячах выкрикнул Сергей и осёкся. – БТ-7 – ударный колёсно-гусеничный танк дальнего действия, товарищ Сталин! Хороший танк. Имеет большой запас боекомплекта, дальнобойную пушку и два пулемёта, мощный карбюраторный двигатель. Надёжные гусеницы позволяют преодолевать рвы и броды, подъёмы и спуски, у боевой машины достаточный запас хода, приличная точность и дальность стрельбы. Двухместные немецкие танки перед нашими трёшками не устоят.

Сталин улыбнулся и посмотрел на Ворошилова:

– Вот какие орлы в нашей Рабоче-крестьянской Красной армии!

Помедлив, он продолжил:

– А что бы вы предложили для улучшения конструкции боевой машины, товарищ лейтенант?

Задумавшись, Сергей отвёл взгляд и увидел побелевшее

лицо человека, стоявшего позади Сталина. Он смотрел на лейтенанта будто на хищного зверя, готового загрызть его. Сергей здраво оценивал ситуацию и понимал важность каждого слова, чувствовал опасность, окружившую его. Последнее время он с товарищами-курсантами много времени отдавал рассуждениям о необходимости модернизации танка, сам чертил новые схемы прицелов пушки и защиты брони. Идеи роились в его голове, и вот сейчас вдруг волей безумного случая эти мысли требует озвучить сам Сталин. Промолчать, уйти от прямого ответа Сергей посчитал трусостью и, глубоко вздохнув, сказал:

– Необходимо усилить броню башни и корпуса, увеличить калибр пушки. Но если случится защищать Родину, товарищ Сталин, мы одолеем врага на любой технике!

Сталин выжидательно помолчал, обернулся, многозначительно посмотрел на бледного мужчину в шляпе и снова обратился к лейтенанту:

– Молодец, товарищ танкист! Не растерялся, – Сталин сделал жест, будто кому-то погрозил пальцем. – Героические бои с японскими империалистами показали необходимость усилить наши бронетанковые войска. Мы с товарищами Ворошиловым, Мехлисом и некоторыми членами правительства подумаем над вашим предложением.

– Товарищ Сталин, Иосиф Виссарионович, конструкторское бюро Харьковского завода уже трудится над новым типом танка, – мужчина в шляпе попытался говорить как можно убедительней. – Мы работаем над противоснарядным бронированием танков. В ближайшее время представим вам новый образец.

– Хорошо, товарищи! Позже вернёмся к этому разговору, – Сталин взглянул на кремлёвские куранты и на длинную очередь в Мавзолей. – А теперь каждый займётся своими

делами. – Он в сопровождении свиты вернулся к машине. Какой-то полковник с широкими скулами и мрачный майор подошли к Сергею, внимательно посмотрели документы, задали пару вопросов. Полковник наигранно похлопал лейтенанта по плечу, спросил, не надо ли чем помочь, и, получив отрицательный ответ, военные быстро удалились. Вскоре на площади воцарилась тишина. Бронзовый Кузьма Минин с призывом возглавить русское войско вручал князю Пожарскому меч, указывая рукой в сторону Кремля. Сергей Гончар и Муся, потрясённые встречей, медленно шли по улицам Москвы, практически не разговаривая. Они чувствовали, что им ещё предстоит поделиться впечатлениями, но не сейчас. Сергей прокручивал в голове диалог со Сталиным, подбирая другие слова взамен сказанным, а потом и вовсе переключился на танк и стал умозрительно искать внутри машины дополнительное место для снарядов большего калибра. В голове крутился вопрос: а имел ли он право – лейтенант без боевого опыта – давать советы самому Сталину? Но эти же пожелания он слышал от преподавателей училища. Некоторые из них прошли боевое крещение, а также изучали опыт гражданской войны в Испании, где немецкие танки панцерваффе оказались посредственным вооружением. И это Сергея успокаивало и придавало уверенности.

Муся несла в сердце щемящую гордость за человека, с которым шла рука об руку. Ноги её до сих пор дрожали, мысли роем гудели в голове и, не выстраиваясь в логическую цепочку, растворялись в звенящей бессознательной массе. И лишь внешняя уверенность и невозмутимость Сергея заставляли её дышать, двигаться и возвращаться в привычное состояние. Она поражалась его выдержке и, время от времени посматривая на мужа со стороны, успокаивалась,

купалась в волнах счастья, несущих её по улицам столицы. У метро из громкоговорителя раздавались военные марши. Молодые люди увидели небольшую очередь в столовую и почувствовали подступивший голод. Они взяли по порции крестьянского супа на мясном бульоне за девяносто одну копейку, рыбную котлету с картофельным пюре за рубль семьдесят пять, молочный кисель и блинчики с вареньем по рубль тридцать. Сев за стол, Сергей первым делом выпил из стеклянного графина холодной воды, расстегнул ворот, облегчённо вздохнул и ровным голосом сказал:

– В Москве всё дорого.

– Да, товарищ танкист, – улыбнулась Муся, пробуя горячий суп. – Но невероятно увлекательно. Для меня это утопический мир красивого кино.

На Киевском вокзале молодой морячок попросил у Сергея папироску. Он ехал в Севастополь и что-то увлечённо рассказывал про военный эсминец Черноморского флота, на котором служил. Но у танкиста все мысли крутились вокруг Красной площади, вокруг брони и пушки быстроходного танка, запах которого его манил и торопил в дорогу. До самого Киева Сергей и Муся только и разговаривали о Москве, но чем ближе они подъезжали к станции назначения, тем сильнее терзались новыми волнениями в ожидании неизвестных перемен в жизни…

Сергей до этого дня был в Киеве однажды: в 1936 году проездом из Жмеринки, когда ехал в Ульяновское танковое училище, и сносно ориентировался в городе. В столице Украинской Советской Республики погода стояла по-весеннему тёплая, и Муся расстегнула пальто. С шумной привокзальной площади молодые люди дошли до Крещатика, слушая

переклики птиц в одевающихся зеленью ветвях раскидистых каштанов и стройных лип. Сергей присел на деревянный крепкий стул к чистильщику обуви. Молодой худощавый мужчина в старом пиджаке и серой кепке с азартом принялся за привычную работу, забавляя своей речью слушателей. Некоторые слова парень произносил на украинском языке, и Сергей комментировал Мусе непонятные выражения. Девушка рассматривала неспешно проходящих мимо людей. Женщины в основном были одеты в лёгкие пальто, у некоторых на плечах наброшены платки, на ногах демисезонные туфли и ботинки. В своём новом бежевом пальто и берете она ничем не отличалась от киевлянок, и это добавляло ей хорошего настроения, передающегося от Сергея.

– Москвичей я за версту чую, – тараторил чистильщик. – Они шумные, напористые, все как один читают газеты и брешут с три короба про свою сытую жизнь. Обдурюють за дви секунди. Но они у меня за первый сорт. С них навар гарний.

– А в Киеве газет не читают? – удивился Сергей.

– Здесь любят слушать байки, а потом плюють вам в спину и обзывают первым лгуном.

– И что же брешут москвичи?

– Лають, что там ездят двухэтажные троллейбусы и под землёй – поезда.

– А ты не веришь?

– Нэ-э! Никому не вирю. Даже бабкам с еврейского базара. Слыхал, одна рассказывала, что у Софийского собора попы друг другу бороды рвали, а на шоссе Героев Стратосферы обнесли ювелира по заданию польской разведки и увезли два мешка гетманской посуды. На берегу Днепра, слыхал, нашли неизвестного в дорогом английском костюме с пробитою головою. Говорят, он завсегдатай «Ривьеры» и организатор

кражи. Милиционер Петро Иваныч с тараканови вусами в свой блокнот карандашиком всё это записував с моих слов, когда до жемчужного блеска я його чоботи драил.

– Весело у вас. – Сергей сменил ногу на подставке.

– Не нудно!.. Опять соль и спички закупають в запас. Про войну в Москве что говорят?

– Не слыхал про войну!.. Ну а тебе Киев нравится?

– Щоб я так жил, як хозяин молочарни... Ёго жёнка София меня пригощаэ сдобною булкою... Тут в Киеве свет и вода в квартирах, автомобили важные как гуси, трамваи заманчиво звенят, кино крутят, а на хуторе всех развлечений – кур щипать да навоз тягати.

Сергей добродушно улыбнулся:

– А если я скажу, что в Москве на Красной площади разговаривал с самим товарищем Сталиным, поверишь?.. Жена моя подтвердит.

Киевлянин с обувной щёткой в руке застыл, будто увидел на земле потерянный червонец, недоверчиво взглянул на военного и перевёл взгляд на здание рядом с универмагом «Сорабкоп», с фасада которого смотрел приветливым открытым взглядом нарисованный Сталин.

– Щоб я так жил, як ти рассказываешь, – сглотнул слюну чистильщик.

Молодая пара ещё час-другой гуляла по Крещатику и наткнулась на усатого милиционера. Он крайне удивился, когда Сергей назвал его по имени-отчеству. Но узнав про чистильщика обуви и взглянув на сверкающие на весеннем солнышке сапоги лейтенанта, широко улыбнулся и подсказал дорогу до воинской части.

– В том направлении, товарищ лейтенант, Белая церковь. А там уже спросите.

К ночи Сергей и Муся добрались на попутной полуторке до железных ворот части. Гончар представился дежурному по КПП – хмурому старшине:

– Лейтенант Гончар прибыл для дальнейшего прохождения службы.

– Это кто с вами?

– Жена! – Лейтенант протянул документы.

Старшина внимательно посмотрел командировочное удостоверение, открыл военный билет и крикнул в сторону:

– Дневальный!

Появился заспанный рядовой:

– Слушаю, товарищ старшина!

– Отведёшь прибывших к дежурному по полку. – Старшина вернул документы Гончару.

Гончар отошёл за чемоданами, а дневальный проворчал:

– И что они все по ночам являются, будто разведчики.

– Тебя не спросили.

Щуплый дневальный всё время поправлял шапку-ушанку со звездой, неуклюже и торопливо шагал, стараясь быть впереди лейтенанта и его спутницы. И шинель, и шапка явно были дневальному велики, тяжёлые полы мешали ходьбе. Он иногда оборачивался, оглядывая чемоданы, которые его подгоняли, и ускорялся. Гончар спрашивал:

– Танков-то много в полку?

– С десяток будет. Новый один – у ротного.

– А какие? Бэтэшки или тэшки?

– Если вы, товарищ лейтенант, спросите про мою трёхлинейку, я в подробностях опишу её прелести. А про танки ничего не скажу, хоть убейте.

Сергей зацепился за ответ рядового и начал расспрашивать про его винтовку: не тугой ли спуск, из берёзы или ясеня

деревянное ложе, когда последний раз чистил. Дневальный охотно чесал языком, слова вырывались как из пулемёта. Он сбавил шаг, и Мусин деревянный чемодан настиг ногу дневального, а тот чуть не растянулся на плацу, по которому троица спешила в сторону штаба полка.

– Ну вы как танк прёте, товарищ танкист! – с обидой в голосе буркнул сержант.

– Товарищ танкист? – Гончар поставил чемоданы и рассмеялся. Муся, до этого скованная и молчаливая, звонко прыснула:

– Осторожнее, товарищ танкист!

Дневальный ничего не понял и оставшийся путь молча шёл широкими шагами.

– Лейтенант Гончар прибыл для дальнейшего прохождения службы, – громко доложил Гончар дежурному по полку.

– Накричишься возле танка, лейтенант! – махнул рукой майор. – Сегодня перекантуетесь в казарме. Дежурный отведёт. Утром доложу командиру полка о вашем прибытии…

Сергей и Муся временно поселились в комнате со скрипучей кроватью и умывальником в деревянной казарме мотострелкового полка. Было душно, пахло сыростью и солдатскими портянками, но молодые люди не замечали неудобства и, не распаковывая чемоданы, вымотанные и счастливые рухнули на кровать.

– Как же всё странно, – шептала Муся. – Я и не думала два месяца назад, что окажусь так далеко от своего города, в воинской части, с любимым человеком. Это какое-то счастливое безумие!

– Для меня тоже это всё кажется невероятным.

– Ты привычный к переездам и внезапным поворотам судьбы. А я же совсем домашняя.

– У нас теперь здесь новый дом!

– Честно, Серёжа, мне немного страшно.

– Ничего не бойся. Уже поздно. Давай спать. – Он крепко прижал к себе девушку.

– Слушаюсь, товарищ танкист! – Она поцеловала его, и страшная усталость погрузила её в глубокий сон…

На следующий день Гончар доложил командиру полка о своём прибытии. В просторном кабинете с портретами Сталина и Ворошилова на стене полковник Шумский – высокий громогласный мужчина средних лет – нервно говорил то ли полковому комиссару Комарову, то ли Гончару:

– Тыловик вечно опаздывает!.. И ведь найдёт фигуральную отговорку! Ну я ему кулису в заднюю проушину вставлю.

А когда появился запыхавшийся подполковник с хитрым невинным лицом, полковник сразу успокоился:

– Самоваров, где тебя черти краснознамённые носят?

– А вы, товарищ полковник, не знаете! Самоваров солдата накорми, воду привези, баню истопи, продукты, портянки, сапоги, рукавицы выдай, горючкой технику обеспечь, запчасти достань, боеприпасы экономь и при этом Самоваров везде виноватый!

– Ладно, у всех такая фигурация. Меня в штаб дивизии срочно вызывают… Поставь лейтенанта на довольствие и определи ему с женой жильё в доме офицерского состава. Свободен!

– Есть! – Подполковник тут же умчался в своих бесконечных мыслях и хлопотах.

– Вживайся в Красную армию, лейтенант. Сапоги жмут только поначалу, а потом разносятся, – полковник проницательно посмотрел на взволнованного Гончара.

– Так точно, товарищ полковник! – громче обычного произнёс лейтенант.

– Голос есть, остальное прирастёт!.. А тебя, товарищ майор, попрошу без меня продолжить с лейтенантом беседу. Мы с начальником штаба позже определимся с его должностью.

В скромном мрачноватом кабинете с настольной лампой и графином воды на столе на Сергея Гончара пристально смотрел полковой комиссар Комаров – человек плотного телосложения, с незапоминающейся внешностью, в безупречно сидящей военной форме майора. Он долго и скрупулёзно рассматривал документы лейтенанта.

– Ульяновское Краснознамённое танковое училище имени Владимира Ильича Ленина, – читал комиссар вслух. – Хорошее училище. В нашей дивизии есть его выпускники. А откуда вы родом?

– Родился в Одессе, школу окончил в селе Чернятин, там живёт моя мать, потом окончил железнодорожную школу фабричного ученичества в Жмеринке, поработал в депо, ремонтировал паровозы и был направлен в танковое училище в город Ульяновск.

– Комсомолец?

– Да. Вступил, когда работал в депо.

– Технику любишь, лейтенант?

– Так точно, товарищ майор!

– На каком танке проходил обучение?

– Теоретически на всех, в том числе на Т-28, БТ-5, БТ-7, а практически на бэтэшках, товарищ майор.

– Немецкий изучали?

– Так точно! Сдал на отлично, планирую совершенствовать знания.

– А что бы вы порекомендовали для улучшения конструкции танка, лейтенант? – Комиссар в упор посмотрел на Гончара стальным взглядом.

Сергей вздрогнул, нехорошее чувство тошноты подступило к горлу, но он справился с волнением и хотел ответить, но майор остановил его жестом руки, будто пытался вдавить лейтенанта в стену.

– О встрече на Красной площади забудьте. Ничего не было. Вам понятно, лейтенант? – холодно, со змеиным свистом в голосе спросил старший офицер.

– Так точно, товарищ полковой комиссар! – Лейтенант вытянулся в струнку, вскинув подбородок.

– Советы вождю нашей партии дают лишь безумцы! Повезло вам. Товарищ из наркомата спас свою шкуру и вашу заодно.

Сергей почувствовал холодный пот под фуражкой, сразу пересохло во рту, а какой-то невидимка закинул ему за плечи тяжёлый мешок. Теперь всё произошедшее на Красной площади предстало в ином свете: счастливая случайность оказалась нешуточным инцидентом, последствия которого могли стать катастрофическими. Комиссар по глазам лейтенанта понял его мысли и продолжил их:

– Да-да!.. Это не баран начхал, всё могло обернуться плачевно. Есть народная поговорка: близ царя – близ смерти! Осознаёте, Гончар?

– Осознаю!

– Супругу предупредите, Марию Владимировну Шишкову… Дочку дворянскую, – он выжидательно буравил взглядом молодого человека. – Я не ошибаюсь?

– Так точно! Не ошибаетесь, товарищ майор.

– Вы прибыли в расположение полка мотострелковой дивизии выполнять приказы по охране государственной границы Советского Союза, борьбе с диверсантами и выявлению нарушителей погранрежима, борьбе с политическим и уго-

ловным бандитизмом и бандпособничеством на территории страны. Это ваша основная задача. Вам это ясно и понятно, товарищ лейтенант?

– Так точно, товарищ майор. Ясно и понятно!

– А конструированием военной техники занимаются другие специально обученные люди!

Майор мрачно и оценивающе оглядел Сергея Гончара, держа в руках документы, походил по кабинету взад-вперёд, заглянул в маленькое зарешеченное окно, полистал военный билет, открыл паспорт Гончара, и тут комиссарское лицо просветлело:

– А как вам удалось, товарищ лейтенант, родиться в один день с вождём мирового пролетариата? Да у вас мания на вождей социалистической революции!

– Так точно, – улыбнулся Сергей. Он почувствовал смену интонации и с облегчением вздохнул.

– Счастливчик, лейтенант! – Комиссар Комаров подошёл к нему и похлопал документами по его груди. – Идите в штаб к майору Юдину...

В штабе было оживлённо. Офицеры заходили и выходили из кабинетов, майор Юдин – невысокий и общительный человек – приветливо встретил Гончара:

– Нашего полку прибыло! Рад твоему прибытию, лейтенант, в расположение части. Командиры взводов со свежими знаниями нам позарез нужны. Ульяновское училище на сегодняшний день лучшее во всей Красной армии. Зачисляешься в танковую роту старшего лейтенанта Топорикова... Скажи-ка, братец, а служит сейчас в училище Зданович Гавриил Станиславович?

– Так точно, товарищ майор. Старший преподаватель тактики. Очень толковый специалист и хороший человек.

А начальник училища – Пётр Евдокимович Шуров.

– Знаю, знаю, пересекались с ним на стрелково-тактических курсах много лет назад. Помню, на груди у него два ордена Красного Знамени... Служи, лейтенант. Будешь передавать молодым бойцам полученные знания.

– Есть!..

Сергей отправился в расположение танковой роты. Топориков оказался упитанным весёлым малым ненамного старше Гончара. Он разглядывал прибывшего лейтенанта как новогоднюю ёлку:

– Кобура как с выставки, а ремни-то хрустят, словно ветки под ногами. Кубари и пуговки блестят пока... Ничего-ничего! Вживёшься в большие и маленькие интересы полка, втянешься в армейскую канитель, пообтрёшься и почувствуешь себя своим, связанным одной неразрывной цепью. Поначалу мне тоже не хватало свободы, но её, товарищ лейтенант, надо добывать как золото на приисках.

Знакомясь с Мусей, он спросил, чем она увлекается. Муся ответила, что любит ходить в кино и читать книги. Топориков тут же с некоторой наигранностью выдал старый анекдот:

– Пушкин и Лермонтов пришли на бал. Сидят, пьют шампанское и закусывают арбузами. Лермонтов подложил корки Пушкину и говорит: «Господа! Посмотрите, какой Пушкин обжора! Вон сколько у него корок». Пушкин не растерялся и отвечает: «Товарищи! Гляньте, какой Лермонтов обжора. Он даже корки съел!»

Муся засмеялась:

– Пушкин сказал «товарищи»?

– Именно!

Сергей почему-то понял анекдот как намёк на застолье по случаю пополнения роты новым офицером, Муся приняла

за прямолинейный знак внимания, а Топориков всего лишь был голоден и после заливистого смеха над своим анекдотом сообщил про скорый ужин в офицерской столовой.

За столом старший лейтенант опять начал разговор с анекдота:

– Танка противника бояться не надо, Гончар! Достаточно его перевернуть, и он уже ничего не сделает.

– Сейчас поужинаем и пойдём переворачивать, – ответил Сергей. Он понимал, что его новый командир таким образом изучает лейтенанта, хочет выбрать уровень доверия, а уж после переходить на серьёзные армейские темы. Топориков застыл с ложкой, радостно и удивлённо посмотрел на Сергея и громко рассмеялся, привлекая внимание других офицеров, которые невольно улыбались.

– Ты, товарищ Сергей Гончар, годен в танковые войска и по росту, и по стратегическому мышлению.

– Не могу знать, товарищ старший лейтенант, – еле слышно ответил Сергей.

– Зато я знаю! – приглушённо продолжил Топориков. – В полку бардака как везде, да мало кто может фокусировать внимание на мыслях. Хотя у нас два батальона, полковая артбатарея, наша танковая рота и, заметь, товарищ Комаров – как особое отдельное подразделение, которое нужно обходить стороной, – он перешёл на дружеский тон.

На следующий день после общего построения Топориков повёл Сергея в расположение танковой роты. Одиннадцать танков стояли в ряд, а перед ними выстроились тройками экипажи. Только у последнего танка стоял один ротный политрук и вытаскивал какую-то бумагу из полевой сумки.

– Рота, смирно! Знакомьтесь, товарищи танкисты! Новый командир третьего учебного взвода лейтенант Сергей Гон-

чар, выпускник Ульяновского танкового училища, – представил его Топориков и повернулся к Гончару. – К твоему приезду штаб доукомплектовал взвод механиками-водителями и сержантами. Вот три твоих танка, а вот эти бравые лентяи прошли школу молодого бойца и целый месяц чистили танки до поросячьего визга, да толку мало. Ну что, Бондаренко, на башню забраться лень не пускает?

– Никак нет, товарищ старший лейтенант. Команды не поступало! – ответил рябой танкист с открытым крестьянским лицом, и лёгкий смешок прошёлся как ветер по строю танкистов.

– Команды, вишь, ему не поступало, – усмехнулся Топориков. – А голова своя где?

– На шее, товарищ старший лейтенант, – ответил с улыбкой Бондаренко.

– И что? Тебе за это благодарность объявить перед строем?

– Никак нет! Мне бы лучше в увольнение.

– И за каким бесом оно тебе понадобилось?

– На город поглазеть, товарищ старший лейтенант.

– Так ты там пропадёшь, как корова в пустыне.

– Никак нет, товарищ старший лейтенант. Ежели со мной пойдёт Кузя, не пропаду. – Бондаренко, широко улыбаясь, посмотрел на стоящего рядом бойца.

– А ты, Кузякин, что лыбишься? Тут тебе не колхоз, а я не агроном... И запомните, товарищи: рот не люк танка. Без надобности не открывайте. Ваш новый командир, лейтенант Гончар, будет лепить из вас боевые единицы танкового подразделения нашего полка. Передаю ему слово.

– Здравия желаю, товарищи танкисты! Не люблю много говорить. Хочу прежде с танком обняться, руки чешутся пощупать боевую машину, как знойную барышню. – Сергей

с радостным воодушевлением посмотрел вокруг. Ему не терпелось залезть в танк, завести мотор, потянуть рычаги и рвануть с места с разворотом, обдав сизым дымом военный городок.

Три десятка бойцов Красной армии, Топориков, ротный политрук и лейтенанты первого и второго взводов – Балашов и Дудин – дружно и одобрительно засмеялись. Всем передалось бодрое настроение молодого лейтенанта, и взаимная симпатия охватила людей. Сергей поздоровался с каждым за руку, постарался запомнить имена, критически осмотрел военную форму, отметив про себя удовлетворительное состояние, а потом, получив разрешение у Топорикова, надел поданный шлем, ловко забрался в танк на место механика-водителя и наконец-то ощутил знакомое урчание двигателя. В училище он получил блестящие навыки вождения, и теперь ему предстояло показать их и своему командиру, и подчинённым бойцам, с которыми его связала армейская жизнь.

Сергей не догадывался, что таким простым и понятным поступком он снискал уважение и расположил к себе всю роту. Единственно, с политруком Беспаловым у него сразу сложились сухие, натянутые отношения, но справедливости ради надо заметить, что Беспалов только с Топориковым был на равных и позволял переходить на полудружеское общение, да и то изредка, когда комиссар Комаров покидал по служебным делам полк. Из восьми танкистов взвода Гончара только механик-водитель Кузякин более-менее обладал нужными навыками по той причине, что призван был в Красную армию из колхоза, где работал трактористом. Ему легко давалась служба, он с явной охотой занимался техническим обслуживанием боевых машин, и Сергей назначил его ответственным

за горюче-смазочные материалы для всего взвода, а в своё отсутствие возлагал на него контроль за дисциплиной в боевых экипажах.

Командир полка Шумский с Юдиным и Комаровым через неделю после прибытия Сергея в полк появились в расположении взвода Гончара во время теоретических занятий с личным составом. Топориков приказал продолжать занятия, а пришедшее командование выразило желание поприсутствовать на них.

– Максимальный запас хода танка БТ-7 на гусеницах – триста семьдесят пять километров. На колёсах – почти на сотню больше... Это как отсюда до польской границы.

– Так понятнее, товарищ лейтенант, – послышалась реплика Бондаренко.

– Преодолеваемый подъём около сорока градусов. Вот такой уклон, – громко и чётко говорил Гончар и для наглядности поставил перед гусеницами танка деревянный треугольник, сделанный им самим для этого занятия из досок. – Преодолеваемый ров – два с половиной метра, – лейтенант отступил от танка на три шага и воткнул в землю заострённый деревянный колышек. – Преодолеваемое препятствие высотой полметра, возможно до метра и зависит от его вида и состояния, – он показал на ящик перед вторым танком. – Преодолеваемый брод – метр глубиной, максимум полтора. Практические навыки будем отрабатывать до автоматизма на учебном полигоне. Вопросы есть?

– Никак нет, товарищ лейтенант, – первым ответил Бондаренко. – Только у меня вопрос по градусам. Как младший сержант Кузякин будет эти уклоны замерять на ходу?

Танкисты еле сдерживали смех. В других обстоятельствах раздался бы хохот, но при виде большого начальства они

зажимали рты. Всем не терпелось узнать ответ лейтенанта на такой, казалось, дурацкий, но, если задуматься, прагматичный вопрос.

– А вот пусть механик-водитель сам ответит, – Гончар с заметной усмешкой посмотрел на танкистов.

– А я не собираюсь замерять, товарищ лейтенант. У меня на них чуйка, как у лисы на зайца. В колхозе на тракторе я объездил все поля и горки. Был грех – раз-другой застревал в полях и речке, но выбирался самостоятельно.

Гончар удовлетворённо кивнул:

– Вот такая чуйка должна быть у каждого, хлопцы. И у механика-водителя, и у заряжающего стрелка-радиста, и у командира-наводчика. Глазомерно надо определять углы и расстояния, Бондаренко… Понятно?

– Так точно, товарищ лейтенант! Глазомерно и аккурат на глаз.

Гончар переключился на механика-водителя, подозревая, что Бондаренко не в ту сторону начнёт развивать свою мысль.

– Кузякин, расскажите об устройстве ходовой части танка.

– Ходовая часть состоит из восьми опорных и двух направляющих колёс, с задним расположением ведущих колёс. При движении на колёсном ходу передняя пара колёс становится управляемой, а задняя пара – ведущей.

– На чём держится корпус танка?

– На свечах, товарищ лейтенант, – бойко отвечал механик-водитель, чувствуя себя как рыба в воде. – На восьми пружинных рессорах: двух горизонтальных и шести вертикальных.

– Хорошо, товарищ младший сержант. Коротко об устройстве мотора танка.

– В моторном отделении находится карбюраторный двенадцатицилиндровый двигатель мощностью четыреста лошадиных сил. Четырёхступенчатая коробка передач, многодисковый сухой главный фрикцион, боковые фрикционы и передачи, гитара для привода колёсного хода, тормоза.

Гончар знал, что Кузякин не подведёт, поэтому задал ему такие вопросы, ответы на которые как от зубов отскакивали. Краем глаза лейтенант следил за реакцией командиров и хотел показать большой охват и сложность изучаемых вопросов.

– Завтра у нас стрельбы. Бондаренко, какой максимальный запас снарядов для пушки в твоём танке?

– Сотня с гаком, товарищ лейтенант!

– Сотню мы отстреляем, а с гаком что делать? – Гончар сжал зубы, чтобы не выдать подвох. Он понимал, что ошибся с Бондаренко и пытался выйти из казуса с помощью шутки. Ругать подчинённых при вышестоящем начальнике он считал неверной тактикой.

– А шут его знает, товарищ лейтенант! – искренне ответил Бондаренко.

Первым не сдержался Топориков. Он отвернулся и засмеялся в рукав. Когда и командир полка не выдержал, раздался дружный хохот. Комиссар Комаров стал лишь ещё серьёзнее. Полковник Шумский подошёл ближе к Гончару и привлёк внимание танкистов прямым сосредоточенным взглядом:

– Товарищи, боевой сплочённый дух очень важен не только для несения военной службы, но в первую очередь во время боевых действий. Вижу, что молодой лейтенант с умом и смекалкой подходит к обучению вверенного взвода. Открою военную тайну!.. Нашему полку выпала честь участвовать первого мая в Киеве на военном параде. Один из двух

наших батальонов и один из трёх танковых взводов, товарищ старший лейтенант, – командир полка обратился к Топорикову, – примут участие. Через неделю мы проведём на полигоне учения и по их результатам определим участников. Приказ будет доведён сегодня до всего полка. Продолжайте занятия, но без лишних фигураций.

– Слушаюсь, товарищ полковник! – Топориков хотел расслабиться и поговорить с Гончаром, но его остановил Комаров:

– Наведите порядок в роте, товарищ старший лейтенант... Панибратство с подчинёнными к хорошему не приводит. Поставьте на вид лейтенанту слабую дисциплину в его взводе. Танкисты в грязных комбинезонах, а военная форма бойца Красной армии является предметом особой гордости и символом беззаветной преданности Родине, товарищ командир танковой роты... Форма отражает дух советского времени, военную доблесть и готовность к защите Отечества.

– Слушаюсь, товарищ комиссар, – ответил без эмоций Топориков. Он привык к постоянным придиркам Комарова, а с приходом в полк Гончара они усилились. Старший лейтенант не стал объяснять полковому комиссару, что танкисты, кроме теоретических знаний, с утра до вечера занимаются с танком, как с любимым дитём. Крутятся вокруг, смазывают, ремонтируют, чистят, заряжают аккумуляторы, заливают горючку, залезают и внутрь боевой машины и под ней ползают – опытные археологи, никак не меньше. Вот вчера в первом взводе разбирали коробку, осматривали состояние шестерёнок и валов, меняли масло. А у Гончара тренировались покидать танк через люк в днище. Конечно же весь экипаж выглядел как черти, сбежавшиеся на шабаш. Это у Комарова в кабинете такая чистота, что плюнуть некуда.

Армейские будни захватили Гончара с головой. Лепить из новобранцев боевую единицу Красной армии, как выразился Топориков, оказалось нелёгким трудом, но Сергея не смущали ни отсутствие сообразительности у некоторых бойцов, ни придирки командиров, ни бытовые лишения. Он знал по себе, что при наличии упорства и ежедневных тренировках овладеть танком сможет практически любой. Главной задачей для себя он ставил сплочение троек танковых экипажей, понимающих друг друга с полуслова, чувствующих локоть товарища, готовых верно оценить обстановку и как можно точнее выполнить приказ командира. А навыки придут со временем. Научится месяца через три - четыре, максимум через полгода, Кузякин управлять танком с закрытыми глазами, а такие, как Бондаренко, ловко заряжать пушку, заправлять ленту пулемёта, точно прицеливаться, поражать цель и связываться по рации с командирами.

Муся работала сестрой-хозяйкой в дивизионной больнице и на жизнь не жаловалась. Вечерами она писала письма сестре в Казахстан и Валюше на Дальний Восток. Первые письма были наполнены восторженными впечатлениями о Москве и Киеве, эмоциями от первых дней пребывания в военном городке. Она писала сестре: «Кругом одни военные, ружья, пушки и танки. Раньше всего этого я сторонилась, до смерти боялась, а теперь всё это стало обыденностью. К знакам внимания мужчин мне сложно привыкнуть, и при каждом брызжущем искрами взгляде я теряюсь. Но ничего, стараюсь не замечать. Я стала отличать лейтенанта от капитана, майора от подполковника, научилась кипятить шприцы, выдавать медсёстрам по нормам расхода спирт, йод, марлю и бинты, мазь Вишневского и рыбий жир. На днях у нас крутили фильм «Чапаев». А с утра Сергей надевал свои галифе и сквозь зубы

говорил: «Врёшь! Не возьмёшь!» Комиссар К. вечно к нему придирается, но Сергея это даже радует. Говорит, что комары не дают расслабиться. В такие моменты я стараюсь крепче обнимать и целовать его и не расспрашиваю ни о чём. Сам потом поделится. В общем, всё у нас замечательно. Единственно, чего мне здесь не хватает, так это моей любимой библиотеки с колоннами на волжском берегу...»

Валюше она писала менее восторженные письма: «Я боюсь остаться наедине со своими мыслями. Понимаешь, весь этот военный городок напоминает какой-то гигантский часовой механизм, который каждое утро заводит Сергей, делая гимнастику и поправляя перед зеркалом гимнастёрку. Мне кажется, что однажды он остановится, а я останусь неподвижно стоять перед железным умывальником и слушать, как капает вода. Возможно, это я пересказываю тебе свой сон, который остался в голове глупым наваждением. Если это всё отбросить, то я очень счастлива и нахожусь в предвкушении чего-то грандиозного, пока сама не могу понять этот поток своих чувств. Сергей говорит, что мне не хватает самоуверенности. Возможно, но спорить на эту тему я ни с кем не намерена. Вся эта мишура пропадает, когда мы с Сергеем выходим утром из барака, проходим мимо часового у калитки и окунаемся в шумные беспокойные армейские будни, такие непохожие-похожие друг на друга. На следующей неделе в полк привезут «Весёлых ребят». Мы, конечно, посмотрим это душевное кино и вспомним наши прогулки в Ульяновске».

Валюша писала реже. Письма были короткими, и от них пахло дорогими духами. В одном из последних она сетовала на нехватку времени, чтобы описывать своё житьё-бытьё подробнее: «...Как же мне здесь нравится, милая Маруся! Офицеры того и гляди свернут себе шеи, оглядываясь на меня.

А один капитан влюбился в меня. У него с Николаем был серьёзный конфликт. Кажется, они выясняли отношения на кулаках, но Николаша об этом молчит. До обеда я сплю, пью кофе и прихорашиваюсь. Из-за влажного климата моё лицо за ночь отекает. Боже мой, я заметила на лбу морщинку. Это стоило мне кучи нервов. Николай говорит, что письма могут читать специальные люди, поэтому про его службу ни слова. Но у нас идёт усиленная подготовка к войне. На границах, говорят, постоянные перестрелки. Это как-то связано то ли с японцами, то ли с китайцами, то ли с монголами. Я их не различаю. В этом я точно не разбираюсь. Обнимаю и целую. Пиши-пиши. Не забывай про меня».

Сергей мечтал съездить с Мусей в свой Чернятин, заглянуть в Жмеринку и, возможно, прогуляться по улицам родной Одессы. Иногда ему чудились утренние кукареку и колокольный звон, но, проснувшись на заре, различал отдалённый грохот кастрюль и бачков на солдатской кухне да скрипы калитки и въездных ворот. Он изредка писал короткие письма родным: «Здравствуйте, мои милые матушка, отец, сестрёнки Варя и Дуняша, братишка Юра! Тяну военную лямку с упорством и желанием. Причин для вашего беспокойства совершенно нет. Служба стала моим любимым делом: ежедневно вожусь с техникой, совершенствую навыки, полученные в училище. С Мусей у нас крепкие отношения. Вам от неё большой привет. Скучаю по отчему дому, по беззаботной молодости, но это никак не отражается на моей новой жизни. Крепко вас обнимаю. Сергей».

Но вопрос о краткосрочном отпуске он даже не поднимал, а серьёзно готовил свой взвод к первомайской демонстрации. Захлестнувшая, как внезапный ливень, армейская

служба радовала Сергея успехами его взвода. Два командира соседних взводов даже стали в открытую ревновать. Они намекали Топорикову о явно приятельском отношении с его стороны с Гончаром и бурчали, что в своих оценках командир роты не замечает серьёзных недоработок командира учебного взвода. А именно – разложения дисциплины. Весь вялотекущий конфликт укладывался в формулу обычных человеческих взаимоотношений на уровне зависти и лицемерия. Топориков однажды случайно услышал претензии к командиру первого взвода.

– Товарищ командир, а почему у Гончара ржач с утра до вечера, а у нас серьёзно и грустно, как на похоронах? – вгорячах кинул заряжающий из Балашовского взвода, когда перед общим построением со стороны послышался задорный хохот.

Этой искры было достаточно для взрыва неприятия к Гончару со стороны Балашова. Конечно, Балашов отреагировал на это болезненно и впоследствии дал любопытному умнику наряд вне очереди.

Как-то вечером Топориков и Гончар курили на крыльце барака. Топориков, вздохнув, завёл непростой разговор:

– Понимаешь, Сергей, Комаров со своей колокольни в целом прав. Дисциплина в подразделениях должна быть железной. Но одно точно не доходит до него: экипаж боевой машины как семья.

– А комиссар хоть раз сидел в танке, смотрел в прицел, заряжал пушку, давил на газ, дёргал рычаги, вслушивался в рокот мотора?

– О чём ты, дорогой друг-товарищ? Не барское это дело, – Топориков перешёл на доверительный шёпот. – Его танк – это кабинет с портретами Сталина и Ленина. Так что прошу тебя, на броне – шути и обнимайся с ребятами, а за пределами тан-

ка – табу! Ты понял меня… А то Комаров новую тактику придумал. Выговоры летят в мою сторону, а я должен реагировать.

– Слушаюсь, – дружески ответил Гончар и добавил: – Может, рядом с фотографией Сталина в моей бэтэшке повесить фото Комара?

– Отставить шуточки, лейтенант, – уже сердито бросил Топориков.

– Слушаюсь, товарищ старший лейтенант, – серьёзно ответил уставшим голосом командир взвода…

От Сергея всё больше пахло машинным маслом, смазками, топливом и пороховыми выхлопами, от Муси – армейским лазаретом. Мысли, разговоры и ежедневная служба молодых людей лепили из них семью военнослужащего, при беглом взгляде ничем не выделяющуюся из общего монолита мотострелкового полка. Муся чувствовала возрастающую жёсткость в поведении мужа и разговорами перед сном возвращала его в созданное духовное доверительное пространство.

– Понимаешь, Серёжа, в произведениях русских писателей все человеческие пороки проявляются в поведении книжных героев. Мы все в большей или меньшей степени лицемеры. Да, не удивляйся. Чужие поступки нам кажутся более аморальными, чем свои. Мы пытаемся их объяснить скверным характером тех, кто их совершает, а собственные не считаем дурными, отвратительными, зачисляя себя в жертвы тиранов и дураков.

Девушка стояла спиной к окну, и лунный свет мягко ложился на её голые плечи с бледной шелковистой кожей, под которой текла горячая кровь.

– Ты, милая Муся, очень начитанная и образованная. Ино-

гда мне сложно угнаться за твоими мыслями. Вот как сейчас.

– Да, я переживаю из-за твоих отношений с Комаровым. Мне кажется, он делает то, чему его учили. А ты не объяснишь ему своё понимание жизни. Ты сам говоришь, что у тебя две семьи – я и твой взвод. Так не открывай дверь чуждым тебе людям в это пространство.

– Как это сделать?

– Стань в его глазах принципиальным и требовательным командиром. Он это хочет увидеть, но не пускай его в своё сердце.

Из разговора с Топориковым и Мусей он сделал вывод, что на глазах высших по званию офицеров не следует показывать добросердечные отношения со своими подчинёнными. Не мудрствуя лукаво, он собрал взвод и сказал:

– Вот что, братцы! Кто хочет участвовать в первомайском военном параде в Киеве? Шаг вперёд!

Все танкисты взвода одновременно щёлкнули каблуками.

– Тогда слушай мою команду. С этого момента приказываю во время несения службы отставить шутки, хохот, праздные вопросы и разговоры. Персонально довожу приказ до Бондаренко!

– Слушаюсь, товарищ лейтенант! А ежели… – начал он и получил от товарища толчок плечом.

– Нахохочемся после парада, хлопцы! Это я вам обещаю! Всем понятно?

– Так точно!

– И вот ещё что! Эта наша новая тактика! – Гончар увидел приближающихся Топорикова и Комарова и приглушённо продолжил: – Сообщать о ней противнику не следует! – А затем громко и чётко произнёс: – Сегодня на полигоне тактическая подготовка – отрабатываем наступление с ходу.

С началом развёртывания взвода в боевой порядок командир машины уточняет направление, сообщает наводчику и механику-водителю объект атаки, место и номер прохода в заграждениях. Выдвигаясь к переднему краю обороны противника, экипажи уничтожают боевые единицы противника, противотанковые и другие огневые средства противника огнём из оружия, установленного на машине. При повреждении и остановке боевой машины экипаж продолжает огнём с места уничтожать противника. При возгорании машины экипаж принимает меры к его тушению, а если это невозможно или при угрозе взрыва, экипаж покидает её, забирая закреплённое за ним оружие, боеприпасы к нему, гранаты, и присоединяется к своему отделению... Взво-од, сми-ирно!

Развернувшись навстречу командирам, Гончар отдал честь и доложил:

– Товарищ старший лейтенант! Учебный взвод проходит занятия по тактике ведения боя при наступлении с ходу. Командир взвода лейтенант Гончар.

– Вольно! – отдал команду Топориков, но Комаров жестом остановил и встал перед строем:

– Поясните, товарищ лейтенант, что относится к задачам тактической подготовки?

– Формирование у личного состава высоких морально-боевых, физических, психологических качеств и соединение их с профессиональными навыками и умением, – выпалил Гончар, неестественно, даже немного комично вытянувшись в струну. Он из всего перечня первой озвучил именно ту задачу, к которой так болезненно относился комиссар. Это сбило того с толку и дало возможность лейтенанту глазами дать знак взводу равняется на него, не забывая данную им несколько минут назад команду. Танкисты сделали лица се-

рьёзнее, придали им суровость и расправили плечи.

– Скажите, товарищ лейтенант, – тягучим голосом спросил Комаров, – а какая тактика при наступлении ночью?

– Наступление ночью может являться продолжением дневного боя. Успех во многом зависит от его организации, а подготовка проводится в светлое время суток. Атаке ночью, как правило, предшествует огневая подготовка. Иногда в целях... – Гончар хотел продолжить, но Комаров с кислой миной остановил его:

– Достаточно! Вопрос по огневой подготовке сержанту Бондаренко... Так сколько снарядов для пушки в твоём танке?

– Боекомплект на линейных танках – сто семьдесят два снаряда, на танке с радиостанцией – сто тридцать два, товарищ комиссар полка! – чуть спотыкаясь на цифрах, каким-то чудом достаточно уверенно ответил Бондаренко.

Комаров сморщился, нервно передёрнул плечами, но сдаваться не собирался и задал вопрос с подвохом, как ему казалось:

– А как же ты будешь стрелять в темноте, Бондаренко?

– Так мы для ночного боя поставим фары, товарищ комиссар! Мы их с Кузякиным чистим ежедневно до омерзительного скрипа. – В глазах сержанта бегали весёлые чёртики.

Комаров развернулся и молча пошёл в сторону штаба. Бондаренко вытер пот со лба, а Топориков, проводив взглядом комиссара, не сдержался:

– Похвально, товарищи танкисты! Продолжайте тактическую подготовку.

У Сергея Гончара впервые за всё время пребывания в части на глаза навернулись слёзы радости. Он с гордостью смотрел на взвод, на сверкающие благодарностью и надеждой глаза бойцов и чувствовал единение с танкистами, чувствовал по

их осанкам душевный подъём и появившуюся уверенность. Сергей вспомнил, как Бондаренко неделю назад не мог выговорить число:

– Сто семидь десить два, тфу ты, сарайная блоха!

Каким-то чувством Сергей знал, что это непременно надо выучить заряжающему, да и много чего другого. И ему, и всему взводу. Все эти знания по крупицам собираются, как ручьи в реке, и эту мощь уже не остановить, попрёт она и пробьёт любую преграду... И пробила самого Комарова после показательных учений полка, на которых взвод Гончара без явных ошибок действовал в походном и боевом порядке. И при передвижении в колонне экипажи показали слаженность и быстрое развёртывание в боевой порядок. С этого часа у Гончара появилось чувство, что он на своём месте, здесь его новый дом и он крепко связан со всем полком цепью, о которой говорил Топориков. Вот только как добывать свободу из всего этого – оставалось для него загадкой.

Через несколько дней Топориков, вернувшись со штабного совещания, недоумевал:

– Ничего не понимаю, Сергей! Юдин требовал отправить на парад первый танковый взвод, но, к моему изумлению, Комаров предложил твой, и Шумский поддержал. Он возразил Юдину, мол, дадим шанс молодому лейтенанту... Вот такая свистобрень! По всем угловым и линейным параметрам, так сказать, Комаров топил тебя с утра до ночи, как Герасим Муму, а тут развернулся на сто восемьдесят градусов. Что произошло, друг-товарищ?

– Может, прицел сбился у Комара? – Сергей пожал плечами.

Лейтенант понимал, что на учениях его взвод был не хуже второго, но первый под командованием самого Топорикова показал блестящие навыки и умение. Придраться было не

к чему, и Сергей после услышанного даже стал переживать по этому поводу: он не хотел потерять дружескую расположенность старшего лейтенанта. Гончар как в воду глядел - на следующий день наметилась трещинка в их отношениях. Топориков не был по обыкновению приветлив, не рассказал ни одного анекдота и сухо отдавал команды. Но в жизни случаются непредвиденные зигзаги: по каким-то техническим причинам в штабе дивизии решили привлечь к параду всю танковую роту, а батальон не трогать. Топориков был на седьмом небе от радости. Уже за обедом он рассказывал Гончару очередной анекдот про солдатскую кухню, который Сергей тут же забыл...

Первое мая 1939 года в Киеве выдалось солнечным, добавляя празднику трудящихся больше ярких красок и торжества. С балконов Крещатика вместе с нарисованным на фасаде добродушным и мудрым Сталиным народ глядел на воодушевлённые толпы советских людей, собравшихся вдоль улиц, и слушал бодрые военные марши, сливающиеся с повсеместным шумом и гулом, рокотом моторов боевых машин, восторженными возгласами и смехом. Над широкой улицей развевались красные флаги, темные, не облиственные ещё стволы лип подчёркивали строгость рядов военных, построившихся перед парадом. Кто-то глазел на колонну танков, бронемашин, прицепленные к автомобилям пушки, кто-то задирал голову на растянутый над улицей транспарант, а солнце играло вспыхивающими огоньками на стёклах противодымных очков танкистов, выстроившихся в две шеренги перед длинной колонной железных машин. Муся с женой командира второго взвода Дудина пробиралась через толпу у магазина Киевпромторга. В конце концов девушки вырвались вперёд и встали за спинами офицеров НКВД, стоящих

в оцеплении. Муся отчаянно махала Сергею сначала рукой, потом платком, попыталась крикнуть, но праздничный гул растворял все голоса, никому не давая шанс быть услышанным на противоположной стороне улицы.

– Маруся, – говорила подруга, – они нас увидели. Видишь, мой смотрит в нашу сторону.

– Да нет, показалось, – слегка расстроенным голосом отвечала Муся.

Однако Сергей сразу её заприметил, но не будет же он в ответ махать и радостно кричать. Единственно, что он мог – кивнуть несколько раз и послать пламенный взгляд любимой. Рядом с ним в парадных серо-синих комбинезонах переминались с ноги на ногу Кузякин и Бондаренко и восхищались происходящим:

– Не думал я, товарищ лейтенант, что буду вот так стоять рядом с вами и глазеть на эту красотищу. Теперь нестрашно и помирать!

– Кто ж тебе даст помереть-то, криворукий? Ещё не все шишки и мозоли в этой жизни ты насобирал, мил человек, – усмехался механик-водитель.

– Ладно, сарайная блоха! Послушаюсь тебя, Кузя, в этот раз.

– То-то, дружок сердечный! Слухай старших по званию.

– Ох, раскудахтался. Я в танке повыше тебя располагаюсь. Вот уроню снарядину на твою башку. Все шишки одним разом получишь.

Парад прошёл на одном дыхании, всей танковой роте командир полка перед строем объявил благодарность и дал приказ тыловику организовать праздничный ужин для танкистов. Вечером в военном городке царила праздничная атмосфера: крутили кино, играл полковой оркестр – трубач, ба-

рабанщик и два гармониста.

– Ну что, Бондаренко, комиссар разрешил дать тебе увольнение, если товарищ лейтенант не возражает, – улыбался счастливый Топориков.

– Нэ, не пойду! – махнул тот рукой.

– Вот так номер с акробатами, – удивился Гончар. – Ты же выпрашивал не раз.

– У него, товарищ лейтенант, стволы перегрелись, – засмеялся Кузякин, и следом раздался дружный хохот.

– Насмотрелся я на город, братцы, – с задумчивой улыбкой продолжил заряжающий. – Страшно большой он и заманчивый. Душа моя пропадёт в нём. Мне бы вот, товарищ лейтенант, письмецо домой состряпать с описанием моих боевых заслуг. Пущай вся деревня знает, каков теперь их земляк – танкист Бондаренко. Матери с отцом будет настоящая гордость.

– Это я тебе обещаю, – Гончар похлопал его по плечу.

В конце мая, когда вокруг играла на ветру молодая зелень, когда поднималось на лугах разнотравье, в зарослях веток щебетали сероголовые гаички и мухоловки, а в свои гнёзда вернулись трясогузки, Муся, застёгивая пуговицы на гимнастёрке Сергея и разглаживая на его груди накладные карманы, с волнением посмотрела мужу в глаза и тихо произнесла:

– Помнишь, Серёжа, я как-то говорила, что ощущаю приближение грандиозного события в нашей жизни. Теперь я уверена, что оно наступило. И я чувствую неизведанную радость в сердце и будто вырастают крылья за спиной, а мне хочется взлететь над миром, но очень боязно, аж мурашки по телу бегают.

Сергей замер, сжимая не застёгнутый на поясе ремень, и недоумённо взглянул на девушку:

– Что случилось, милая?

– Случилась радость… Я беременна!

У Сергея заколотилось сердце. Он взглянул в серо-зелёные Мусины глаза, будто видел их впервые, бережно обнял девушку за плечи, роняя на пол ремень, а потом прижал её трепетное тело к себе. Они с минуту стояли молча, потом Сергей отстранил её и снова взглянул в глаза, полные непостижимой женской тайны.

– Это точно?

– Так точно, товарищ танкист! – Муся расплылась в счастливой улыбке.

– И что прикажете делать, товарищ командир?

– Жить с новым чувством. Господь дарует миру новую жизнь… Пока ещё ничего не заметно, – девушка погладила свой живот. – Собирайся живее на службу, а то опоздаешь!

– Слушаюсь!..

В июне от Валентины с Дальнего Востока пришло очередное письмо, полное тревожных мыслей: «У нас тут столько танков и пушек приехало! Разговоры только о Маньчжурии. Танковый полк Николая готовится к отправке по железной дороге в Улан-Удэ. Если все уедут на войну, я перееду в город и устроюсь работать в библиотеку. А что тут делать? На меня не смотрят ни Николай, ни майор, и даже комендант перестал сыпать комплименты и подсовывать кусочки сахара. Все стоят на ушах, в дивизии ждут нового командира. У нас тут целая армия, и я чувствую себя такой малюсенькой, как светлячок в страшном лесу. Вздыхаю, грущу и тебя обнимаю, милая Маруся. Передавай привет Сергею. Как же нам здорово было в Ульяновске!»

Муся пересказывала письма Валентины Сергею, упуская

некоторые моменты женских откровений. До Сергея доходили сведения о развернувшихся боях Красной армии на границе Монголии и оккупированной японцами Маньчжурии.

В Киевском округе интенсивность полковых и дивизионных учений не уменьшалась, а однажды командир полка собрал на совещание весь офицерский состав:

– Товарищи офицеры, на основании приказа номер ноль один ноль четыре народного комиссара обороны СССР маршала Ворошилова довожу до вас приказ командира нашей дивизии, – полковник строго посмотрел вокруг, взял в руки листы с гербовой печатью и стал читать: – Подготовка и работа войсковых и оперативных штабов продолжают оставаться на исключительно низком уровне.

Шумский сделал паузу и взглянул на Юдина. Тот вскочил с места как ужаленный:

– Товарищ полковник, у нас всё по уставу и утверждённому вами плану.

Командир полка усмехнулся:

– Фигурации позже будем закручивать гайками…Читаю дальше. Начальники штабов по-настоящему организовать работу штаба в условиях, приближенных к боевым, не умеют.

Начальник штаба полка хотел кинуть новую реплику, но Комаров осадил его:

– Вы что, товарищ майор, пытаетесь таким образом возразить маршалу Советского Союза товарищу Ворошилову?

Юдин побелел, встал и ответил:

– Никак нет!

Командир полка продолжил:

– Товарищи офицеры, я собрал вас не для критики каждого в отдельности и отдельно каждого, а чтобы сообщить

приказ командования, основанный на анализе военных событий, происходящих уже несколько месяцев в Маньчжурии, где наша Красная армия ведёт тяжёлые бои с японцами. Вот один пример. Двадцать седьмого июня японская авиация нанесла внезапный удар по советским аэродромам, уничтожив при этом двадцать две машины. Это крупные потери авиации в одном бою. У штаба армии, по всей видимости, не была разработана стратегия обороны при таких внезапных налётах. Что думаете по этому поводу, товарищ майор?

– Штабы не занимались должным образом непосредственным контролем за действиями войск, проверкой и изучением получаемых донесений, создавалась ложная информация у командования и вышестоящих штабов, – Юдин порывисто ответил, вымарщивая суровый вид.

– Вот об этом и речь, майор! Штабы создали ложную информацию… Это привело к новым потерям. На восточном берегу реки Халхин-Гол Квантунская армия обустроила оборону, и её штаб разработал план пограничной операции против наших войск. Тут вопрос к нашей разведке… А где у нас Востриков?

– Здесь, товарищ полковник! – вскочил с места капитан.

– Вот и я говорю, разведка должна быть не здесь, а фигурально там.

– Есть! – ответил командир разведроты полка, непонимающе взглядывая на Юдина, ожидая от него поддержки, а тот в сердцах махнул ему рукой, предлагая сесть на место.

– Продолжаю, товарищи, – полковник взглянул на листы, – и в начале июня ударная группа японцев после ожесточённых боёв форсировала реку и начала быстрыми темпами строить фортификационные сооружения. Японцы наступали силами двух пехотных и двух танковых полков. Командир 1-ой армейской группы Жуков, не дожидаясь подхода пехотного прикры-

тия, бросил в бой с марша резервную танковую бригаду и неожиданным манёвром застал противника врасплох. Хотя это было единственно верное решение, но инцидент дошёл до самого товарища Сталина, – Шумский указал рукой на висящий за его спиной портрет.

Комаров встал и холодно посмотрел на Юдина:

– Этот вопрос серьёзно рассматривают на самом верху. А вам необходимо обратить исключительное внимание на содержание и качество всех штабных занятий, товарищ майор.

Командир полка добавил:

– Приказано командно-штабные учения проводить длительно: не менее пяти часов – со штабами батальонов, одни сутки – со штабами полков... Особо обращаю внимание, товарищи: каждое учение должно ставить участников в максимально приближённое к условиям боевой подготовки положение с реальными средствами связи и разведкой.

После совещания Топориков и Гончар долго обсуждали приказ.

– Как же приблизить учения к максимально боевой обстановке? – думал вслух лейтенант.

– Тут, брат-товарищ, пока не понюхаешь настоящего пороха, всему не научишься. Вот бы из горящего танка попробовать выбираться – но кто даст разрешение на такое учение? А вот вытаскивать оружие, боеприпасы, снимать пулемёт с машины – это надо отрабатывать.

– На Дальнем Востоке служит мой товарищ по училищу. Вроде его танковый полк тоже на Маньчжурию идёт, – задумчиво произнёс Сергей.

Топориков вспомнил:

– Перед совещанием я курил в сторонке с Комаровым,

и про тот танковый бой на Халхин-Голе, о котором упомянул комполка, он чуток рассказал. Для вашего брата, говорит, добыл информацию.

– Заботу проявляет, – то ли спросил, то ли ответил с утверждением Сергей.

– Дело не в этом, лейтенант. Много, говорит, наших танков сгорело. Комдив не пожалел экипажи. Без подготовки кинул сто пятьдесят танков с марша, а потом мотоброневую бригаду, нарушая требования устава Красной армии. Считают, что Жуков взял скоростью и манёвренностью, остановил противника, а потом отбросил на другой берег… Комаров хоть и пугал Юдина, но я тебе однозначно скажу: победителей не судят. Найдут стрелочника. Комполка прав – штабные часто штаны просиживают. В Маньчжурии сейчас сосредотачивается несколько дивизий, сотни танков, бронемашин и самолётов. Будет серьёзная драка.

Весь июль и август взвод Сергея в составе роты провёл в штабных учениях, а Муся продолжала пропитываться запахом военного лазарета. Главврач, узнав о её положении, распорядился выдавать сестре-хозяйке дополнительный паёк и у завхоза вытребовал фрукты и овощи. Глядя на Мусю через толстые линзы очков, врач по-учительски разъяснял:

– Это не для вас, Маруся, это для нового советского человека.

Он был неназидательным в своём общении, смотрел на всех – от солдата до полковника – одинаково добродушно и часто к месту и не к месту повторял, что врач должен различать истинное страдание от кажущегося. Врача за глаза звали – Чубарый, по названию масти коней – крапчатых, бело-серых в пятнах. Он долго носил любимый застиранный халат в серых пятнах крови. Вот и получил это прилипшее

к нему прозвище.

В самом начале сентября Муся получила письмо от Валентины, оно не пахло духами. Это её насторожило, и девушка не кинулась читать, а отложила до вечера, спрятав письмо в карман халата. Чубарый уловил состояние девушки и позвал попить чайку. Вместо перекура на крылечке он долго размешивал ложкой в кружке сахар и глядел куда-то сквозь стену, словно видел невидимку, не решаясь с ней заговорить.

– Маруся, душенька, давно хотел тебя расспросить о твоём городе на Волге. Знаю, что родился там вождь большевиков Владимир Ленин.

– Теперь наш город этим знаменит. До революции Ульяновск назывался Симбирском, и там жили историк Карамзин и писатель Гончаров.

– Что же у вас за молочные берега, на которых рождаются такие известные личности?

– Берега крутые, Иван Кузьмич! Длинный железнодорожный мост через реку, острова с заливными лугами. Скучаю по родным местам.

– А я родился за Уралом. Давно не был дома, отвык думать о нём. Такая вот правда. А что ж письмецо не прочла? Неужели нелюбопытно?

– Любопытно, но тревожно! От подруги с Дальнего Востока. Как и я, за танкиста вышла. Пишет, что там очень неспокойно.

– Да-да! Читал «Известия» – война там. Ну что ж, такова человеческая суть. Пока боремся, пока течёт в наших жилах кровь – живём. Но правда, даже самая жестокая, не должна страшить сердце. Ложь страшнее – вот чего надо бояться живой душе!

Вечером, придя домой, она открыла письмо. Оно было длинным, на двух страницах: «Здравствуй, Маруся! Николай

лежит в госпитале с контузией и обгоревшим лицом. В конце августа он участвовал в бою с японцами и его танк попал под обстрел и был подбит. Коля весь забинтованный: и голова, и руки. Врачи не дают гарантии, что сохранится зрение. Я не отхожу от него, ухаживаю и сплю рядом на сломанной раскладушке. Он ругает себя, что не надевал защитные очки, вот глаза и подпалились. В палате лежат тяжело раненные – кто без ноги, кто без руки, сильно обгоревшие. Как же так могло произойти, что мир вдруг перевернулся и появился какой-то страшный чёрный человек? Он мучает меня по ночам, и я от этого кричу и просыпаюсь. Я очень измотана, из меня выжаты все соки. Слёзы мои все высохли тоже. У меня нет сил ни думать, ни жалеть кого-то. Только вспоминаю нашу песню: «Веселья час и боль разлуки хочу делить с тобой всегда, давай пожмём друг другу руки и в дальний путь на долгие года...»

Муся не дочитала, уткнулась в подушку и рыдала.

Кто-то из соседей услышал за стенкой плач и пытался достучаться, но девушка не открывала. Тогда послали караульного за Гончаром. С ним примчался Топориков.

– Что случилось, Муся? – взволнованный Сергей бросился к жене. – Тебе плохо?

Девушка вытерла платком глаза, глубоко вздохнула и дрожащим голосом ответила:

– Николай в госпитале, тяжело раненный. Валюша написала такое щемящее душу письмо, что меня охватили неудержимые слёзы... Сейчас буду в порядке. Вот письмо, прочитайте. Я думаю – можно!

Мужчины пробежали глазами по листку бумаги, Сергей в задумчивости нахмурился, а Топориков сходил за шоколадкой и бутылкой коньяка, подаренной ему комиссаром после первомайского военного парада. Он хранил её для важного

случая:

– Вот что, друзья, давайте выпьем за здоровье вашего друга, боевого лейтенанта Красной армии, заглянувшего в глаза смерти! Будем надеяться на лучшее. Сложные времена наступают.

– Что ты хочешь сказать, товарищ старший лейтенант? – Гончар почувствовал в голосе Топорикова тревогу.

– Шумский сегодня собирал. Первого сентября Гитлер объявил Польше войну. Против неё сосредоточено полтора миллиона солдат, почти три тысячи танков и две тысячи самолётов. Это же какая страшная группировка, Сергей!

– Не могу представить сразу столько танков, идущих в наступление! Земля должна расколоться, – лейтенант был поражён услышанным.

– Заварушка похлеще, чем на Халхин-Голе. Германская авиация бомбит польские приграничные города. Вчера взорвали мост через Вислу. Вот такие пироги с порохом, друзья-товарищи.

– Что же будет? – заплаканная Муся стала ещё тревожнее.

– Скоро узнаем! Мы не воюем с Гитлером. Наше правительство неделю назад подписало с Германией договор о ненападении. Но из дивизии пришёл приказ о проверке боевой готовности всех частей и соединений.

Оставшись одни, Муся с Сергеем до полуночи говорили о Николае и Валентине, вспоминали их знакомство в клубе на танцах. Муся гладила свой живот, а Сергей припадал к нему ухом, потом с тревогой смотрел в глаза жены, но она его успокаивала:

– Да рано ещё, Серёжа.

Через две недели в Кремле шло чрезвычайное расши-

ренное заседание Правительства СССР. Стояло бабье лето, и тёплое сентябрьское солнце косыми лучами пыталось пробиться через волны прозрачных штор в просторном зале заседания. Докладывал нарком обороны маршал Ворошилов:

– Товарищи члены Правительства Советского Союза. Сегодня части германской группы армий «Юг» соединились близ Влодавы с войсками группы армии «Север» и окружили главные силы польских войск.

– Обстановка тревожная, товарищи! – Мужчина в очках с круглым лицом постучал карандашом по массивному столу. Сталин взглянул на него, поднялся со стула и прошёлся по залу:

– Что вы конкретно хотите сказать, товарищ Молотов?

– Войска Гитлера продвинулись в глубь территории Польши, признанной Германией сферой наших интересов, товарищ Сталин.

– Германия таким образом нарушила наш с ними секретный договор о разграничении интересов в Европе, – слегка визгливым голосом продолжил пожилой мужчина с втянутыми щеками и острой седой бородкой.

– Что вы конкретно предлагаете, товарищ Калинин?

– Может быть, сначала товарищ Берия выскажет своё мнение о сложившейся обстановке? – Калинин сверкнул стёклами очков в сторону наркома внутренних дел.

– По данным моей разведки, товарищи, началась эвакуация польских правительственных учреждений на территорию Румынии.

– Военная разведка подтверждает эти сведения, – добавил Ворошилов.

– Считаю, в таких условиях политическое и военное руководство Польши в ближайшие часы полностью потеряет

контроль за событиями в стране. Как думаете, товарищ Ворошилов, польские войска способны остановить продвижение германской армии?

– Немецкая группировка громит польскую армию и способна подойти к нашим границам, – без тени сомнения произнёс нарком обороны. – Немецкие военно-воздушные силы не ограничиваются бомбардировкой военных объектов. Они бомбят мирные города и посёлки.

– Это, к сожалению, так, товарищ Сталин, – добавил Мехлис.

– Товарищи, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, – эмоционально воскликнул Молотов.

Сталин приподнял руку с курительной трубкой:

– Что будет, товарищи, если я разожму пальцы?.. Правильно! Она упадёт и разобьётся. Если мы выпустим из крепких рук нашей большевистской партии контроль над ситуацией и безразлично отнесёмся к тому, что наши единокровные братья украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, останутся беззащитными, грош цена нашей революции, за которую пролили кровь тысячи и тысячи людей. Как думаете, товарищ Андреев?

Председатель правительства до этого момента внимательно слушал присутствующих, встал, разгладил пальцами плотные чёрные усы и взглянул на Сталина, шевеля насупленными бровями:

– Предлагаю, товарищи, вызвать польского посла и вручить ему ноту Правительства Советского Союза. В настоящий момент Польша потеряла свои промышленные районы и культурные центры. Польское правительство не проявляет признаков жизни. Тем самым прекратил существование до-

говор между СССР и Польшей.

– Согласен с вами, товарищ Андреев, но считаю необходимым принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны.

– Что вы имеете в виду, товарищ Сталин? – взволнованно спросил Молотов.

– Вчера ночью мы на оргкомитете с товарищем Мехлисом приняли решение предложить членам правительства рассмотреть вопрос о взятии под защиту жизни и имущества населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

– Вы предлагаете, товарищ Сталин, войскам Красной армии перейти границу и взять под контроль часть территории Польши?

– Товарищ Андреев, я выступил с предложением нашему правительству немедленно взять под защиту население. Прошу именно такими словами выразить ноту протеста польскому послу. А контроль территории – задача военных.

Андреев встал в задумчивости, поморщил лоб и сделал утвердительный жест рукой, похлопав по столу ладонью:

– Поддерживаю предложение товарища Сталина и ставлю на голосование. Считаю необходимым Главному командованию Красной армии дать приказ войскам немедленно перейти границу Польши и взять под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии. Кто «за», товарищи... Хорошо. Единогласно...

Утром 17 сентября в Кремле обеспокоенному польскому послу была вручена нота Правительства СССР и представитель советского посольства с металлом в голосе произнёс:

– Надеюсь, господин Гржибовский, вы своевременно проинформируете вашего президента о вынужденных действиях со стороны Советского Союза.

– Сделаю всё возможное, – холодно ответил посол упав-

шим голосом.

В шесть утра Сталин в присутствии Ворошилова и Молотова встретился с немецким послом Шуленбургом. Тот был в курсе вручённой ноты Гржибовскому. Сталин тем не менее лично пересказал текст документа и попросил посла проинформировать Берлин.

В это самое время танковая рота Топорикова в составе армии пересекала границу Польши в направлении Тернополя и Львова. Накануне вечером они погрузились на железнодорожный состав и ночью прибыли в Хмельницкий в пятидесяти километрах от границы, а оттуда совершили марш-бросок к притоку Днестра – неширокой речке Збруч с быстрым течением и заросшими кустарниками берегами. Приказ был коротким: прорыв пограничных оборонительных линий.

Рота заняла позиции на пологом берегу в том месте, где вытянутые островки и отмели с корягами делили русло на рукава. Танкисты вполголоса разговаривали, поёживаясь от утренней свежести:

– Ровно в пять часов сорок минут пересекаем вброд реку, через километр огибаем село и атакуем польские корпуса охраны границы, – сказал старший лейтенант, разглядывая в бинокль горизонт. – Наша тактическая задача на данном участке – поддержать пехоту. Движемся с шестой армией в направлении Тернополя. – Топориков ткнул пальцем в развёрнутую карту.

Гончар взглянул на часы:

– Уже скоро. Волнительно. Неужели настоящая война?

– Понятно – не учение! У поляков танкетки, бронемашины и, возможно, лёгкие танки. Опасаться надо артиллерии и

противотанковых ружей. Ладно, я доложу в штаб о готовности роты. Он занял отличную позицию на горке у опушки соснового лесочка...

– Следи в оба, лейтенант!

– Слушаюсь! – Гончар пошёл к своему взводу.

– На той сторонке должно быть село, – говорил Бондаренко.

– Тебе что, командир бинокль доверил? – поинтересовался Кузякин.

– Эх ты, сарайная блоха! Не вишь, берег истоптан коровами? У скотины тут водопой.

– Видишь-не видишь!.. Ты чуть не застрелил однажды несчастную бурёнку. Она от твоей команды доиться, наверное, перестала.

Гончар вспомнил тот комичный случай. В начале лета Бондаренко стоял ночью в карауле и увидел, как через кусты продираются двое в чёрных одеждах и несут третьего, завёрнутого в простыню, и шагают прямой наводкой на него. Часовой остолбенел от страха и их наглости, вскинул ружьё, передёрнул затвор и заорал: «Стой, кто идёт!..» Но ответа не последовало. «Стой, стрелять буду!» – раздался новый крик, способный разбудить мертвецов на кладбище. В это время к посту с другой стороны приближался разводящий со сменщиком. Они струхнули и от греха подальше бросились на землю. Послышался очередной приказ часового: «Стой, кому говорю, блоха сарайная! Застрелю!» Разводящий крикнул в ответ: «Идёт помощник начальника караула Сомов». Бондаренко, услышав голос, попятился, оглянулся и, увидев знакомое лицо, почти шёпотом сказал: «Товарищ старшина, двое неизвестных прут на нас... Стрелять?» Сомов и сменщик поднялись, пригляделись и захохотали так, что начальник караула проснулся в караулке. Бондаренко всмотрелся в темень и

увидел чёрную корову с белым пятном на брюхе… Весь полк потом ржал неделю над опростоволосившимся Бондаренко. Но за бдительность и чёткие команды ему объявили благодарность.

– Прекратить разговоры! Через час полная готовность, – лейтенант был крайне сосредоточен. Он собрал экипажи и раскрыл карту. – Идём до села колонной, огибаем лесок и рассредоточиваемся как на учениях. Держать дистанцию. Стрелять по команде.

Он ещё раз осмотрел боевые машины, каждому танкисту глянул в глаза, кого-то подбодрил, кому-то сделал замечание и без конца поглядывал на часы. Ему казалось, что медленно светает, медленно движется стрелка часов, река застыла, а пролетевшая над головой утка – и та будто специально перестала взмахивать крыльями. Он видел страх в глазах каждого бойца и отдавал себе отчёт, что и свой ему скрыть не удалось. В такие минуты он непроизвольно трогал ухо под шлемофоном, выдавая свои чувства. Ему казалось, что ухо подворачивается, и Сергей пытался его расправить. Когда осталось десять минут, он не выдержал и дал команду: «Взвод, по машинам!» Но это только заставило его сердце сильнее биться. Лейтенант, всматриваясь в небо, то и дело спрашивал:

– Ну как ты там, Кузякин?

– В порядке, товарищ лейтенант!

И только когда послышался насмешливый голос Бондаренко: «Да в каком ты порядке, Кузя? Танк ходуном ходит от твоей дрожи!», стало немного легче. Но взлёт сигнальной ракеты он пропустил: кинул взгляд в сторону и, увидев застывшую в небе яркую звезду, секунду соображал, что это именно

то, чего он ждал.

– Заводи! – Гончар дал отмашку другим экипажам и взглянул вперёд на вырывающийся из двигателя танка Топорикова дым.

Где и когда взвод Гончара проехал мимо пограничного столба, он в пылу наступления не помнил, но в полукилометре от села полк вступил в бой с польскими пограничными войсками. Поляки ожесточённо защищались, было несколько убитых бойцов Красной армии. Танк Гончара произвёл десятка два выстрелов из орудия по укреплённым позициям и артиллерийским батареям, и польская оборона была смята и прорвана батальонами советских войск. Где-то ещё шли локальные бои, но к вечеру танковая рота Топорикова в составе дивизии вышла на окраины Тернополя и расположилась лагерем. Город через сутки сдался и был занят войсками Красной армии. Пятая кавалерийская дивизия занялась разоружением польского гарнизона, а полку Гончара было приказано обеспечить прикрытие города с юга. В штабной палатке собралось всё командование полка. Шумский в хорошем расположении духа говорил:

– Товарищи офицеры, командир дивизии выразил нам благодарность. Первый этап по разгрому польских корпусов и закреплению советских войск на указанной территории выполнен. Наши потери минимальны. В плен взято несколько тысяч польских солдат и офицеров. Командующий Украинским фронтом РККА командарм Тимошенко приказал шестой армии овладеть Львовом.

– А где сейчас сосредоточены германские войска, товарищ полковник? – спросил Юдин.

– Германские войска окружили Львов и пытаются его захватить. Польские войска и ополчение героически защищаются. Кавалерийская дивизия Красной армии и танковый батальон выдвигаются в сторону Львова. Идут переговоры

с обеими сторонами. Наш полк находится в резерве.

Когда в расположение танковой роты рыжая лошадь притащила полевую кухню и ароматный дух с дымком добрался до уставших танкистов, наступило всеобщее оживление. Не успел полковой повар запрыгнуть на железный уступ и засунуть в бачок с кашей половник с длинной ручкой, как вокруг загремели пустые котелки, застучали ложки, посыпались шутки-прибаутки. Бондаренко облокотился на большое резиновое колесо кухонного прицепа, задрал голову и с серьёзным лицом, пытаясь сдержать улыбку, сказал немолодому кашевару, забирающему у него котелок:

– Со дна черпай, кухонная голова! Я ведь, Трофим, последний раз жевал хлеб ещё до войны! Голод добрался до самых моих пяток.

– Ну ежели ты так долго голодал, может, ещё денёк потерпишь, – повар застыл с котелком и с хитринкой в глазах оглядел бойцов. Одобрительный смех и восклицания раззадорили Бондаренко, и он не унимался:

– Нет, Трофим! Мне голодному быть нельзя.

– Приказ, что ли, такой поступил?

– Нэ-э, Трофимушка! Ты думаешь, командир в танке главный?

– Неужто ты?

– Без меня, братцы, пушка не стрельнет. А заряжающему по танковому уставу положено быть сытым по самое горло.

– А по кухонному уставу должны быть все сыты, даже лошадь.

– А я что, хуже лошади, братцы?

Вокруг раздались возгласы:

– Нет, Бондаренко, с тобой ни одна лошадь не сравнится. При твоём появлении враз разбегутся!.. Ага, кони ржать нач-

нут, обхохочешься.

– Слышал, сарайная блоха! У меня лошадиный аппетит! Так что, Трофим, не жалей ржаного хлеба, и белого ситного давай, и кулеша погуще, и до краёв наливай.

– Может, тебе и медаль сразу нацепить? – послышался рядом голос, когда Бондаренко принимал котелок обратно.

– Вот похлебаю щей, Кузя, и подумаю какую. Может, орден захочу.

– А орден-то за какие заслуги? – ухмыльнулся Кузякин.

– А то не знаешь за какие!

– Знаю! За то, что ты рыбной консервой хотел зарядить пушку? Ладно я увидел вовремя.

– А то что бы стало?

– Что-что! Польских панов накормил бы досыта советской селёдкой.

– Не переживай, они и так довольные остались!

– Эт точно!

Топориков, Гончар, Дудин и Балашов стояли в сторонке, курили и прислушивались к разговору танкистов.

– Бравые подобрались ребята, – радовался Гончар. – Поначалу перед боем все были в сильной лихорадке.

– Да у нас у всех поджилки тряслись, – признался Топориков.

– В первые минуты боя у меня душа в пятки ушла, – кивнул Балашов. – А потом – как на полигоне. Обошли противника с фланга и накрыли огнём.

– Гончар, а твой танк первым прицельно ударил по польским пушкам… А? Не скромничай, лейтенант.

– Бондаренко молодец! Бронебойным разнёс польскую пушку в щепки, как он выразился.

– В щепки – это хорошо! Это правильно… Понюхали мы сегодня пороха, друзья-товарищи! Теперь понюхаем солдат-

скую кашу. Пойдёмте, Трофим нас кличет.

Сергей Гончар, хоть и мало спал накануне, но бодрствовал ещё долго, почти до полуночи, переживая за Мусю, и всякие думы блуждали в его неуёмной голове. Вдруг случилось бы так, что снаряд польской пушки пробил боковую броню его танка, и вдохнул бы молодой лейтенант Красной армии горючую смесь, ударила бы оглушительная молния в его сердце, и вмиг бы мир исчез, испарился… Вот только куда? В лунную зыбь или в пламенеющее солнце? В его голове рождались образы горько плачущей у окна жены с конвертом в руке, и от этого хотелось оказаться сейчас с ней рядом, обнять и закричать, что живой он, живой…

– Живой, лейтенант? – толкал его Топориков. Когда Сергей открыл глаза, было совсем светло.

– Что случилось? – он не понял, что уже утро нового дня.

– Нашу роту в составе разведбатальона с передовыми частями шестой армии отправляют во Львов. Через два часа марш-бросок на сто тридцать километров. Готовь взвод!

– Слушаюсь, товарищ старший лейтенант! – Сергей быстро очнулся от сна и пошагал в сторону своего взвода.

Бондаренко после плотного завтрака, получив сухпаёк – сухари и галеты, бурчал:

– Товарищ лейтенант, разъясните трудовому крестьянству, на кой ляд сдался нам панский город? Я вот свою берёзовую деревеньку ни на что не променяю.

– Никто с тобой, друг сердечный, меняться не собирается. Ты, может, решил, что я свои сосновые рощи поменяю на польские черепичные крыши? – пробормотал Кузякин.

– Ты, товарищ мехвод, лучше баки проверь. А то не доедем ни до Львова, ни до Кузякова.

Гончар усмехнулся:

– В Кузяково точно не поедем. А Львов не нам нужен, Бондаренко, а нашим братьям-украинцам, угнетённым польскими панами. Проверь-ка затворы, остаток боекомплекта, а ты, Кузякин – уровень воды в системе охлаждения и почисть свечи... И ещё, Бондаренко! Проверь, все ли стреляные гильзы выброшены из танка.

– Слушаюсь, товарищ лейтенант! – Бондаренко не спеша пошёл выполнять приказ, а Кузякину буркнул: «Видел я их угнетённые хаты... Как сапог супротив лаптя».

До ушей лейтенанта донеслись слова заряжающего. Гончар и сам с интересом рассматривал ухоженные дворы польских посёлков и дома с черепичными крышами, встречающиеся на пути к Тернополю. Однако нотки недовольства с бунтарским оттенком кольнули лейтенанта, и он окрикнул красноармейца:

– Бондаренко, стоять! Ко мне бегом!.. За такие разговорчики можешь схлопотать не только наряд вне очереди. Понял меня, сержант?

– Так точно, товарищ лейтенант!

– Кроме свечей и гильз приказываю тебе с механиком прочистить ствол до жемчужного блеска, – он вспомнил слова чистильщика обуви на Крещатике. – Проверю через час.

Когда Бондаренко опустил ствол пушки, а Кузякин заглянул в него и взял в руки банник, рядом находящиеся танкисты услышали много интересного о внешности и незаурядном уме заряжающего Бондаренко.

Над Львовом поднимались столбы дыма, раздавались далёкие звуки канонады. С севера появлялись германские самолёты, зенитные орудия открывали по ним беглый огонь. В нескольких километрах от Львова, на холме, стояла группа

офицеров Красной армии, рассматривая в бинокли город.

– Заходим двумя колоннами со стороны Старого города, ориентир на собор и монастырь.

– Да тут, товарищ майор, кругом соборы и монастыри. Какой из них главный ориентир? – недоумевал один из офицеров.

– С зелёной башенкой на круглой тёмной крыше… Смотри правее. Приказано дойти до ратуши – четырёхугольной башни с ярусными надстройками.

– А германские войска нас не обстреляют?

– Узнаем по ходу движения. Армия вермахта окружила город с трёх сторон и готовится со дня на день штурмовать.

– Вижу противотанковые рвы, товарищ майор.

– Со стороны старого города есть проходы. Огонь без команды не открывать! Наша задача: выяснить состояние и планы польского гарнизона, по возможности вступить в переговоры.

– Товарищ майор, похоже, наши самолёты!

Действительно, с востока прошла эскадра советских самолётов, но польские зенитки их не обстреляли.

Через полчаса Топориков примчался в расположение своей роты.

– Идём в город колонной. Без команды не стрелять.

Больше трёх десятков танков БТ-7 и несколько сотен красноармейцев кавалерийской дивизии двинулись в город, но на подходе их обстреляла германская артиллерия, а затем огонь из противотанковых орудий открыл польский гарнизон. Разведбатальон попал под перекрёстный огонь. Когда загорелся впереди идущий танк, комбриг приказал открыть ответный огонь в обе стороны. Топориков услышал в шлемофоне отборную русскую матерщину, напоминающую артил-

лерийскую подготовку, за которой последовал приказ:

– Ребята, огонь из всех стволов! Первая колонна угощает польских друзей. Вторая – германских. Бейте, пока они не заткнутся!

Пятнадцати минут интенсивного боя хватило, чтобы все стороны затихли и дали возможность батальону войти в город. Позже комбат доложил в генеральный штаб, что поляки не собираются сдаваться и отчаянно дерутся. Также было доложено о сброшенных над городом немецких листовках с призывом сдаться армии вермахта и с гарантиями защиты от большевиков. В противном случае, говорилось в листовке, утром начнётся штурм. Было видно невооружённым взглядом, что гарнизон Львова приготовился к обороне в полном окружении.

Батальон вышел из города, и шестая армия замкнула его окружение на востоке. Проведённые позже переговоры на уровне штабов армий противоборствующих сторон ни к чему не привели.

В Москве переговоры вышли на уровень наркома обороны СССР маршала Ворошилова. Он встретился с германским военным атташе в Москве генерал-лейтенантом Кёстрингом.

– Господин нарком обороны, германское командование предлагает взять город Львов совместным штурмом с советскими частями, – с каменным лицом говорил атташе.

– Господин генерал, вы предлагаете нарушить ранее подписанный договор между Германией и Советским Союзом о ненападении и договорённости о разграничении зоны влияния наших стран?

– Таких полномочий у меня нет, господин Ворошилов.

– В таком случае передайте германскому правительству требование отвести войска от Львова и не позднее первого -

второго октября со всей территории Западной Украины.

Через несколько дней немцы отошли от Львова, передав позиции Красной армии. Командующий львовским гарнизоном польский генерал Лангер быстро договорился с РККА о капитуляции и 22 сентября сдал город без боя. Кавалерийские полки с красными знамёнами прошествовали по главным улицам Львова. Толпы народа встречали Красную армию и в знак солидарности поднимали вверх сжатые кулаки. Западная Украина вошла в состав Советского Союза по пакту Молотова-Риббентропа.

Не думал Сергей, что с этого дня Львов станет для него новым местом службы. Мотострелковый полк дислоцировался на окраине города и приступил к выполнению задач по охране правительственных и партийных учреждений, борьбе с разведывательно-диверсионными группами украинских националистов, немецкой разведкой, с уголовным бандитизмом.

Сергей и Муся сняли во Львове квартирку у интеллигентной разговорчивой старушки недалеко от Успенской церкви. Старушка называла себя по крови русиной с польскими корнями, знала русский, польский и неплохо украинский. Муся неспроста выбрала это место. Во-первых, недалеко от военной части Сергея и домов начальственного состава, во-вторых, вблизи православного храма. Поначалу девушка продолжала работать в полковом лазарете, но к новому году живот её сильно округлился, появилась одышка, случались головные боли, и она целиком занялась домашним хозяйством. А Сергей часто пропадал на несколько дней, а то и недель, уезжая с полком на учения и охрану границы.

Муся звала старую хозяйку Петровной, а та девушку Марисей. Петровна даже шутила, когда Муся перестала работать:

– Теперь, Марися, мы будем вдвоём пановать!

– Мои бабушки пановали, – смеялась в ответ Муся.

– Вижу, что ты не из простых, – заводила доверительный разговор старушка. – Дворяночку в тебе я сразу приметила. А офицер твой из простых, украинских кровей. Не по фамилии сужу, а по речи, поступкам и крепкому характеру. Он хорошо обученный и образованный советской властью, но прячется у него в душе вольная птица. Теперь у многих украинцев и русинов вырвались птицы. До прихода Красной армии все административные посты занимали исключительно поляки. Все учителя, профессора, фабриканты – поляки. А врачи, адвокаты и торговцы – евреи. Мой Войцех привёз меня из-под Санкт-Петербурга, во Львове работал преподавателем в университете, вот уж три года, как он отправился на Божий суд.

Муся не поняла про вырвавшихся птиц, но почувствовала к Петровне доверие и делилась своими впечатлениями и переживаниями. Рассказала про свою маму, показала фотографию родителей.

– Мама говорила, что род Шишковых известный был в России. Дом моего отца построен был в живописном месте на Волге. В этой усадьбе среди сосновых и дубовых лесов, тенистых парков собиралась многочисленная родня Шишковых, Ивашевых, Толстых, Тургеневых. По заливным лугам в красивой одежде они катались на лодках. Дамы с зонтиками, мужчины с шампанским... Я слушала эти рассказы словно дивную сказку. Даже с Сергеем об этом не говорила.

– Ты, Марися, больше на отца похожа, – Петровна взяла в руки фотографию Мусиных родителей. – Его кровиночка. Вижу – смущена своими корнями. Но святые мученики толку-

ют, что в смущении нет ни покаяния, ни смирения, ни подвига против страстей. В смущении нет никакой пользы, а величайший вред. Оно есть вражия колесница, не попускает излить сердца своего перед Богом.

– Как же избавляться от этого?

– Прежде следует освободиться от самолюбия, которое не может снести оскорбление. Вот что погубило царскую Россию в семнадцатом году. В ту пору муж и увёз меня в Польшу.

Для Муси эти откровения были волшебным напитком, который она с наслаждением цедила. Не всё доходило до понимания, но сердцем Муся чувствовала глубокую правду в словах Петровны. Это избавляло её от скуки, от уныния, и ежедневная домашняя суета принимала форму осмысленного, радостного существования в ожидании рождения ребёнка.

Наступил 1940 год и принёс Сергею и Мусе истинную радость семейного счастья. Девушка готовила пелёнки и распашонки, Сергей ходил на службу.

В зимние месяцы полк Гончара отправлялся на границу и участвовал в мелких стычках с украинскими националистами, в городе боролся с бандитскими формированиями, совершавшими убийства лиц, лояльно настроенных к советской власти. В свободное время Сергей занимался конструированием приспособления для стрельбы из пушки танка и спаренного с ней пулемёта. Эта черта – переходить от одного занятия к другому – передалась от отца, и что важно: Сергей считал необходимым зацеплять всякую науку, которая встретится на пути. Рабочий стол в его кабинете был завален чертежами и схемами. Топориков частенько заглядывал к нему и шутил:

– Изобретаешь непробиваемый танк?

– Да нет, ломаю голову над повышением эффективности стрельбы, товарищ старший лейтенант.

– Ух ты, куда замахнулся.

– Пытаюсь разработать способ автоматического выстрела во время движения машины.

– Поясни!

– Пушка расположена достаточно высоко в башне над крышей корпуса танка с большим углом вертикального наведения, а линия прицела находится чуть выше оси пушки, и в прицел не видно реальное положение ствола.

– Это я, Гончар, ещё в училище из «азбуки» узнал.

– Да, но мы же оба знаем, что это требует корректировки.

– Понятно! В чём суть конструкции?

– Пушка бьёт в цель в тот момент, когда ось канала ствола пересекает линию прицела по мишени. Вот схема.

– Как бы глаз Комарова не пересёкся с линией прицела, – предупредил Топориков. – Он опять на тебя косо смотрит.

Действительно, политрук как-то застал Гончара за черчением, доложил комиссару и тот был взбешён не на шутку. Комаров сделал упрёк лейтенанту, обвинив его в бесполезной трате времени. И снова начал читать назидания, что в обязанность командира взвода входит обучение личного состава, поддержание боеспособности экипажей, контроль за их морально-политическим состоянием, а не самодеятельность с казённым военным имуществом. Комаров так разошёлся, что чуть не обвинил Гончара в провокации против советских конструкторов, создавших лучший в мире танк.

– «Семёрка» действительно самая манёвренная боевая машина, товарищ майор. Но я исхожу из личного опыта. Во время боёв у границ Польши в прошлом году при стрельбе на ходу точность была недостаточной. Моё приспособление

сильно повысит эффективность боевого удара по врагу, – пытался оправдаться Гончар.

– Из сказанного вами, товарищ лейтенант, я делаю вывод, что недостаточно вы проводите практических занятий в вашем подразделении. Этот вопрос буду решать с ротным и начальником штаба.

– Воля ваша, товарищ майор!

– Ты ещё поговори у меня, лейтенант. Или до сих пор не можешь забыть свои советы товарищу С... – комиссар огляделся вокруг. – Я советую тебе сосредоточиться на своих непосредственных обязанностях.

Осадок от разговора остался неприятный, Сергей проглотил его как горькую пилюлю и не отказался от своей затеи. Он связывал придирки с историей в Москве и не понимал, почему майор требовал забыть случайную встречу со Сталиным. Что произошло плохого? Такой вопрос он часто задавал себе и Мусе, но всё сводилось к мысли о простой человеческой зависти. Сергей чувствовал, что именно это стало источником неприязни к нему комиссара полка. Топориков мог бы что-то разъяснить – у него жизненного опыта, конечно, больше, но Гончар не нарушал данного обещания и опасался за Мусю. Вскоре он вовсе забыл о притеснениях Комарова.

В начале февраля Муся родила девочку. Это были самые счастливые дни в их семейной жизни, но и самые хлопотные. Сергей признавался, что ему легче обращаться с огромным железным танком, чем с беспокойной малышкой, оглашающей мир требовательным, щемящим сердце голосом. При каждом крике новорождённой он терялся, переживал и волновался, удивляясь ловкости и умению Муси. Про себя он думал, что она же не обучалась этому, не овладевала знания-

ми в учебных заведениях, но, видимо, врождённый женский инстинкт и материнские чувства руководили её действиями.

Через месяц к Гончару и Мусе пришли офицеры «обмывать ножки» новорождённой. Топориков, раскупоривая шампанское, воскликнул:

– Друзья-товарищи, предлагаю троекратное «ура»! В нашем полку теперь три Гончара!

– Ура! Ура! Ура-а-а!

А Дудин и Балашов преподнесли Мусе стопку белых простыней:

– Это от нас, Маруся, для Тамары Сергеевны Гончар – нового гражданина Союза Советских Социалистических Республик.

Топориков засмеялся:

– Мы на складе зажали в угол прижимистых тыловиков. Пообещали им подогнать танк, если будут сильно сопротивляться. В общем, экспроприировали не только простыни, но ещё шоколад и консервы в красном пролетарском соусе.

Несколько раз офицеры поднимали бокалы за Тамарочку, за ячейку советского общества – семью Гончара, за Мусю, за свой мотострелковый полк, за советскую власть и за товарища Сталина.

В разгар веселья Сергей достал письмо.

– Товарищи, поделюсь с вами ещё одной радостью. Мне написал однокурсник по ульяновскому училищу. Старший лейтенант знает, что Николай был тяжело ранен в боях на Халхин-Голе, но выписался из госпиталя и продолжает службу. Награждён медалью. Вот что он пишет: «Сергей, я жив и здоров. Зрение восстановилось. На лице и руках видны следы ожогов, но Валюша говорит, что они меня украшают и делают мужественнее. С женщинами лучше не спорить.

Убедился на своём опыте. Но я её люблю и за это тоже. По сути, она меня выходила... Хочу поделиться впечатлениями о нашей любимой бэтэшке-семёрочке. В боях мы преодолевали до пяти противотанковых рубежей, высокие надолбы и широкие рвы. Ходовая не подводила. Конечно, были проблемы: перегорали выхлопные коллекторы, выходили из строя стартеры. Это мы знали и по училищу. Ещё случалось, что ломались пружины динамо. Эти недочёты отправили в штаб, а они должны передать в Москву. Очень хорош танковый магнитный компас. Он позволял нам двигаться при совершении маршей целым подразделением в условиях плохой видимости и при отсутствии на местности заметных ориентиров... Дальнобойность пушки хорошая, но для точной стрельбы нужны серьёзные навыки. Занятий по стрельбе не хватает для овладения эффективной техникой. Пиши. Крепко обнимаю вас с Марией».

– Товарищи офицеры, – Топориков поднял фужер, – за наши «семёрки» ещё не пили... На следующей неделе будем отрабатывать преодоление препятствий и рвов способом прыжка танка на большой скорости. Лишь бы баки нам заправили под завязку.

– А вы знаете, друзья, что рекорд прыжка на бэтэшке больше тридцати метров? И его никто ещё не побил, – воскликнул Балашов.

– Я побью! – выкрикнул Сергей, но Топориков его остановил:

– И не думай!

– Почему?

– Комар за нами следит и укусит в самый неожиданный момент. Не забывайте, друзья-товарищи, про тактику борьбы с комарами.

– Они очень назойливы!

– Это точно! – Балашов попытался обнять Гончара. – Лучше им на глаза не попадаться.

– Кстати! – Топориков не унимался. – Вчера закончилась война с Финляндией. В Москве подписан мирный договор.

– Тогда за мир во всём мире!..

В конце марта в Москве народный комиссар обороны маршал Ворошилов на пленуме ВКП(б) выступил с докладом об итогах советско-финской войны, а в середине апреля состоялся расширенный Главный военный совет.

Для участия в нём были приглашены командующие войсками военных округов и армий, члены военных советов, командиры корпусов и дивизий, начальники штабов оперативного и тактического звена, командиры и штабные работники некоторых родов войск. Через неделю во Львове в штабе мотострелкового полка собрался весь офицерский состав. Шуйский докладывал:

– Товарищи, кратко, по итогам заседания Главного военного совета довожу до вас секретную информацию. Прошу не перебивать, не записывать. Итак, боевая подготовка войск имеет крупнейшие недочёты.

Зал зашушукал, командир полка постучал по столу и продолжил:

– Низкая подготовка среднего командного состава в звене рота-взвод и особенно слабая подготовка младшего начальствующего состава. Слабая тактическая подготовка во всех видах боя и разведки, особенно мелких подразделений. И я поддерживаю комиссара полка товарища Комарова, когда он указывает на эти недостатки.

Комаров поднялся и добавил:

– Товарищи, не только буду указывать, но и привлекать

к партийной и дисциплинарной ответственности. Прошу продолжать, товарищ полковник.

– Далее, товарищи офицеры – и это уже не фигуральные пустяки – вопросы материально-технического обеспечения Красной армии. Современные образцы стрелкового вооружения – пистолеты-пулемёты и самозарядные винтовки – производятся с опозданием и крайне медленно.

Зал оживился, офицеры согласно закивали головами.

– Поэтому требую бережного отношения к оружию.

– Может, запретим передёргивать затвор, – послышалась чья-то шутка.

– Я вам передёрну кулису через заднюю проушину, – рявкнул Шумский, и зал успокоился. – Что касается автобронетанковых войск – выводы комиссии неутешительные. Развитие механизированных и танковых войск в общей системе вооруженных сил отстает от современных требований.

В зале раздалось шушуканье и возмущённый гул. Командир полка выждал минуту и продолжил:

– Наркомат обороны в деле развития танковых и механизированных войск проявил совершенно недопустимую осторожность, вследствие чего удельный вес механизированных войск является низким, а количество танков в Красной армии недостаточным… Это, товарищи, из секретного документа!

Новые возгласы прервали выступающего. Шумский дал время утихнуть эмоциям, понимая, что такого рода выводы Главного военного совета дадут пищу для бурных обсуждений.

– Автобронетанковый парк в течение последних двух лет подвергался напряжённой эксплуатации в боевых условиях Халхин-Гола, походов в Западную Украину и Западную Белоруссию и войны с белофиннами, вследствие чего в зна-

чительной своей части требует капитального и среднего ремонта. Однако ремонт этих машин при наличии достаточной ремонтной базы затягивается из-за отсутствия необходимых запасных частей.

Топориков подтвердил:

– Товарищ полковник, об этом я устал говорить на совещаниях. Запчастей не хватает.

– Много чего не хватает. Нам бы пару сотен сапог.

Новая волна оживления прошла по залу.

– Товарищи, напоминаю про дисциплину. Последнее. Организация и система продовольственного снабжения и квартирного обеспечения Красной армии совершенно не были приспособлены к военному времени... Такая вот фигурация!..

Комиссар добавил:

– Вы слышите, товарищи, Главный военный совет видит и свои, и наши с вами недостатки. Партия большевиков, как говорит товарищ Сталин, сделает всё возможное для помощи Рабоче-крестьянской Красной армии.

В апреле взвод Гончара пополнился новыми курсантами. Все прежние успешно сдавали государственные зачёты, и лейтенанту не раз объявляли благодарность перед строем. Младшие командиры танков роты Топорикова были демобилизованы, и Бондаренко занял такое место в первом взводе. В экипаже Гончара появился новый заряжающий – Павел Курбатов, призванный в январе в ряды Красной армии и прошедший курс молодого бойца. Он был невысокого роста, коренастый, с крупными чертами лица, живой и общительный. Каким-то чудесным образом он перенял привычки Бондаренко. Сергею иногда казалось, что по характеру и повадкам они братья.

Однажды тёплым майским днём в гаражном боксе, помогая Кузякину с ремонтом ходовой части, Курбатов уснул под днищем танка, выглядывали лишь подошвы сапог. Механик-водитель ушёл к зампотеху решать вопрос по запчастям, Гончар с другими экипажами наводил порядок на складе боеприпасов. Комаров в это самое время обходил территорию части в ожидании приезда офицеров из штаба дивизии и, услышав богатырский храп, заглянул под танк. Будить танкиста комиссар не стал, отправился к командиру полка и предложил проверить готовность к приезду комиссии.

– А я собирался, товарищ майор! Истрепавшиеся ветром и дождями флаги надо сменить в первую очередь, навести чистоту у КПП и на плацу, штыки начистить до блеска майской молнии.

Комаров специально повёл полковника мимо складов и боксов. У вещевого склада щуплый капитан курил с рядовым бойцом, когда из-за угла показалась офицерская фуражка и красный рябой нос полковника. Курильщики метнулись на склад и прикрыли дверь, но голос полковника догнал их через щель:

– Ах вы рожи лошадиные буржуйской фигурации! Не видели пожара революции, а курите рядом со складом.

Командир полка распахнул дверь и, увидев в углу гору ушанок, валенок и перчаток, продолжил командирскую брань:

– Морозы сто лет назад закончились, а у вас, капитан, зимнее имущество в лето плавно перетекает!

– Никак нет, товарищ полковник! Не перетекает.

– Почему обмундирование не разложено по местам?

– Ведём учёт и опись.

– За каждый валенок, капитан, собственной ушанкой ответишь! – пригрозил полковник и двинулся с Комаровым дальше.

– А куда подевались все красноармейцы? – удивился он, прислушиваясь к тишине. – Где Топориков?

Комаров, даже если бы знал, что командир танковой роты с первым и вторым взводом с утра совершал манёвры на полигоне, а сейчас на складе ГСМ заправляет технику, то всё равно не ответил бы на вопрос. Также в недоумении пожал бы плечами в предвкушении командирского разноса всей танковой роте, а Гончару – двойную порцию. А если бы полковник узнал про заправку, то выдал бы тираду о необходимости беречь ресурсы, не накручивать впустую моточасы и вообще беречь технику для парадов и показа комиссии.

Кузякин, как назло, застрял у зампотеха, но, как утверждал Гончар, танковый бог существует и прячется он под сиденьем командира. Вот этот бог и шепнул лейтенанту, что на него готовится внезапное нападение противника. Как он это сделал, никому не ведомо, но в это самое время лейтенант решил выглянуть со склада и увидел вдали Комарова и Шуйского. В глазах первого он почуял неладное, бросился к гаражу и сходу оценил обстановку: разглядел в неподвижных каблуках кирзовых сапог курсанта мину замедленного действия.

– Вот, что и требовалось доказать, – услышал Сергей окончание фразы Комарова.

Лейтенант вскинул руку к козырьку и громко доложил:

– Товарищ полковник, танковый взвод проводит ремонтно-восстановительные работы. Разрешите продолжить?

И не дожидаясь ответа, нагнулся и заглянул под танк:

– Курбатов, ну что там с ходовой? Рычаги подтянул? – Гончар незаметно дёрнул спящего за комбинезон, но тот отбрыкнулся. В это время как снег на голову Комарову появился Кузякин. Он слышал на подходе громкий голос своего командира и по вопросу и интонации понял, что корабль «попал на рифы»

и надо спасать команду. Механик ловко юркнул под танк, и оттуда послышались его возгласы:

– Молодец, Паша, без меня устранил неисправность. Товарищ лейтенант, всё в порядке.

Кузякин вылез, а следом появился невозмутимый Курбатов:

– Работа выполнена. Пашем как лошади, товарищ лейтенант!

– Нашёлся пахарь, – намеренно повысил голос Гончар. – Тут воинская часть, а не колхозное поле.

– А где другие экипажи?

– На складах, товарищ полковник! Наводим порядок и помогаем делать ревизию.

Командир полка удовлетворённо кивнул и усмехнулся:

– Ну вот, товарищ майор, такое ощущение, что только взвод Гончара пашет за весь полк.

Уходя, Комаров сверкнул глазами в сторону лейтенанта:

– Пахари, вашу мать!..

Через неделю он вызвал к себе в кабинет Курбатова и обдал холодным взглядом переминающегося с ноги на ногу красноармейца:

– Курбатов, дайте характеристику своему командиру.

Стрелок-радист был уже предупреждён товарищами о въедливом характере комиссара и о его подозрительности ко всему, даже к железному танку, громкоговорителю на столбе, графину на столе и многому, на что способна солдатская выдумка. Танкист в душе хотел бы отшутиться, мол, лучше у жены расспрашивать о характере мужа, но обстановку оценивал трезво и понимал, что неверное слово в этих стенах может стать приговором. Плотные занавески на маленьком окне и серые стены создавали неуютный полумрак. Грибообраз-

ная настольная лампа с молочным плафоном на полупустом столе походила на смешного часового в панамке, ждущего смены. А взирающий со стены Сталин будто предупреждал, что в любой момент можешь, смешной человечек, занять её презренное место.

Младшие командиры, которые служили до Курбатова, так называемые старички, отзывались о лейтенанте с уважением, и многие завидовали, что Курбатов попал в экипаж Гончара. Сержант частенько слышал от бойцов хорошие слова в адрес своего командира. И сам убедился в этом за время службы, поэтому и скрывать ему было нечего. Он спокойно, без волнения, обдумывая фразы, ответил:

– По существу вопроса, товарищ майор, сообщаю следующее...

– Ну, не жуй сопли, – нетерпеливо рыкнул комиссар.

– Командир взвода лейтенант Гончар пользуется большим авторитетом у всей роты, – затараторил Курбатов. – Характерными чертами как командира и как человека являются исключительная аккуратность, дисциплинированность, он служит для нас образцом подтянутости... Чуткости – с одной стороны, требовательности – с другой. В учебной обстановке он требует беспрекословного подчинения.

– Как по писаному шпаришь, Курбатов. Ты, кажется, учителем работал до армии?

– Так точно! В сельской школе.

– Продолжай!

– Слушаюсь, товарищ майор! Хочу отметить, что он в совершенстве знает военное дело. Разъясняет доступно, доходчиво и после его лекций и практических занятий не остаётся неясностей.

– Всё?

– Так точно, товарищ майор.

– А что он чертит у себя в кабинете?

– Не могу знать, товарищ майор. Слышал, что рисует схемы усовершенствования стрельбы из пушки.

Комаров с минуту-другую ходил в задумчивости, его лицо выражало неудовлетворённость. Подойдя вплотную к сержанту, он ткнул пальцем в его грудь:

– Смотри у меня, Курбатов! Смотри!

– Слушаюсь, товарищ майор!

После этих слов комиссар махнул рукой:

– Свободен!..

Гончар, когда выдавалась возможность, летел домой как на крыльях. Он безумно радовался, что дочка его узнавала, оживлённо била ножками по воздуху, награждала невнятным лепетанием и удивлённо-восторженным взглядом.

– Смотри, смотри! Тянется ко мне и будто поёт, – счастливо восклицал Сергей.

– Томочка уже хватает погремушку, – Муся осторожно брала ребёнка на руки, с умилением и лаской смотрела на него и целовала в лобик. – Петровна принесла откуда-то кучу игрушек. Помогает мне пеленать и учит делать массаж. Ах, Серёжа, как я счастлива. Не думала, что это настоящее божественное чудо, от которого сердце поёт, а душа замирает в восторге... А ты не забыл?

– Что?

– Завтра нашей доченьке полгодика. К нам в гости из госпиталя придут медицинские сестрички и сам Чубатый, прости, Иван Кузьмич. Он даст для Томочки свои рекомендации. Я не хочу идти к польским врачам, нет к ним доверия...

Топориков стал иногда называть Сергея папашей и передавал для ребёнка фрукты, которые покупал на львовском рынке.

– Да она ещё не ест апельсины, – отказывался Сергей, но Топориков не принимал возражений:

– Не вороти нос, папаша! Передай это от меня Мусе.

Бывало, Гончар с Топориковым вместе ходили на рынок за кремниями для зажигалок, керосином, папиросами, распашонками для Томочки и сладостями для Муси, пили из расписных чашек какао и ели бутерброды с рыбой или тушёнкой, глазели на прилавки с европейской посудой, столовыми приборами и диковинными украшениями. Однажды к ним подошёл старый еврей в чёрной шляпе с пейсами и завёл с военными разговор:

– Должен вам сказать, молодые люди, русский язык, заполонивший древние улицы Львова, не потерял свою историческую уникальность, а, наоборот, будто ожил, как старый пёс, встретив прежнего хозяина.

– Да, уважаемый, в Первую мировую войну Львов, кажется, уже становился русским на короткое время, – утвердительно кивнул Топориков.

Еврей усмехнулся:

– Вы, господа, мало знаете, если вообще знаете об этом.

Топориков нахмурился:

– Господа сбежали в Европу, а мы офицеры Красной армии.

Еврей, ничуть не смутившись, продолжил:

– Скажу вам с полным душевным откровением, молодые люди, в середине тринадцатого века сам русский князь Даниил Галицкий основал город и назвал в честь сына.

– Значит, Львов – исторически русский город, – оживился Сергей.

– Но не так всё гладко, как вам кажется, господа. Простите, товарищи... Так вот, городу Львову Господом нашим была уготована печальная участь, если хотите это знать. В сере-

дине четырнадцатого века город захватил польский король, а в конце семнадцатого он перешёл во власть австрийцев. С этого дня Львов стал называться Лембергом. И я вам должен сообщить, что в начале нашего многострадального века австрийцы согнали всех русинов в лагеря, и вам бы там не понравилось. А вот с девятнадцатого года город после кровавых сражений с австрийцами и украинцами становится польским. Если что-то я и наврал, Господь меня простит.

– Это же украинский город? – Топориков был в замешательстве.

– Я вам так отвечу на ваш своевременный вопрос. Сейчас он по всем важным бумагам украинский. А в прошлом году каждый второй был поляк, каждый третий – еврей, к коим я до сего дня себя причисляю. На двух евреев приходился один украинец – малый поляк. И я вам скажу, что польские паны украинский язык запрещали… Кроме всех перечисленных, были русины, австрийцы, немцы и другой народ, часто мне неизвестный.

Топориков и Гончар были слегка потрясены рассказом еврея и сбиты с толку. Гончар возмутился:

– Так надо этих австрийцев со всей пролетарской ненавистью призвать к ответу!

– К стенке! – потребовал Топориков.

– А я ж о чём, молодые люди. Русский царь Николай Второй, царство ему небесное, хотел восстановить историческую справедливость и присоединил Львов к России в Первую мировую, но человек предполагает, а Бог располагает. Вот теперь советская власть тут свои порядки устанавливает.

– И как тут все уживались до советской власти? – поинтересовался Гончар.

– За нас, евреев, прошу не беспокоиться. Когда я разговариваю с поляками – называю Львов, когда с украинцами –

Львив, с немцами и австрийцами – говорю Лемберг, а со своим кровным братом – Лемберик.

Топориков улыбнулся:

– Вы, товарищ Лемберик, много умного наговорили. Но теперь советую называть город, как записано в наших важных бумагах, – Львов. И точка!

– Ох, товарищ красноармеец, чувствую – крепка ваша советская власть. Поспешу собираться в Москву. Ежели что, встретимся на столичном базаре.

С этого дня Топориков включил в свой лексикон понравившееся словечко и при очередном взыскании бойцу за нерадивость добавлял:

– И не юли у меня, пролетарский Лемберик! Научу ходить строевым шагом в ночное время.

Интенсивность учений, занятий по стрельбе, вождению и тактике увеличилась после того, как в мае был отстранён от занимаемой должности наркома обороны маршал Ворошилов, а на его место назначен маршал Тимошенко. Уже в конце июля вышел приказ о новой структуре центрального аппарата наркомата с образованием при народном комиссаре обороны инспекций. Командир мотострелкового полка, получив разгон в штабе дивизии, воспитывал старших офицеров полка.

– Перестаньте, товарищ майор, – кричал он на начальника штаба Юдина, – показывать фигурации вместо управления подразделениями в устойчивой форме. У вас одни условности и отсутствие физической подготовки бойцов.

Юдин пытался возразить, но командир полка предъявил ему неопровержимые доказательства в виде нескольких листов, привезённых из дивизии.

– Вот ознакомьтесь. Это не я написал, но относится непосредственно к вам. По пунктам читаю... Неправильное обуче-

ние и воспитание войск. В боевой подготовке войск допускается много условностей, войска не тренируются в обстановке, приближенной к боевой действительности, применительно к требованиям театров военных действий.

– Все планы по боевой подготовке подразделений полка вами утверждены, товарищ полковник, – не сдавался Юдин, – вы же сами требуете экономить боеприпасы, топливо и беречь технику.

Но Шумский не слушал и продолжал:

– Войска мало обучаются в поле практическому выполнению всего необходимого для боя. Недостаточно прививается выносливость, физическая закалка и стремление выполнить приказ беспрекословно. Вместо этого зачастую допускаются ложный демократизм, подрыв авторитета командира, особенно младшего.

На следующий день все претензии, высказанные полковником, плавно спустились к младшим офицерам и добрались до роты Топорикова. Гончар с радостью выслушивал разгон от заместителя начальника штаба. Лейтенант всегда просил чаще проводить стрельбы и манёвры на полигоне и в полях.

А тут свежая волна прям обрушилась на танковую роту. Топориков только и успевал отвечать на приказы:

– Слушаюсь, товарищ майор!.. Так точно! Слушаюсь! Разрешите приступить немедленно!

– Не ёрничайте, старший лейтенант! – повышал голос штабной офицер.

Если бы Гончар знал, что всё закончится так же внезапно, как началось, а отчёт раздуют до границ Камчатки, то выпросил бы больше снарядов и патронов. Но сейчас он с энтузиазмом отправился со взводом на вожделенные учения.

Сначала отработали стрельбу из пулемёта. Молодые сол-

датики сидели в окопах и по команде поднимали мишень. Топориков кричал в телефонную трубку:

– Поднять!.. Опустить!.. Да опустите мишени, лемберики чёртовы!

Мишени поднимались и опускались вразнобой. Гончар смотрел в бинокль, выглядывая из люка танка, а стрелки жали на гашетки пулемётов.

– Курбатов – хорошо! Трофимов – плохо, выше бери... Петров – хорошо! Кузякин, бей по мишени!.. Шишкин – следующий!.. Занять место стрелка!

Гончару и самому хотелось пострелять, но он решил на себя не тратить ограниченный боекомплект. Патроны распределил между экипажами поровну, но потом отдал свои экипажу Петрова.

Стрельба закончилась. Солдаты ушли в поле устанавливать мишени для стрельбы из пушки, танкисты перекуривали, а офицеры обсуждали результаты:

– Первый взвод неплохо отработал, а во втором косоглазые стрелки.

– Мои мишени слишком быстро опускались, – оправдывался Дудин.

– Ты ещё скажи, что патроны у тебя холостые, – смеялся старший лейтенант.

– Дудин экономил мишени, – продолжил Гончар. – От полковника получит благодарность.

– Может, и экономил. А вот я слышал, что у немцев на полигоне мишени управляются системой блоков. Поднимаются и опускаются одновременно.

– Во время боя враг не будет вставать по команде, – резонно заметил Гончар. – Мишень надо ловить в прицел на первых секундах и не выцеливать, а сразу жать на курок.

– А при движении и такой стрельбе пустили бы все пули мимо.

– Это точно! Кроме Бондаренко.

– Да, у Бондаренко глаз-алмаз.

Взвод Гончара тоже эмоционально обсуждал свою стрельбу. Кузякин упрекал Курбатова:

– Эх ты, Паша, мазал так, что вокруг все суслики в полях обхохотались.

– А у тебя, друг Кузя, видно, все пули в одну дырку прошли. По ночам, что ли, тренировался?

К ним подошёл довольный собой Бондаренко:

– Я, братцы, одним глазом стрелял, а второй экономил.

– Чо, меняться будем? Твой глаз на мои сухари, – предложил Курбатов.

Пострелять вволю шуточками танкистам не удалось. Начались стрельбы из пушек. Снарядов выдали мало. Топориков приказал механикам-водителям продолжить перекур, а командиры танков и стрелки-радисты заняли места в танках. На полигоне появился как чёрт из табакерки Комаров и подошёл к Топорикову.

– Какие результаты? – он встал за спиной командира роты и невольно вздрагивал при каждом выстреле.

– Результат неплохой, товарищ майор. По неподвижным мишеням из пушки стреляют удовлетворительно, из пулемёта хорошо. Навыков не всем хватает, а взвод Гончара на удивление поражает мишени одну за другой… Чаще следует проводить занятия по стрельбам, но боеприпасы в требуемом количестве не выдают.

– Выдадут, когда необходимость появится, – буркнул майор.

Когда стрельба уже завершалась, прибежал посыльный и сообщил Топорикову, что всю роту срочно требуют отпра-

вить в баню для смены белья, а технику оставить на полигоне в ожидании комиссии.

Уговаривать танкистов не пришлось. Услышав приказ, рота с криками «ура» лёгкой трусцой отправилась в часть. Топорикова и экипаж Гончара остановил Комаров:

– Хочу разобраться, товарищи, в вопросе эффективности стрельбы. Знаю, что лейтенант Гончар разрабатывает приспособление, которое позволит повысить точность попадания в цель. И это должно быть взято на вооружение Красной армии. Как вы считаете, товарищ Топориков?

Гончар в голосе Комарова чувствовал подвох или даже опасность, но не мог понять, в чём она заключалась. Ротный, видимо, тоже уловил подозрительные нотки и ответил обтекаемой фразой:

– Вопрос эффективности стрельбы важен в боевых условиях, товарищ майор.

Кузякин и Курбатов стояли в стороне и бросали ненавистные взгляды в сторону комиссара.

– Вся рота будет в свежем белье, а мы ляжем спать со старыми блохами, – ворчал Кузякин.

– Там, где пройдёт олень, там пройдёт и русский солдат... А там, где не пройдёт олень, появится Комаров и всем рога пообломает, – ответил Курбатов.

– Ну ты даёшь, Паша! Завернул так, что даже я не выверну.

– Суворова я вспомнил.

– А-а! Ну я-то с ним не знаком.

Не успел посыльный скрыться за опушкой леса, как прибежал взмыленный ротный политрук и к Комарову с донесением:

– Товарищ майор, через два часа в расположение полка прибудет проверяющий из штаба дивизии с проверкой со-

стояния полигона, боевой техники, оружия, складских запасов боеприпасов, горючего и продовольствия. Приказ Шумского подготовить танки к осмотру: прочистить стволы, убрать гильзы, полигон привести в надлежащее состояние. Сначала поведут на полигон, чтобы успеть подготовить к осмотру склады.

Комаров повернулся к Топорикову:

– Судьба полковника и всего полка в твоих руках, старший лейтенант! Бросай всех на стволы… Не подведи!

– Кого всех? – застыл в растерянности Топориков.

– У вас времени мало, приступайте.

– Это шутка? – Старший лейтенант был растерян.

– Шутки у меня закончились, когда я надел военную форму, товарищ старший лейтенант. Начинайте немедленно. В труде рождаются герои!

Комаров с политруком пошагали в сторону леса.

– Товарищ майор, а рота вернётся на подмогу?

– А баню никто не отменят, товарищ старший лейтенант! – послышался удаляющийся голос майора.

– Курбатов, Кузякин, готовьте банники, – не дожидаясь команды, крикнул Гончар, снял фуражку и гимнастёрку.

– А как же баня? – неуверенно прозвучал вопрос Кузякина.

– А раствор есть готовый? – встрепенулся Топориков.

– Сейчас попаримся, – весело откликнулся Гончар.

Вся картина маслом, придуманная Комаровым, явственно предстала перед его глазами. Комиссар, видимо, разыграл всё, как по нотам. Скорее всего, он и организовал поход в баню и приполз на полигон, чтобы ужалить в первую очередь Гончара и Топорикова, а трюк с заинтересованностью в разработках системы стрельбы сам логически приплыл ему в руки. Да ведь по шапке могут получить не только Топориков,

а и командир полка. Но, как говорят, на войне не без потерь. Сейчас Гончар спасал не себя. Он беспокоился за своего командира – друга-товарища. А размяться Сергей был не против, понимая, однако, серьёзный объём работы и нехватку времени.

– Так где раствор? – переспросил Топориков.

– Несём! – крикнул Курбатов.

– Откуда? – удивился ротный.

– Нас, товарищ старший лейтенант, командир поднял сегодня ни свет ни заря. Готовились к стрельбам. Дал команду первыми прибыть на полигон и почистить стволы, хотя мы их чуть не каждый день драим, как ботинки министру. А по горячему стволу, говорит, проще чистить, и приказал с собой растворчик прихватить. Вот мы и замесили кашу из этого аммония углефигового впрок.

Танкисты достали штанги, прикрутили банник и принялись размазывать раствор по каналу ствола: «И раз, и два, и раз, и два».

Гончар принёс второй банник:

– Товарищ старший лейтенант, присоединяйся! Не успеют бойцы девять танков за два часа почистить.

К Топорикову наконец вернулось самообладание. Они с Гончаром уцепились за штангу и толкали мягкий банник вперёд-назад, доходя до затвора. Когда прошли пять стволов, Гончар побежал смотреть первый.

– Синеет!.. Курбатов, Кузякин, быстро промывайте солярой ствол и камору, а мы с товарищем старшим лейтенантом перекурим малость.

С Топорикова пот лился градом. Гончар только разогрелся, но решил дать командиру передых: они укладывались в график, который он себе нарисовал. Оглядев полигон, он

заметил пару брошенных мишеней у окопа, добежал до них и скинул вниз. До стационарных мишеней было далеко, не меньше километра. Смотреть их состояние времени не хватало. Лейтенант вернулся, и офицеры продолжили натирать мозоли на своих ладонях. Когда последний ствол был подготовлен к промывке, Курбатов уже стоял рядом с соляркой. Осталось высушить каналы: пройти их ветошью, намотанной на банник.

– Передохните, товарищ командир! – крикнул Курбатов. – Мы мигом протянем все стволы.

– Ты и впрямь пахарь, Паша, – посмеялся механик-водитель.

– А то! Я в школе не только математику и русский преподавал. На турник гонял мальчишек. И сальто сам кручу.

– Да видал твою мельницу, чёрт вертлявый.

Только они ополоснулись водой из канистры, только надели гимнастёрки, а сержанты отряхнули комбинезоны и подтянули ремни, как на горизонте замаячил Комаров во главе группы из нескольких старших офицеров. Подойдя ближе, комиссар подозрительно посмотрел на праздно стоящих танкистов и злорадно усмехнулся.

– Товарищ полковник, техника к осмотру готова, – доложил Топориков.

– А где остальные экипажи? – командир полка недоумённо окинул взглядом танки.

– В бане, товарищ, полковник. Смена белья согласно боевому распорядку!

– Баня – это очень хорошо! – сказал полковник Смирнов из штаба дивизии. – Первая необходимость командира – проявлять заботу о своих красноармейцах.

– Стараемся, товарищ полковник. Заслуга комиссара.

В этом он мой первый помощник. – Шумский кивнул в сторону Комарова.

Проверяющий оглядел полигон и похвалил:

– Неплохое поле... Овражки, пригорки. Для манёвров и стрельб территория достаточная. Предлагаю на выбор осмотреть один танк и приступить к складам. Да и в бане вашей заодно проверим казённый инвентарь.

Командир полка с тревогой взглянул на комиссара, Комаров невозмутимо смотрел на штабного проверяющего, а Смирнов, не получив ответа, подошёл к одному из танков и приказал:

– Заводите!

Гончар ловко откинул на корме створки люка отсека механика-водителя, забрался на сидение, выжал педаль газа, машина взревела и раздалось мощное ровное урчание четырёхсотсильного мотора. Полковник постоял, прислушиваясь к работе двигателя, и махнул рукой: «Глуши!» Гончар вылез из танка.

– Я, товарищи, окончил в Москве бронетанковую школу. Учился вождению на Т-18... Танкетка по сравнению с этим красавцем. Теперь штабная работа засосала. Да, у бэтэшки зверский мотор. Какой запас хода, лейтенант?

– Триста семьдесят пять на колёсах, четыреста шестьдесят на гусеницах, товарищ полковник.

– Прилично!.. Посмотрим стволы, лейтенант!

Сначала долго всматривался проверяющий, как астроном в поисках новой кометы, следом по очереди заглянули остальные.

– Идеальная, зеркальная чистота. Шуйский, а вы говорили, что сегодня были стрельбы? – с удивлением поднял брови Смирнов.

– Так точно!.. Фигурально были... Топориков, доложи!

– Так точно, товарищ полковник. Танковая рота в количестве девяти боевых единиц провела занятия по стрельбе. Из пулемётов произведено более трёхсот выстрелов. Попадание в цель удовлетворительное. Из каждой пушки по шесть выстрелов. Попадание хорошее.

– Похвально, похвально!.. Большая редкость – надлежащее содержание техники в боевом состоянии. В некоторых батальонах, скажу вам откровенно, безделье доводит не только до пятен нагара в стволе, но и до омеднения и ржавчины, товарищи!

Комаров подал голос:

– Предлагаю проверить все стволы.

Штабной взглянул на часы:

– Давайте два самых крайних проверим и на этом с полигоном закончим... А про баню я вам расскажу случай. В одном полку меня повели в настоящую липовую баньку. Пару нагнали – соседа не видно. Банщик там с закрученными усами, вылитый наш комдив. Он в банной шапке из овчины, красный как рак, ткнулся носом в меня и говорит: «Ну что, товарищ полковник, устрою вам сейчас настоящую баню!» А меня-то расслабило, ну я и принял банщика за генерала. Вскочил с лежанки и головой в потолок въехал, кричу благим матом: «Ой-ё-моё!.. Так точно, товарищ генерал!» Банщик с испугу выскочил голым и бежать с вениками в сторону штаба. Шум поднялся, кто-то дал команду в ружьё...

– У нас такой фигурации не случится, – смеялся Шумский. – Банщик безусый и брит наголо.

– Проверим-проверим!.. А с тем банщиком мы подружились позже. У него своя присказка: «Почитай веник в руке твоей как друга своего, даже если веник не твой, а друга...»

Когда комиссия покидала полигон, на Комарове не было лица, точнее, оно покрылось тёмными пятнами, которые бан-

ник точно бы не отчистил.

При всей важности проведения занятий по боевой подготовке командир полка негласно дал команду начальнику штаба проводить их с максимальной экономией боеприпасов и горюче-смазочных материалов. Это был вынужденный шаг, учитывающий недостаточное материально-техническое снабжение полка.

– Остаться без запасов мы не можем. За это, майор, нас могут и к стенке поставить, – говорил он в приватной беседе Юдину. И когда к нему приходил тот же Топориков, полковник сыпал обещаниями, но по факту спускал вопрос на тормозах. Такая ситуация была во всей дивизии, это и являлось успокоительными капсулами для него. Гончар переживал, пытался доказывать высшим офицерам чрезвычайную необходимость нарабатывания навыков у личного состава.

Моральная поддержка пришла к Гончару однажды, от кого и не ждал. Когда танки стояли без капли горючего, в его кабинет заглянул Комаров и сказал:

– Чем дольше отстаиваешь права, тем неприятнее осадок. Это я проходил на собственной шкуре. Сложно всем. Занимайся теорией, тактикой, стратегией, проводи кроссы и пешие марш-броски. И разрабатывай своё приспособление.

Гончар был поражён словно молнией.

– Так я, товарищ майор, почти разработал. Надо бы показать в конструкторском бюро.

– Вот и замечательно. Я еду в Харьков по служебным делам. Смогу заглянуть на Харьковский завод и показать твои художества.

– Вы серьёзно, товарищ майор?

– Я когда-нибудь шутил, лейтенант?.. Нет?.. Собери мне бу-

маги. Утром еду.

Вечером Сергей поделился разговором с Топориковым.

– У тебя другого выхода нет, друг-товарищ лейтенант.

– Ты думаешь, он действительно покажет чертежи в Харькове?

– Я точно знаю, что он туда едет. А вот какой у него план – тут сам чёрт не разберёт. Отдай! Может, он жужжать над ухом перестанет.

– Ладно, – согласился Сергей и пошёл с чертежами к Комарову.

Через два дня Комаров вызвал к себе Гончара.

– Своё обещание я сдержал, лейтенант. Показал главному конструктору твои рисунки. Парторг завода, мой хороший знакомый, организовал мне аудиенцию.

Гончар молчал, чувствуя своё учащённое сердцебиение.

– Главный конструктор сказал – идея правильная, но бэтэшки сняты с производства и разработан принципиально новый танк. Недостатки прежних моделей учтены. Образец проходит испытания. Просил от себя лично пожать твою руку.

– Так и сказал – идея правильная? – спросил Гончар.

– Точно так... И мне показалось, что он очень заинтересованно разглядывал твои чертежи и передал их своему помощнику.

Комаров подошёл к остолбеневшему лейтенанту, крепко сжал его ладонь:

– Счастливчик ты, Гончар!

– Так точно! – то ли от боли, то ли от радости прокричал лейтенант.

– Вот что я думаю! Пора взрослеть, Гончар. На партсобрании полка буду рекомендовать тебя в члены нашей Коммунистической партии.

С этого дня Комаров изменил своё отношение к лейтенанту: стал приветливее и всячески помогал с выбиванием ГСМ и боеприпасов для его взвода. Однако что-то важное оборвалось в жизни Сергея. Исчезла некая незримая связь с танком, выражавшаяся в чертежах и рисунках, в ежедневных упражнениях ума, в круговороте сложных мыслительных процессов, проникающих в железную плоть боевой машины, в общении с ней на неведомом атомном уровне. Раньше Сергей не задумывался, что с какого-то момента танк стал для него другом, товарищем, который понимал его, поддерживал и молчаливо завидовал его человеческой жизни. Сергей чувствовал танк. Было, пройдёт мимо, не обратив на него внимания, а после какая-то душевная рана появляется. А вот когда он осмотрит танк, заберётся в боевой отсек, пощёлкает тумблерами, зацепит глазом стрелки вольтметров, запустит двигатель, послушает звуки сердца машины, глянет в прицел – вот после этого настанет удовлетворение и подъём.

Несколько дней его волновал вопрос, которым он поделился с Топориковым:

– Почему сняли с производства такой манёвренный, надёжный танк?

– Ну это не нашего ума дело.

Вскоре в суете армейских будней волнение улеглось, и возникло жгучее желание увидеть новый танк, и это стало новой мечтой, захватившей всё воображение Гончара.

Прохладным осенним днём в Москве состоялось расширенное заседание Главного военного совета при народном комиссаре обороны. Во главе стола сидел маршал Тимошенко, по левую сторону Ворошилов, переведённый в заместители наркома обороны. Сталин ходил вдоль длинного стола

и внимательно слушал доклад Тимошенко. Молотов и другие члены совета следили за его реакцией, но на протяжении всего выступления наркома в лице секретаря ВКП(б) не дрогнула ни одна мышца.

– Товарищи, докладываю соображения об основах стратегического развёртывания вооружённых сил Советского Союза на Западе и на Востоке на ближайшее время. Наши вероятные противники... – Тимошенко посмотрел в зал и остановил взгляд на Сталине.

– Продолжайте, товарищ Тимошенко. Мы вас внимательно слушаем.

– На наших западных границах наиболее вероятным противником будет Германия. Что касается Италии, то возможно её участие в войне, а вернее, её выступление на Балканах. В конфликт с нами может вступить Венгрия, а с целью реванша – Румыния и Финляндия.

Сталин стиснул зубы, шевельнул усами и задумчиво покачал головой:

– А что на дальневосточных границах, товарищ Тимошенко?

– Не исключена вероятность атаки со стороны Японии.

– Наши послы в этих странах сообщают о натянутости в отношениях, – добавил Молотов.

– Таким образом, нам надо быть готовыми к войне на два фронта, товарищ Тимошенко?

– Высока вероятность, товарищ Сталин.

– Каковы вооружённые силы противника? – он взглянул на Тимошенко.

– Германия против Советского Союза может развернуть сто семьдесят две пехотные дивизии, десять тысяч танков, тринадцать тысяч самолётов. Японское командование может

выставить пятьдесят дивизий, полторы тысячи танков и три тысячи самолётов.

Чёткий, громкий голос наркома обороны прозвучал набатом. В зале наступила тревожная тишина. Будто неизвестная сила давила с потолка, и участники совещания в задумчивости клонили головы и постукивали пальцами по столу. Сталин, казалось, один за всех удерживал, как атлант, небесный свод и становился всё сумрачнее:

– Каковы наши стратегические планы на западе, товарищ Тимошенко?

Нарком обороны ждал другого вопроса, надеясь развернуть веер проблем с поставками новой техники, боеприпасов, запчастей, обмундирования, продовольствия и ещё миллион невыполненных задач, копившихся годами. Видимо, Сталин не хотел портить себе настроение, чувствуя по глазам маршала боевой настрой, или эти вопросы решил перенести на уровень правительства и там дать слово Тимошенко. Скорее всего, Сталин ждал подтверждения полной боевой готовности войск в случае войны, чтобы воодушевить народ перед приближающимся праздником Октябрьской революции. Нарком не стал углубляться и дал ожидаемый посыл:

– Главные силы Красной армии на Западе могут быть развёрнуты к югу от Брест-Литовска с тем, чтобы мощным ударом в направлениях Люблина и Кракова, а далее на Бреслау в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить её важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне. К северу от Брест-Литовска – задача нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней.

В это время за окном послышался бой курантов. Убеди-

тельный ответ маршала взбодрил Военный совет. Казалось, что за стенами Кремля колонны красноармейцев под звуки оркестра двинулись на запад, и присутствующие ощутили облегчение, оживлённо заёрзали на стульях. А гордиев узел военных проблем решили не замечать, задвинуть подальше, оставить на потом.

– Хорошо, товарищ Тимошенко, подготовьте развёрнутый документ мне и товарищу Молотову. Мы обсудим ваши соображения на бюро партии...

Первого декабря Петровна принесла Мусе ярко украшенный венок из еловых веток и положила на поднос. Девушка с интересом разглядывала деревянные посеребрённые звёздочки и колокольчики, связанные верёвочкой, фигурки в красных шубах и колпаках, шишки и верёвочные шарики. Томочка дёргала игрушки, пока не оторвала один колокольчик.

Старушка подарила девушке забавный католический календарик и красные тёплые носки, в которых Муся обнаружила красивую бижутерию, а Тамаре достались красно-зелёные чулочки и вязаные тапочки с бантиками. Рядом с венком на поднос Петровна поставила четыре свечки.

– За двадцать с лишним лет я привыкла с мужем отмечать католическое Рождество. Каждое воскресенье надо зажигать по свечке, но можно все сразу за праздничным столом... На рождественский стол здесь принято готовить двенадцать блюд. В основном рыбные: из сельди, лосося, трески. Мы очень любили жареного карпа. Но тут уж что бог пошлёт.

– Как здорово, – радовалась Муся. Комната наполнилась праздничным настроением. Петровна показала мешочек с сеном.

– Нужно положить под скатерть. Сено символизирует хлев, в котором родился Христос.

– Ох, Петровна, Серёжа не верит в Бога и будет косо смотреть на это.

– А мы ему не скажем. Просто пожелаем весёлых праздников. А вопрос веры встаёт в каждом человеке, Марися. Бог один, а мы все его дети, рабы Божьи. Ты не крещёная?

– Меня мама тайно крестила, а Серёжа некрещёный. Советская власть отменила церкви.

– Церкви можно отменить, а вот Бога не отменишь... Иоанн Креститель засвидетельствовал крещение Христово. Мои родители чтили все православные праздники. В особенности Рождество, Крещение и Пасху...

– Моя мама в детстве часто рассказывала про Иисуса вместо сказок. Помню, лился её сладкий голос: «Вот Агнец Божий Иисус Христос, ведомый духом, удалился в пустыню в уединениях и молитвах подготовиться к исполнению миссии. Сорок дней Иисус был искушаем от диавола и ничего не ел в эти дни...» Когда умер папа, у нас отобрали дом, мы голодали, и она часто пересказывала мне из Библии эти слова.

– Мы с тобой и Тамарочкой сходим в собор, посмотрим наряженную ёлку и изумительные библейские сценки, умело сделанные монахами и приходской общиной.

– Серёжа сказал, что к Новому году в полку будет наряжена ёлка и организован праздничный концерт. Говорит, что ёлки в Советском Союзе распорядился ставить сам товарищ Сталин.

– О-о! Так много сейчас говорят про Сталина. Везде его портреты развешаны. Вот бы увидеть, каков он на самом деле.

Петровна прилаживала к венку верёвочку, которую оторвала девочка. Тамара уже сидела без поддержки, ползала

и хватала всё подряд. У Муси, заинтересованной разговором о Сталине, промелькнуло желание рассказать Петровне о встрече с ним на Красной площади, но она удержалась. Погрузившись в свои мысли, Маруся не заметила, как дочка сунула в рот оторванную бусинку. Шума, суеты было много, но всё обошлось...

В конце декабря начальнику разведуправления Красной армии генералу Голикову по секретным каналам пришла шифровка: «Альта» сообщил, что «Ариец» от высокоинформированных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года».

Генерал встал и долго ходил по кабинету, вытирая пот со лба. Он хотел было сразу пойти с докладом к начальнику Генштаба Мерецкову, но ещё несколько раз прочитал сообщение и сделал на полях фиолетовыми чернилами пометку: «Дать копии наркому обороны и начальнику Генерального штаба. Голиков». Он вызвал дежурного и протянул бумагу, но передумал и приказал:

– Распорядись, майор, стакан крепкого чая.

Закурив папиросу, он долго стоял перед большой картой на стене с воткнутыми в неё иголками с флажками. Выкурив ещё одну папиросу, он сел к столу и долго размешивал ложкой чай в стакане. Образовавшаяся от вращения воронка напомнила ему глубокие воронки во Львове, оставленные снарядами немецких пушек. В памяти всплыл прошлогодний освободительный поход в Польшу. В то время он в качестве командующего армией сблизился с Тимошенко, который командовал Украинским фронтом. Тогда у них состоялся приватный разговор, что германскую группировку можно сходу смять и вытеснить из

Польши, а потом уничтожить. На тот момент советские танковые и мотострелковые войска были сильнее, поэтому Гитлер не рискнул вступать в прямой конфликт и отступил. Но выдвигать такое предложение Ворошилову командир даже не пытался. В последнее время от доверенных источников Голиков получал косвенные подтверждения о серьёзной модернизации вермахта, но сегодняшнее сообщение даже для него было страшным громом средь ясного неба.

Ниже первой резолюции он оставил ещё одну: «Кто эти высоко информ. воен. круги, надо уточнить. Кому конкретно отдан приказ. Голиков». Промокнув чернила массивным пресс-папье и обмакнув ручку в чернильницу, он дополнил: «Потребовать более внятного освещения вопроса; затем приказать проверить... Голиков».

Перечитав несколько раз, он опять вызвал майора:

– Сделать рассылку Сталину, Молотову, Тимошенко, Мерецкову.

– Слушаюсь! Разрешите идти?

– Иди, иди, майор, и замени чай. Налей погорячее...

В Москве 31 декабря маршал Тимошенко в парадном костюме произнёс речь на совещании высшего командного состава. В должности наркома обороны он пребывал уже больше полугода, успел погрузиться в работу гигантской военной машины страны и не только ощутил на своих плечах ответственность за сотни полков, дивизий, армий, за сотни тысяч военнослужащих, за миллион нерешённых проблем и задач, но и увидел в лицах и подчинённых, и больших руководителей страны надежду, связанную с ним, с его решениями и действиями, надежду на уверенность в светлом будущем каждого, которую он должен и обязан защищать от внешних врагов. Иногда от этого ощущения маршала бросало в дрожь,

но внешним спокойствием он не выдавал своего состояния, скрывая его резкими и жёсткими приказами.

Поздравив вооружённые силы с наступающим Новым годом, он остановился на характере современной войны.

– Важно отметить, – говорил Тимошенко, – что массированное применение таких средств, как танки и пикирующие бомбардировщики, в сочетании с моторизованными и мотоциклетными войсками, во взаимодействии с авиацией обеспечило высокий темп и силу современного наступления.

В аплодисментах и праздничном ожидании новогоднего застолья важные аналитические выводы в речи наркома обороны разлетелись, как цветное конфетти. С большущего портрета за спиной выступающего вождь мирового пролетариата проницательно вглядывался в лица военных, будто пытался убедиться в верности своего учения и революционного пути.

– Важно отметить, товарищи, что в военных кампаниях тридцать девятого и сорокового годов немцы применили новое построение для прорыва с танковыми дивизиями впереди, – тревожно звучали слова наркома. – Они правильно учли, что сила и успех современного наступления – в высоком темпе и непрерывности наступления.

В это самое время во Львове командир мотострелкового полка Шумский выступал перед личным составом: поздравил с наступающим праздником, подвёл итоги года и пригласил офицеров к праздничному столу.

– За нашу непобедимую Красную армию, товарищи! – произнёс он первый тост.

Гончар и Топориков оказались рядом с начальником разведки полка капитаном Востриковым и помощником начальника штаба капитаном Кругловым. Топориков рассказывал анекдот:

– Короче, стараясь не курить, не разговаривать и не шуметь, разведрота белофиннов кралась к штабу Красной армии. Посмотреть на это приходили жители из Лаппеенранта и окрестных посёлков.

Хохот поднялся такой, что несколько офицеров присоединилось к весёлой компании. Топорикову пришлось второй раз рассказать анекдот. Хохотал уже весь зал, и смех дошёл до начальника штаба. Топориков не смог отказать майору, в третий раз блеснул знаниями советско-финской войны и сам же громче всех надрывал живот. Когда к ним подошли Шумский и Комаров, у Топорикова не осталось сил смеяться, но анекдот, смешно коверкая слова, рассказал.

– Востриков, – смеялся полковник, – кто вообще дал финнам разрешение курить?

– Не могу знать, товарищ полковник, – уклончиво ответил начальник разведки.

– Почему разведка не знает реальную фигурацию? – Лицо командира полка стало краснеть.

– Товарищ полковник, так у меня в роте ни одного со знанием вражеских языков. В полку только Гончар владеет немецким.

– Капитан! – прикрикнул Юдин. – Прекратить разговорчики!

– Слушаюсь, – буркнул Востриков.

– Ну, разведка, – хмурился полковник. – Майор, научите Вострикова вставлять кулису в заднюю проушину.

Комаров увёл командира полка, а недовольный Востриков оправдывался:

– Товарищ майор, вы же знаете, что в топографическом отношении театры военных действий подготовлены далеко недостаточно и потребность войск в картах не обеспечена. Пользуемся немецкими. Надо бы полковнику напомнить.

– Капитан, правильно сказал полковник: твоё дело – язык не высовывать, а добывать в разведке. Про карты в штабе дивизии знают – у самих толком нет... А тактика наступления поменялась. Танкистам карты нужнее, чем пехоте. Что молчишь, Топориков?

– Пусть Гончар расскажет. Он у нас военные науки за двоих штудирует.

– Просвети, лейтенант, – майор посмотрел на Гончара.

– Так точно, товарищ майор. Роль пехоты при атаке отошла на второй план. Танковый клин врезается в глубину обороны противника при поддержке авиации.

– Молодец, лейтенант. Как на экзамене... А пехота?

– Идёт за танками.

– А какая артподготовка необходима перед атакой?

– Зависит от состояния укрепрайонов. Сначала разведка, потом артподготовка, потом быстрая атака с марша.

– А вот скажи, сколько бойцов берёт твой танк на броню?

– Двадцать штыков на марше, товарищ майор. Может и больше, но пристегнуться карабинами могут только двадцать... А у меня есть вопрос. Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться к товарищу майору?

– Давай, сейчас можно не по уставу.

– Товарищ майор, вы что-то слышали о новом ударном танке?

– Это, лейтенант, засекреченная информация. Мне ничего неизвестно. А чем тебя твой танк не устраивает?

– Да всем устраивает. Я, товарищ майор, не понимаю, что может быть лучше моей бэтэшки. Она мне часто снится по ночам.

– Чем твоя голова забита, лейтенант? Вот капитану одни бабы снятся! Поэтому утром он бодр, свеж и бестолковый.

Как и накануне.

Взрыв смеха опять заставил всех взглянуть в их сторону.

– Лучше бабы, товарищ майор, может быть только другая баба, – поддержал смех Круглов.

– Вот-вот! Разведка подтвердит, – продолжил майор и толкнул в плечо насупленного Вострикова.

– Чуть что, сразу разведка, – отмахнулся Востриков. – А как новые кальсоны выдавать, то танкисты в первом ряду.

– Востриков, тебя вечно всё не устраивает. Бери пример с Гончара. У него и сон крепкий, и танк лучший в мире. Так, лейтенант?

– Так точно, товарищ майор! Если только чуток усовершенствовать систему стрельбы, а в остальном «семёрка» – идеальная боевая машина.

– В таком случае, товарищи офицеры, поднимаю тост за нашу Рабоче-крестьянскую Красную армию!..

Зимние месяцы 1941 года пролетели для Сергея Гончара как один день.

Все курсанты его взвода ещё в прошлом году успешно сдали государственные зачёты. Курбатов был зачислен в экипаж Гончара стрелком-радистом, танковая рота была полностью укомплектована, иногда проходили учения, полк по большей части охранял городские партийные и хозяйственные учреждения Львова. Комаров в начале года «повесил» на лейтенанта ленинскую комнату: никто и не сомневался, что человек, родившийся в один день с вождём мировой революции, будет там частым посетителем.

– Счастливчик ты, лейтенант! Везде в первых рядах, – подмигивал майор.

У лейтенанта от комаровской похвалы в животе заурчало. Он с подозрением посмотрел на комиссара и уклончиво возразил:

– Вы меня переоцениваете, товарищ майор. Везде в первых рядах быть невозможно.

– Ну не скромничай, Гончар!.. У меня глаз намётанный. Ты такой же настырный, как я был в молодости...

– Вам виднее, товарищ майор! – Гончар почувствовал расположение к себе и расслабился.

– А вот дерзить старшему по званию не позволю!

– Виноват, товарищ майор!

Комаров помолчал некоторое время, оценивающе посмотрел на лейтенанта и продолжил:

– Скоро истекает твой кандидатский срок. Пора принимать тебя в партию. Занимайся! Это твоё партийное задание. – Комиссар обвёл взглядом увешанные стендами стены.

Гончар проводил в ленинской комнате немало времени, с политруком клеил вырезки из газет на стенды, читал материалы партийных съездов и рассказывал солдатам о жизни вождя мирового пролетариата. Это его поначалу тяготило и удручало, но он втянулся: даже провёл турнир по шахматам и шашкам, получил благодарность от командования и ездил в штаб дивизии перенимать опыт. Как-то Комаров зашёл в комнату, а Гончар вешал на стенд газету «Красная звезда».

– Что нового пишут? – доверительно поинтересовался майор, снимая фуражку и двигая стул.

– Да вот, товарищ майор, в московском гарнизоне прошли соревнования начальствующего состава. Участники вели стрельбу из винтовок на дистанции триста метров по появляющейся на десять секунд мишени. У нас в этом году ещё не было соревнований. Предлагаю организовать.

– Похвально, лейтенант! Видишь, какая польза от ленинской комнаты. Но не позволяйте солдатам здесь чистить свои винтовки.

Комаров оглянулся и убавил голос:

– Давно хотел тебя расспросить о встрече с товарищем Сталиным. Ты близко его видел?

– Так точно!

– Тише, не шуми! Давай во всех подробностях.

Гончар эмоционально и подробно рассказал о внезапной встрече, описал внушительный вид Сталина, его серо-зелёный френч без знаков отличия, проницательный, пугающий взгляд и попытался точно передать весь диалог. Комаров не перебивал, с придыханием слушал, а помолчав, спросил:

– Что, товарищ Сталин так тебе и сказал: молодец, товарищ танкист! Не растерялся?!

– Точно так, товарищ майор!

– А про новый танк кто ему ответил?

– Не могу знать! Солидный человек в шляпе и дорогом пальто.

– В очках?

– Нет, в галстуке.

– Ты говоришь, рядом со Сталиным был Ворошилов?

– Так точно! Я его по портретам в училище узнал.

– Ну счастливчик ты, Гончар! Смотри у меня, не подведи товарища Ленина.

Комиссар взглянул на бюст вождя, встал и, надев фуражку, в задумчивости вышел...

В начале апреля 1941 года в кабинет Сталина зашли Молотов и Тимошенко. Иосиф Виссарионович курил трубку и ходил вдоль стола.

– Присаживайтесь, товарищи! Хочу обсудить с вами полученное сегодня письмо премьер-министра Великобритании Черчилля. Прочитайте вслух, Вячеслав Михайлович!

Молотов со свойственным ему ленинским прищуром поправил пенсне:

– Я располагаю достоверными сведениями от надёжного агента, что, когда немцы сочли Югославию пойманной в свою сеть, т. е. после 20 марта, они начали перебрасывать из Румынии в Южную Польшу три из своих пяти танковых дивизий. Как только они узнали о сербской революции, это продвижение было отменено. Ваше превосходительство легко поймёт значение этого факта.

– Что вы об этом думаете, товарищи?

– Этим посланием, товарищ Сталин, Черчилль предупреждает о готовящемся нападении на Советский Союз. Как вы знаете, Гитлер подписал с князем Павлом пакт о нейтралитете и стал перебрасывать танковые дивизии в Краков, а через десять дней в Югославии произошёл переворот, – Молотов был сильно встревожен.

– По моим сведениям, немцы отменили переброску танковых дивизий в Польшу и вернули их на Балканы, – добавил Тимошенко.

– Согласен с вами, товарищи! Черчилль, узнав о передислокации армий вермахта, подумал о скором нападении Германии на СССР. Теперь же ситуация поменялась. Как считаете, Семён Константинович, у нас есть полгода на подготовку к войне?

– Вы всё же думаете, товарищ Сталин, что Германия нападёт на нас?

Сталин посмотрел в бесхитростные глаза маршала и увидел в них искорки страха, скорее всего, неуловимые Молотовым, но ему, старому революционеру, эти скрытые в глубине любого человека чувства были видны, и этот самый страх он ощутил в себе. Поэтому с минуту молчал, подавляя внезапное волнение и не давая сбиться дыханию.

– Подготовьте мне донесение о состоянии наших укрепрайонов на западных границах, – Сталин так посмотрел на

наркома обороны, что тому стало жутко и показалось, что на лысой голове зашевелились волосы...

Во Львов в расположение полка прибыла новая штабная инспекция. В ленинскую комнату прибежал дежурный солдат:

– Товарищ лейтенант, ротный вызывает срочно!

Топориков построил роту:

– Полковник всех предупредил, что ежели кто откроет рот с вопросом, он этот вопрос засунет вам, сами знаете куда. Это касается всех без исключения, особенно лейтенанта Гончара. Будут проверять боевую подготовку, а она, как предупредил полковник, заключается в первую очередь в наличии на складах боеприпасов, горючего и продовольствия.

– Ужин и обед отменяются, товарищ старший лейтенант? – не выдержал Гончар.

– Не понял... – Топориков, вернувшись из штаба, по всей видимости, был в плохом расположении духа.

– Будем экономить провиант, – уже без энтузиазма ответил лейтенант.

Топориков отмахнулся, не собираясь поддержать шутку:

– Из боксов выгнать ремонтные танки, очистить от грязи и смазочного материала... Привести себя в порядок. Через час построение!

Топориков опять умчался в штаб. Кузякин ворчал в гараже, вытирая руки тряпкой:

– Хотел сегодня заняться трансмиссией, а тут опять показуха. Они бы лучше запчасти привезли. В этом году с ними случилась непонятка.

– Зато, Кузя, ветошью нас завалили.

– Будешь, Паша, тряпьём заряжать свою пушку.

Гончар не стал встревать в разговор. Он обошёл свои эки-

пажи, понимая, что полк будут трясти и командира подводить нельзя. Банькой с берёзовыми вениками тут не отделаешься. Уж если Топориков на нервах, то можно представить состояние штабных. Даже Комаров не стал лезть со своей ленинской комнатой, а сам с политруком что-то там химичил. Гончар видел иссыхающий ручей поступления запасных частей к танкам и предполагал, что во всём виноват новый танк, которому, по всей вероятности, исключительное внимание. А про «семёрки» забыли, раз их сняли с производства. Любовь к неизвестной машине стала перерастать в злобу. Перед сном он представлял свою новую встречу со Сталиным и обдумывал вопросы, которые ему задаст. В первую очередь Гончар спросил бы про боеприпасы и горючее. Они необходимы в достаточном количестве, чтобы каждый член экипажа в совершенстве овладел всеми навыками управления танком, стрельбой, манёврами, преодолением препятствий и согласованной тактикой при массированной атаке. А для этого требуются ежедневные занятия на полигонах, сотни моточасов пробега и стрельбы, стрельбы и ещё раз стрельбы.

Через неделю у Гончара состоялся разговор с Топориковым.

– Комаров мне тут рассказал о результатах проверки укрепрайонов на западных границах. Получается, друг-товарищ, дела хреновые. Начальник главного политуправления Красной армии не побоялся доложить напрямую Сталину о плачевном состоянии.

– Откуда Комар всё знает?

– Это неважно. Важно, что товарищ Сталин узнал, что пограничные укрепрайоны в большинстве своём небоеспособны и не обеспечены постоянными гарнизонами. Много недостроя. Из нашей дивизии будут отправлять всех пуле-

мётчиков: пограничники недоукомплектованы стрелковыми подразделениями. Про нас он не упоминал.

– А какая же стратегия обороны при возможной атаке со стороны немецких войск?

– Шумский Комарову объяснял, что нарком обороны и Генштаб считают, что война должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений.

– Послушай, старший лейтенант, я в ленинской комнате много интересных книг полистал, статей прочитал и проанализировал. Если в тридцать девятом мы превосходили германскую армию, то сейчас это не факт.

– Многие штабные не верят, что будет война. А ты, лейтенант?

– Мне по званию положено приказы выполнять. Вот бы стрельбы провести, товарищ старший лейтенант.

– Где я тебе снаряды возьму? Хоть застрелись, полковник не даст приказ.

– Плохо просим.

– Поговори ещё!..

А наговорились Гончар и Топориков на партийном собрании полка. Но сначала послушали Комарова. Он как секретарь партийной организации с трибуны долго рассказывал о целях и задачах Коммунистической партии большевиков. Гончар не сомневался, что его сегодня примут в партию, тем не менее волновался, накануне штудировал Программу партии и Устав. Топориков первым давал ему рекомендацию по ненавязчивому совету комиссара, вторым был Бондаренко, а третьим – сам Комаров. Всё же Гончар увереннее всего чувствовал себя в башне танка, а сейчас почти не слушал выступающего, мысленно проговаривая обязанности члена

ВКП(б), и включился в последний момент, когда Комаров повысил интонацию:

– Ленинской партии большевиков требуются новые члены, готовые к активной и самоотверженной работе по осуществлению всех решений Программы и Устава партии... Считаю, что одним из таких станет лейтенант Гончар Сергей Сергеевич, успешно прошедший кандидатский стаж. Слово даю его непосредственному начальнику старшему лейтенанту Топорикову.

Как только начал выступать командир танковой роты, Гончар опять ушёл в свои мысли, оглядывая президиум собрания. Юдин с красным лицом то и дело пил из графина воду, а Шумский хмуро на него поглядывал. Сергей вспомнил, что вчера у начальника штаба был день рождения, в обед они с офицерами роты его поздравили. Топориков рассказал смешной анекдот про генерала и барыню, увязав как-то с днём рождения Юдина. Все дружно посмеялись, и после этого Гончар начштаба до собрания не видел. Шумский иногда переводил взгляд на Топорикова и Гончара и утвердительно кивал, выхватывая некоторые фразы оратора, но в его лице чувствовалась тревога, явно, не связанная с темой собрания. Наконец Комаров дал слово Гончару. Лейтенант рассказал о своей работе в ленинской комнате, а следом Комаров принялся мучить его вопросами. Как и предполагал Сергей, первые посыпались об обязанностях члена партии. Гончар отвечал на автомате:

– Неустанно работать над повышением своей сознательности, над усвоением основ марксизма-ленинизма.

Если бы его спросили, каким же образом он будет повышать свою сознательность, то Гончар затруднился бы ответить. Но Комаров перешёл к правам члена партии и спросил:

– А скажите, товарищ Гончар, может ли член партии критиковать любого работника партии?

И Юдин, и Шумский, да и другие, судя по воцарившейся тишине в зале, заинтересовались этим каверзным вопросом. Гончар хотел с ходу ответить, но почувствовал в вопросе двойное дно и напрягся, вспоминая дословно строчку из Устава:

– Имеет право критиковать на партийном собрании.

После ответа даже Юдин ухмыльнулся, поглядев на Комарова, а Гончар не остался в долгу у комиссара и продолжил:

– Ещё член партии имеет право обращаться с любым вопросом и заявлением в любую партийную инстанцию вплоть до ЦК ВКП(б).

Тут уже Шумский с подозрением посмотрел на лейтенанта, но Комаров взял штурвал в свои руки:

– Что же, товарищи, лейтенант Гончар показал нам блестящие знания Устава партии. Какие будут предложения?

– Принять единогласно! – рявкнул командир полка.

В мае Сталин срочно собрал Политбюро ЦК ВКП(б).

– Товарищи, мне поступила записка наркома обороны и начальника Генштаба Красной армии с соображениями по плану развёртывания наших вооружённых сил в случае войны с Германией. Некоторые из вас уже ознакомились с ней. Тимошенко сообщает, что Германия уже сосредоточила на западных границах до ста двенадцати дивизий.

– Я ознакомился, товарищ Сталин, – слово взял Молотов. – Генштаб сообщает, что вероятнее всего главные силы немецкой армии до ста дивизий будут развёрнуты к югу от Демблина для нанесения удара в направлении Ковеля, Ровно, Киева. Вероятные союзники Германии – Венгрия, Финляндия и Румыния – могут выставить несколько десятков дивизий.

– Верно, товарищ Молотов. Генштаб сообщает, что против

нас может быть выставлено до двухсот сорока дивизий. Что вы думаете по этому поводу, товарищ Жданов?

– Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развёрнутыми тылами, она имеет возможность опередить нас в развёртывании и нанести внезапный удар… Согласен с Тимошенко, товарищ Сталин.

– А что вам подсказывает ваша коммунистическая совесть, товарищ Жданов?

– Политика наступления была у нас и раньше. Ещё Ленин говорил во время Первой мировой войны в статье «О лозунге Соединённых Штатов Европы», что в случае необходимости победивший пролетариат выступит даже с военной силой против капиталистических государств.

Маленков возразил:

– Мы что, товарищи, хотим схватить весь капиталистический мир за шиворот? Как будто мы собираемся завтра воевать.

– А вы что отмалчиваетесь, товарищ Андреев?

– Советская промышленность, товарищ Сталин, старается закрыть все потребности армии.

Сталин ждал от членов Политбюро более решительных слов, а не размытости в тезисах и пересказов чужих мнений. Он остановил взгляд на Калинине:

– Михаил Иванович, что подсказывает ваша партийная мудрость?

– Товарищи, Владимир Ильич подчёркивал, что война не игрушка, война – неслыханная вещь, война стоит миллионов жертв и не так легко её окончить… Надеюсь, товарищи, рабочий класс Германии не допустит вовлечения страны нацистами в кровопролитие между нашими державами.

– А вот товарищ Тимошенко делает такие соображения, – Сталин взял секретный документ: – «Чтобы предотвратить это,

следует разгромить немецкую армию, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развёртывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развёртывания и не успеет ещё организовать фронт и взаимодействие родов войск».

– Горячие головы всегда были в Красной армии, – бросил фразу Маленков.

После этого никто не высказывался, общая озабоченность и тревога повисли в воздухе. Сталин понял, что Политбюро поддержит его мнение, но именно в этом была невероятная сложность и неопределённость. Он отложил на какое-то время принятие судьбоносного для страны решения.

– Товарищи, считаю, что надо распространить следующее мнение. Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз. Ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям.

– Поддерживаю, товарищ Сталин, – первым подал голос Калинин.

В начале июня в мотострелковом полку проходили плановые тактические учения. Танковая рота и рота разведки возвращались к месту сбора командного состава одновременно. Капитан Востриков сбавил шаг, закурил и, убедившись,

что, кроме Топорикова и Гончара, рядом никого нет, остановился и начал осторожный разговор:

– Тут сорока на хвосте принесла кое-какие сплетни из штаба армии.

– А хвост сороке не отрежут? – поинтересовался Топориков.

– Разведка знает своё дело – секреты не выдаёт, только чужими может поделиться, – Востриков выжидательно посмотрел на офицеров.

Топориков был давним приятелем Вострикова, и они друг другу доверяли:

– Выкладывай, тут все свои.

– Не сомневаюсь, – ответил он.

– Наши танки пропали? – улыбнулся Гончар.

– Хуже, братцы. На занятых немцами польских территориях на всех железнодорожных станциях по перронам проведены белые полосы; железные столбы, на которых держатся навесы к входам в здания, на один-два метра от оснований окрашены белой краской. Все ступеньки вагонов также окрашены в белый цвет. Все это сделано для предотвращения паники при посадке и высадке во время затемнения. По белым столбам можно находить двери. С наступлением темноты погранохрана передаётся полевым частям, которые несут её до утра. Передвижение гражданских лиц в пограничной полосе сведено к минимуму. Вся полоса в непосредственной близости от границы усилена артиллерийскими и пулемётными позициями, с организацией телефонной связи между батареями, командными и наблюдательными пунктами. В последнее время участились артиллерийские учения и боевые стрельбы. Население погранполосы выселено в глубинные районы. Хутора используются для маскировки позиций и огневых точек.

– Ты же, Востриков, сам говоришь, что это учения.

– Для всех – учения. Но население деревень и городов получило официальные инструкции, что, если кто-либо во время войны начнёт поддаваться панике, будет расстрелян на месте.

– А сорока не дезинформатор? – поинтересовался Гончар.

– Лично знаю. Вместе учились в разведшколе.

– А генералы слышали этот птичий трёп? – усмехнулся Топориков.

– Им сверху поступил приказ гасить любую панику. Они молчат как рыбы в аквариуме.

Востриков бросил окурок и быстрым шагом стал догонять своих.

– Что это было? – спросил Гончар.

– Забудь! Больше всего врут разведчики и тыловики.

– А тебе не кажется подозрительным, что в последнее время участились учебные боевые тревоги в полку?

– Подозрительно то, что многие их не замечают. Особенно Комар.

– Мне кажется, он замечает нашу подозрительность, – рассмеялся Гончар.

– Эт точно, – поддержал Топориков.

Комаров собрал в ленинской комнате танковую роту и дал Гончару газету «Известия».

– Ознакомь личный состав роты и прикрепи на стенд.

Когда все расселись, лейтенант громко зачитал передовицу:

– Сообщение ТАСС, 13 июня. В английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам первое: Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более

тесного соглашения между ними. Второе: СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР. Третье: Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней. Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве всё же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны.

– Товарищи танкисты, вам ясен смысл сообщения ТАСС? – Комаров пробежал взглядом по напряжённым лицам.

– Так точно, товарищ майор, – раздались голоса.

– Смотрите у меня!..

В Москве начальнику разведуправления Генштаба Красной армии 20 июня пришло телеграфное сообщение:

«София, 20 июня 1941 г. ...Военное столкновение ожидается 21 или 22 июня, в Польше находятся 100 германских дивизий, в Румынии – 40 моторизованных дивизий, в Финляндии – 6, в Венгрии – 10 и в Словакии – 7. Курьер, прилетевший самолётом из Бухареста, рассказывает, что в Румынии мобилизация окончена, и каждый момент ожидаются военные действия. В настоящее время в Болгарии находятся 10 тысяч немецких войск. Руководитель».

Генерал Голиков не уходил домой вторые сутки. Донесения приходили от разных служб и агентов. После обеда следующего дня, очнувшись от дрёмы в своём кабинете, он выпил стакан крепкого чая, машинально просмотрел текущие бума-

ги, в задумчивости не услышав голос дежурного. Тот положил на стол очередное донесение:

«Токио подана 12:00 мин. 21 июня 1941 г. Получена 9-м отделом 17. 05 мин. 21 июня 1941 г. По радио. 20 июня 1941 года германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна. Германское военное превосходство даёт возможность разгрома последней большой европейской армии также потому, что стратегические оборонительные позиции СССР до сих пор ещё более небоеспособны, чем это было в обороне Польши. Инвест сказал мне, что японский генштаб уже обсуждает вопрос о позиции, которая будет занята в случае войны. Предложения о японо-американских переговорах и вопросы внутренней борьбы между Мацуока12 с одной стороны и Хиранума 13 с другой застопорились потому, что все ожидают решения вопроса об отношениях СССР и Германии. Зорге».

Генерал не стал делать на донесении никаких пометок. В марте на такого рода документе он мог бы оставить для Сталина подтверждение. Тогда он уже занёс над бумагой перо и нужная фраза промелькнула в голове: «Нет сомнений, что Германия готовится к нападению на СССР». Но другая мысль – а вдруг это дезинформация, игра английской разведки, которая пытается отравить недоверием дружеские державы? И чтобы лишний раз не беспокоить Сталина, оставил другую фразу с приказом своим службам пояснить, дать дополнительные сведения, тем самым показывая командованию своё усердие и озабоченность.

Сейчас перед генералом чётко вырисовывалась вся чудовищная картина происходящего, и он понимал, что не хватило ему ни прозорливости, ни мужества, ни таланта разгадать замыслы Гитлера, доказать Сталину, что готовится война, а

не пытаться подыгрывать ему, успокаивать и самому успокаиваться. Он чувствовал оцепенение руководителей страны, тешивших себя призрачной надеждой на чудо, на тысячи партийных лозунгов, на непобедимость Красной армии и черт знает ещё на что. Нарком обороны и Генштаб продолжали по инерции рассылать бесполезные резолюции и приказы о срочном строительстве новых аэродромов и укрепрайонов, дорог, складов, успокаивая рутиной своё невероятное нервное напряжение, сжатое до предела как пружина.

Генералу доложили, что Молотов на встрече с послом Германии Шуленбургом вручил ноту по поводу регулярных нарушений германскими самолётами нашей границы. Но Голиков не знал, что Шуленбург с немецким высокомерием заявил, что ему ничего неизвестно о нарушении границы германскими самолётами, но он получает сведения о нарушениях границы самолётами нашей стороны. А Молотов заискивающе ответил, что у него очень мало жалоб со стороны германских пограничных властей на нарушения границы советскими самолётами и они связаны с неопытностью лётчиков. Затем Молотов поинтересовался, с чем связан отъезд из Москвы нескольких сотрудников германского посольства и их жён и оправданы ли слухи о близкой войне между СССР и Германией. Шуленбург уклончиво сказал, что все эти вопросы имеют основание, но он на них не в состоянии ответить, так как Берлин его совершенно не информирует.

Генерал Голиков вызвал заспанного дежурного и приказал срочно передать донесения разведки в Генштаб и лично Тимошенко. За окнами рубиновые звёзды кремлёвских башен своим торжественным светом затмевали мерцающие звёздочки небосклона, и, казалось, ничто в мире на нарушит их

триумфального сияния. Москва погружалась в тёплую летнюю ночь.

Утром двадцать первого июня полковник Шумский собрал штабных, а через час весёлый Топориков стоял перед ротой:

– Завтра, двадцать второго июня, в двенадцать ноль-ноль мы должны убыть из расположения полка в район города Яворова. Там находится танкодром, артиллерийский полигон армейских воинских частей нашего военного округа. Пробудем около двух недель, проведём боевые стрельбы и сдадим зачёты по вождению.

Гончар чуть не бросился обниматься со старшим лейтенантом.

– Неужели целых две недели? Слухи ходили, что будут большие учения, но мы не верили.

– Две, не меньше! Потом марш-бросок в составе дивизии.

– Дождались праздника души! – Гончар подошёл к своей «семёрочке» и похлопал по броне. – Застоялись кони в стойлах.

– Ну теперь зальёмся под завязку, – обрадовался Кузякин.

– Рано радуешься, Кузя. Завтра воскресенье.

– Нам что, не дадут поспать подольше?

– Начальник склада горючего точно будет дрыхнуть до обеда. Его ловить надо сегодня.

Топориков, услышав разговор, предупредил:

– Горючкой зальют вечером. Команду полковник дал.

– А я так и не понял, товарищ лейтенант, – Кузякин подошёл к Гончару. – Завтра подъём в семь или теперь выходной отменяется?

Лейтенант пожал плечами и обратился к Топорикову. Тот удивлённо взглянул и ответил:

– Общий подъём роты по сигналу «Подъём» согласно уста-

новленному порядку. Чего не понятно? Готовьте технику, лейтенант.

Гончар отошёл к своему взводу и погрозил кулаком Кузякину:

– Сержант, не задавай вопросов в радиусе слышимости командира роты.

– Виноват, товарищ лейтенант! Я всю неделю ждал выходного, чтобы лишний часок со своей Аннушкой в сладком сне лобызаться.

– Да ты уж в пять часов, Кузя, думаешь, как бы сбежать от неё. Поэтому и первый на утренней зарядке.

– Ты, друг Курбатов, в танковый прицел, что ли, за мной во сне подсматриваешь?

– Ага! Навыки стрелка отрабатываю по ночам.

– Поглядим на стрельбах, каков ты мастер!

– Увидишь!..

Гончар дотемна занимался в части подготовкой роты. Муся уже уложила Томочку, вязала у окна носки и ждала мужа. К ней заглянула Петровна.

– Что-то твой припозднился. Слышу – тихо, решила вас клубничным вареньем угостить. Давай, Марися, чайку попьём. Неспокойно у меня на душе. Разговоры в городе не стихают. Все только про войну по углам шушукаются, сплетни распускают. Что твой лейтенант рассказывает?

– Про войну ничего от него не слышала. Говорит, что будут длительные учения, но когда – не знаю... Такого варенья не ела сто лет. Мама рассказывала, что в имении отца на опушках крестьяне собирали клубнику вёдрами. На стол в фарфоровых блюдах ставили. Аромат стоял по всему дому.

– Я сама ни разу не собирала, – Петровна с шумом отхлёбывала горячий чай из блюдца. – Эту баночку племянница

Войцеха принесла. Она и шепнула мне странную новость. Из приграничных польских хуторов весь народ ушёл на запад. Некоторые прячутся в амбарах и сараях, а кто-то к нам пришёл и рассказывает, что немцы их насильно выгоняют из домов, а сами там гарнизоны расселяют.

Мусю разговор встревожил. Когда пришёл Сергей, она поделилась с ним рассказом Петровны, но он её успокоил:

– Завтра в полдень уезжаем на учения на целых две недели. Представляешь масштаб! Танки начистили, как мне сапоги в Киеве. Помнишь?

– Конечно помню! Как быстро время пролетело с того дня. Мы с тобой и Томочкой, когда она подрастёт, должны обязательно съездить в Киев, а может, и в Москву. Покажем ей Кремль... Обещаешь, товарищ танкист?

– Обещаю, милая! Прокатимся на двухэтажном троллейбусе и в метро, поедим мороженое, покатаемся на каруселях, а потом встретим на Красной площади... сама знаешь кого.

Они смеялись и долго ещё разговаривали. Муся вздыхала по поводу двухнедельного отъезда Сергея, но и радовалась его приподнятому настроению. В окно струилась ночная прохлада, слышались цокот лошадиных копыт, одинокое тарахтение мотора, гулкие шаги сапог, скрип дверей и калиток и невнятные голоса. Все эти звуки сливались в единую успокаивающую увертюру ночного города, уносясь в мерцающий вселенской тайной чуть заметный Млечный путь.

Двадцать второго июня в 2 часа 25 минут командующему Киевским особым военным округом генералу Кирпоносу за подписью наркома обороны маршала Тимошенко и начальника Генштаба Жукова поступила директива для немедленного исполнения. В ней говорилось:

«В течение 22–23 июня 1941 г. возможно внезапное напа-

дение германских войск на фронтах Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского, Одесского округов. Нападение может начаться с провокационных действий. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, которые могут вызвать крупные осложнения. Приказываю...»

Генерал открыл окно, глотнул свежего воздуха и вгляделся в сумрак киевских улиц. В свои сорок девять лет он повидал много смертей на войне. Сейчас ему вспомнился Румынский фронт в Первую мировую войну. Он служил ротным фельдшером и помнит до сих пор глаза умирающего пехотинца, раненного в живот. Солдатик цеплялся молящим взглядом за него, пытался что-то бормотать кровоточащим ртом, протягивал руку, а он – оцепеневший, впервые увидевший искорёженного взрывом человека – попятился, поперхнулся, столкнулся с кем-то, не понимая, что от него сейчас нужно этому воющему, грохочущему, страшному миру.

Генерал застегнул верхнюю пуговицу кителя и продолжил читать по пунктам:

«а) в течение ночи на 22 июня 1941 г. скрытно занять огневые точки укреплённых районов на государственной границе; б) перед рассветом 22 июня 1941 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно её замаскировать; в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно; г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъёма приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов; д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить».

Отложив бумагу, генерал на пару секунд ощутил то же со-

стояние, как в Первую мировую, когда умирающий тянулся к нему с мольбой. Все пункты директивы генералу были понятны, но появлялись вопросы. Зачем? Почему? Он привык быстро и чётко выполнять команды вышестоящих начальников. «Разберёмся по ходу возникновения проблем», – решил он про себя и отдал дежурному офицеру приказ:

– Незамедлительно подготовить директиву и отправить всем штабам армий и дивизий округа. Немедленно собрать всех офицеров штаба округа... Немедленно!

Он взглянул на часы. Стрелки неумолимо приближались к трём часам ночи.

Около четырёх утра в дверь к Гончару забарабанил посланный связной. Муся первой услышала стук и вскрикнула. Сергей очнулся, взглянул на испуганную жену и услышал за дверью громкий голос:

– Товарищ лейтенант! Боевая тревога! Вас срочно вызывают в расположение части. Приказ отдал заместитель начальника штаба полка.

Гончар высунулся, узнал дежурного солдата, кивнул, а тот быстро развернулся и умчался обратно. На часах было начало пятого. Проснулась Томочка и заплакала. Муся взяла её на руки и стала укачивать. Сергей молча надел галифе и гимнастёрку, намотал портянки, проверил пистолет и поцеловал Мусю.

– Видимо, учебная тревога. Не волнуйся... Я пошёл.

– Часы не забыл?

– Да я же сдал их в ремонт!.. Днём заберу.

Когда он прибыл в расположение полка, его экипажи уже были построены старшиной роты. Топорикова не было, Балашов и Дудин прохаживались вдоль строя. Предрассветная тишина наполнилась оживлением и шумом.

– Нас подняли в половине пятого, – протирал глаза Кузя-

кин. – Я только во сне прижал к себе Аннушку, а тут трубят боевую тревогу.

– Уже начались учения, товарищ лейтенант? – спросил невыспавшийся Курбатов.

– Мне ничего неизвестно! Ждём старшего лейтенанта.

– Рассвет-то какой прелестный, – Кузякин сладко зевал. – Такой, помнится, с Аннушкой встречал в стоге душистого сена... Эх, братцы, а свадьба какая была у нас! Три гармони порвали!

– Видать, друг Кузя, ты ещё не проснулся...

Примчался Топориков:

– Балашов, Дудин, Гончар, за мной в штаб, бегом!

Офицеры скрылись за строениями, а танкисты разбрелись по боксам. Минут через десять расположенная недалеко от части артиллерийско-зенитная батарея противовоздушной обороны Львова открыла огонь. Танкисты выскочили из гаражей и, задрав головы в светлеющее небо, столпились. Послышался приближающийся гул самолётов.

– Летят со стороны Стрийского шоссе, – раздался чей-то голос.

– Не видать пока... Но летят в нашу сторону.

– Смотрите, братцы, показались самолётики! Чьи – не поймёшь.

– Мать честна́я! Снаряды рвутся в небе. Учебные, что ли?

– Ух ты! Светопреставление.

– Наверное, учебными бьют зенитки.

Со стороны Львова послышались взрывы бомб.

– Что происходит, братцы?

– Командиры придут, расскажут... Угости папироской!

В сумрачных лицах возвращающихся офицеров читалась страшная догадка, пугающий ответ на витавший в воздухе

несколько дней, а то и недель, вопрос, задававшийся друг другу кулуарно, иногда стыдясь его и отгоняя уверенностью в мощи Красной армии и лозунгами о грядущей счастливой жизни страны Советов. Обычно оживлённые командиры шли бодро, их голоса раздавались издалека, настраивая бойцов на очередной кипучий день воинской части. Сейчас их общее молчание и устремлённые за горизонт оторопелые взгляды на фоне далёких взрывов леденили кровь.

– Товарищи! – Топориков оглядел роту взволнованным взглядом и глухо произнёс: – Германия напала на Советский Союз по всей государственной границе.

– Война... война, – раздались негромкие голоса.

– Суки подзаборные, – вырвалось у Кузякина. – Раздавлю гусеницами немецкую гниду.

– Война, стало быть, братцы! – в глазах Курбатова сверкнули искры злости. – Будем биться, значит!

Отдалённые взрывы теперь приобрели другое звучание. Мрачно-зловещее.

– Рота! Слушай мою команду! – Топориков овладел собой. – Немедленно вывести танки из боксов и рассредоточить в лесу на случай, если будет налёт на расположение части.

– По машинам! Заводи! – послышалась громкая команда Гончара.

Чёткие, привычные команды вернули чувство уверенности и завели пружину слаженного механизма танкового подразделения полка. Танкисты столкнули с колодок боевые машины, наполнили гарью и рёвом моторов тревожное небо.

– Грузовики поехали за боеприпасами, – сказал Топориков офицерам. – Ждите в лесу. Никаких иных действий не предпринимать.

– Слушаюсь!..

Замаскировав боевые машины, танкисты погрузились в тревожные размышления. Гончар сел на пригорок под соснами, положил на колени полевую сумку и на оторванном клочке бумаги стал писать химическим карандашом, муслякая его фиолетовый кончик: «Маруся! Из моего чемодана выкинь фуражку и все книги, кроме справочника немецкого. Положи чёрную машинку для бритья, которую я вчера принёс, простые сапоги, ложку. Шинель и остальное не нужно. Очень прошу, забери отремонтированные часы. Всего счастливого, Маруся и Томочка. Сергей. 22.06.41». Сосновый воздух и шорох ветра в кронах деревьев успокаивали. Послышался стук дятла, пересвист не видимых в ветках пернатых наполнял мир безмятежностью. Сергею казалось, что начались военные учения и эта размеренная армейская жизнь будет продолжаться бесконечно.

В Москве в 5 часов 30 минут посол Германии встретился с наркомом Молотовым.

– Господин нарком, – говорил явно подавленный Шуленбург, – с самым глубоким сожалением должен заявить, что ещё вчера, будучи у вас на приёме, ничего не знал. Сегодня ночью было получено несколько телеграмм из Берлина. Германское правительство поручило мне передать Советскому правительству следующую ноту: «Ввиду нетерпимой доли угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массированной концентрации и подготовки всех вооружённых сил Красной армии, германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры».

– Как расценивать эту ноту германского правительства? – Молотов был растерян.

– По моему мнению, господин Молотов, это начало войны. Я подавлен из-за неоправданных и неожиданных действий моего правительства. Вы знаете, что я отдавал все свои силы для укрепления мира и дружбы с СССР.

Война, война... Пропасть, страшную пропасть почувствовал Молотов между собой и Шуленбургом, которая разрасталась до невероятных размеров. И вот уже слова германского посла доносились далёким пульсирующим эхом. Молотов очнулся от внезапной жуткой иллюзии и уверенным, жёстким тоном ответил:

– Никакой концентрации войск Красной армии на границе с Германией не производилось, господин посол. Проходили обычные манёвры, которые проводятся каждый год, и можно было бы обсудить этот вопрос. От имени советского правительства должен заявить, что до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к советскому правительству. Германия совершила нападение, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза.

Молотов поспешил в кремлёвский кабинет Сталина. Туда заходили Берия, Тимошенко, Мехлис, Жуков. По каменному лицу Сталина трудно было определить его настроение: в глазах не было страха и растерянности, но была тревожная боль, и она искала точку опоры, точку надежды, искала руку помощи и поддержки. Этой болью он пронзал каждого входившего и получал ответную боль, вызывающую в нём чувства обиды, злости, раздражения и зарождающейся ненависти к тем, кто убеждал его в невозможности войны, кто клялся в непререкаемой дружбе, кто подписывал пакт о ненападении, кому он верил до последнего, кто обещал и предал.

– Товарищ Жуков позвонил мне на дачу в Кунцево в три часа пятнадцать минут и сообщил о бомбёжках, – произнёс невнятно Сталин.

– Да, товарищи, германские войска после артиллерийских обстрелов и авиабомбёжки вторглись в нашу страну. – Жуков единственный оставался уравновешенным и невозмутимым. Сталин глухо продолжил:

– Зачитайте, товарищ Молотов, заявление Берлина...

Сталин долго молчал и потирал пальцами лоб, понимая всю трагедию происходящего. Он не мог до конца поверить, что Гитлер усыпил его бдительность обещаниями и хорошими личными отношениями. Мысли одна за одной бежали, петляли в лабиринтах сознания, не позволяя сконцентрироваться и включиться в решение миллиона вопросов, стоящих в глазах присутствующих. Невероятным усилием воли, пряча сильное нервное беспокойство, он сказал:

– Товарищи, надо подготовить обращение к советскому народу. Это сейчас наиважнейшее дело... Вячеслав Михайлович, поручаю вам зачитать его по радио.

Сталин больше всего в данный момент боялся не германских войск, не кучки собравшихся в его кабинете руководителей партии и армии, а народа, его отклика на случившееся. Встанет ли он на защиту страны, поднимутся ли миллионы советских людей на смертный бой, не обвинят ли его, вождя Коммунистической партии, руководителя страны, в начавшейся войне. Именно это невыносимо терзало его сердце и душу, страшило до болей в висках и подкатывало комком к горлу, сковывая дух и мысли.

Рота Топорикова до обеда загружала в танки боеприпасы – снаряды для пушек и патроны для пулемётов. Гончар помогал своему взводу. Утреннее волнение постепенно перерастало в боевой настрой, прохладный тяжёлый металл включал в работу не только мышцы, но и настраивал мозг на интенсивную

деятельность, на досконального продумывание и просчитывание всех мелочей.

– Ремни в порядке, Курбатов? Подёргай снаряды – не стучат?

Лейтенант заглянул через башенный люк в боевой отсек танка.

– Всё, как вы учили, товарищ лейтенант. Чемоданы загружены снарядами, – ответил стрелок.

– Смотри, чтоб не болталось ничего.

– У него всё одно будет что-нибудь болтаться, товарищ лейтенант, – засмеялся Кузякин, подавая снаряд.

– Видел я, Кузя, твою болтанку в бане, – послышался насмешливый голос из танка. – Тут ремни не в подмогу. Придерживать самому придётся.

– Вот язык твой, друг Курбатов, ничем не затянуть. Почитай-ка мне ещё разок... этого Лерманта. Про «Бородино»! Наш заряжающий, товарищ лейтенант, чтец завидный. Шпарит, как танк на марше. Не остановить.

– Не заслужил ты ещё, друг Кузя, такого почёта от Лермонтова! Подобьём немца, тогда и почитаю.

Кузякин застыл со снарядом:

– Товарищ лейтенант, дайте ему команду. Пусть стих зачитает. Мне шибко нравится.

Солдаты в кузове машины крикнули:

– Эй, ребята, нам ещё ходку делать. Поднажмите!

– Кузякин, не отвлекайся, – лейтенант повысил голос.

– Слушаюсь не отвлекаться.

Часа через два голова Курбатова выглянула из люка:

– Полна коробочка!

Гончар разрешил перекур, а сам умчался в штаб доложить о готовности взвода. Танкисты расположились кругом на траве, Кузякин толкнул в плечо Курбатова:

– Ну теперь, друг-стрелок, от Бородино не отвертишься. Все хлопчики во внимании.

– Ладно, братцы. Слушайте... Забил заряд я в пушку туго и думал: угощу я друга! Постой-ка, брат мусью! Что тут хитрить, пожалуй к бою; уж мы пойдём ломить стеною, уж постоим мы головою за родину свою!..

Уставшие танкисты оживились.

– Ишь ты, ловко!.. Забил заряд я в пушку туго.

– Это про французов, что ли?

– Славная была победа! Кутузов командовал.

– А сейчас кто у нас самый главный?

– Жуков, говорят.

– Маршал Тимошенко.

– Нэ-э, братец, главный у нас лейтенант... Смотри, уже возвращается.

– Танки загнать в боксы! – приказал Гончар.

Рота готовилась к обеду, когда из громкоговорителя раздался голос Молотова: «Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление: сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие. Налёты вражеских самолётов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий... Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, ещё теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища

Сталина. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Танкистов до отбоя никто не беспокоил. Офицеры крутились в ожидании новой команды возле штаба, бегали, проверяли свои подразделения. Из окна начальника штаба полка непрерывно доносился громкий возбуждённый голос. Батальоны пехоты то и дело выстраивались в шеренги, бежали строем в сторону складов, проносились обратно, сидели, курили, чистили винтовки, вставляли штыки, проверяли затворы. Артиллерийская рота возилась с пушками. То и дело проезжали грузовики и штабные машины. Майор Юдин выскакивал с красным лицом на крыльцо, нервно вдыхал свежего воздуха, кого-то отчитывал и надолго исчезал в своём кабинете, как шахтёр в забое. Шла невидимая на первый взгляд работа гигантского механизма Красной армии не только в Западном и Киевском особых военных округах. Чувствовался поднимающийся с каждым часом невероятный накал в войсковых частях.

Что происходило в пограничных укрепрайонах, в округе Львова и в самом городе, Гончар не знал. Помня про утренние бомбёжки, он с новой тревогой думал о Мусе и Томочке. Ему хотелось бежать к ним, но Топориков не отпускал до самого вечера.

– Вероятнее всего, гражданских будут эвакуировать. Когда, куда, на чём – неизвестно. Команда полковника – расположение части без особого разрешения не покидать, – пояснил Топориков.

На следующий день взвод получил боевой приказ о выезде с территории части.

– Твой взвод направляется в распоряжение штаба погранвойск. Вот приказ. Найдёшь штаб и доложишь о прибытии. А мы выдвигаемся к зданию партийного руководства области.

Три бэтэшки проехали по улицам Львова в сторону площади, на которой сгрудилось несколько грузовых полуторок и легковых командирских ГАЗонов. Часть машин уже выстраивалась в большую колонну. Гончар пробрался через снующую толпу рядовых и офицеров, таскающих в машины груды папок с документами, печатные машинки, сейфы и всякий штабной инвентарь. Шла эвакуация штаба погранвойск.

– Твоя задача, лейтенант, – сказал подполковник с бледным худым лицом, – сопровождать нас до Тернополя. Через час закончится погрузка. Вставай во главе колонны.

Танки развернулись, по проулкам объехали колонну и заняли необходимую позицию:

– Курбатов, остаёшься за старшего!

Лейтенант метнулся по улице вверх, оглянулся и увидел догоняющий его автомобиль. Это был шанс! Лейтенант встал посередине дороги и поднял руки вверх, останавливая машину. Гончар кинулся к двери автомобиля и обратился к немолодому мордастому мужчине в костюме:

– Товарищ, подбросьте по Лычаковской до костёла!

Тот, видя решительный взгляд военного, не стал вдаваться в расспросы:

– Садитесь, лейтенант! Показывайте дорогу. Мы все куда-то теперь спешим, бежим. А надо остановиться, осмыслить происходящее, окрыситься и грызть, грызть глотку врага.

Заплаканная, с тёмными кругами под глазами Муся кинулась на шею Сергею:

– Серёжа, дорогой, что теперь с нами всеми будет? Как ты? Что нам делать? Это настоящая война?.. У меня болит сердце, Томочка плохо спит и плохо ест. Что же, что же нам делать? Я мечусь тут, как птица в клетке.

Она засыпала мужа вопросами и поцелуями, обливаясь

слезами, рыдая и задыхаясь. Он её целовал и успокаивал:

– Милая моя, дорогая, всё будет хорошо. Я тебя люблю. Слышишь!.. Вас будут эвакуировать. Найди жену Дудина или других жён наших офицеров. Держи с ними связь. Не могу больше быть с тобой. Мы едем в Тернополь... Жди, жди меня, милая!.. И часы мои из мастерской забери.

Гончар взял на руки плачущую дочку, расцеловал и, вытирая слёзы, ринулся назад.

На башне танка сидел Курбатов и отрешённо курил, разглядывая старинные здания. Кузякин с открытым люком дремал на своём месте механика-водителя, держась одной рукой за рычаг. Во втором и третьем танках была схожая картина. Мимо спешил с баулами и сумками народ, проезжали машины.

– Всё нормально, товарищ лейтенант! Раза три прибегал какой-то взъерошенный капитан и предупреждал о пятиминутной готовности. Вон, глядите, опять бежит!

– Лейтенант, минут через пять колонна тронется. Готовы? – он взглянул в небо, рассматривая пролетающую эскадру. – Немцы, мать их в горячую печь!

– Так точно, товарищ капитан!

Колонна тронулась только через полтора часа. Ехали медленно, часа через три въехали на окраину Тернополя. Танки пропустили колонну вперёд, а сами развернулись и двинулись обратно. В часть прибыли вечером.

– Задание выполнено, товарищ старший лейтенант! Баки на нуле, – уставший Гончар сел рядом с нервно курившим Топориковым.

– Ночью привезут, утром зальётесь. Под Львовом склады разбомблены, в городе немецкие диверсанты. Ловим мародёров.

– Каков приказ на завтра?

– Твой взвод продолжает сопровождение колонн в Тернополь. Расположение части не покидать. Семьи военных будут эвакуированы под Киев, в Дарницу. Команда всем поступит.

– Боюсь спросить, а что происходит на границе, товарищ старший лейтенант?

– Сергей, крайне тяжёлая обстановка. От штабных слышал, что идут бои с моторизированной дивизией СС «Викинг». Наша шестая армия бьётся. Подробности не знаю.

Следующие три дня взвод Гончара продолжал сопровождать колонны, эвакуирующие госучреждения.

Двадцать шестого июня на пути из Тернополя, проезжая Бережаны, Гончар направил взвод к реке. Танкисты решили заправиться водой. Небольшой красивый город с разноцветными крышами и островерхими башнями костёлов и церквей, с пузатыми куполами и каменными стенами древнего замка в лучах июньского солнца издалека выглядел нереальной нарисованной действительностью, никак не вяжущейся с кутерьмой и столпотворением Львова.

– Люблю я такие речки, хлопцы! – Гончар оглядывал разливистую тихую заводь, местами заболоченную, поросшую камышом и осокой.

Кузякин, зайдя по колено в реку, зачерпнул в ведро воды.

– Красотень! Смотри, командир, аист или цапля вдали у воды?

– На чёрного аиста похож, – ответил лейтенант. Он кинул взгляд вправо, застыл и поднял бинокль к глазам.

– Взвод, по машинам!.. Быстро! Самолёты!

– А может, наши? – Кузякин выбежал на берег и пытался надеть на мокрые ноги комбинезон.

– Наши здесь так низко не летают! – крикнул Гончар. – За-

нять место в танке! От дороги уходим влево. – Он указал на подножье холма, поросшего широколистным грабом.

Кузякин не стал одеваться, сунул ноги в сапоги и, бросив комбинезон в люк, сам туда нырнул. Машины взревели и помчались. На ухабах и пригорках танки трясло, подбрасывало, словно лодки на волнах, но до вожделенного укрытия они не успели добраться: попали под бомбёжку. Два танка мчались чуть впереди, и Гончар видел всю картину. Понимая нависшую опасность, он приказал Кузякину резко уходить в сторону, маневрировать, попытаться вырваться вперёд, своими действиями показать пример остальным.

– Рассредоточивайтесь, черти! – кричал он в переговорное устройство, надрывая глотку.

Бомбы взрывались рядом. Попаданий в цель не было, и, казалось, опасность миновала, но рядом с танком старшего сержанта Шилова бомба легла совсем рядом. Машину бросило в сторону, она по инерции промчалась метров пятьдесят и встала. Гончар приказал остальным экипажам не останавливаться. Ещё было пару взрывов, и всё разом стихло. Танки почти добрались до зарослей деревьев, но они оказались редкими и смысла прятаться в них не было. Танк Гончара притормозил. Лейтенант открыл люк и посмотрел в небо. Самолёты пропали за горизонтом.

– Возвращаемся! – приказал он.

Экипаж повреждённого танка копался в районе передних катков. Все танкисты были целы, и Гончар почувствовал облегчение.

– Гусеницу сорвало и рычаг, товарищ лейтенант.

– До вечера управитесь?

– Часа за два осилим!

– Торчать всем тут на виду, как мухи на столе, и ждать

очередного прилёта нецелесообразно. Шилов, справитесь без нас?

– Не сомневайтесь, товарищ лейтенант. Дело привычное. Сами знаете.

– За небом смотрите в оба глаза. Если что, себя спасайте. К реке бегите.

– Так точно, командир!

– Остальным по машинам! Едем в часть...

Топориков выслушал доклад и согласился с лейтенантом:

– Верное решение, Гончар. Подвергать риску весь взвод нельзя. Пойду доложу в штаб. Да, вот что! Сегодня после полудня твои со всеми нашими эвакуированы в Дарницу. Маруся утром пошла было к часовщику за твоими часами, но тот район бомбили, и она вернулась. Все твои документы и вещи она принесла. У меня потом заберёшь. Вот записку тебе оставила. Держи!

Сергей был сильно расстроен:

– Ну как же так? И не попрощались!.. Муся что-то ещё сказала?

– Ах да, вот что! Она хотела передать тебе свои часы вместо тех, считай пропавших. Значит, сняла часики с руки, тут дочка заплакала, она с ней отвлеклась. Вскоре началась погрузка на машины, она вспомнила про часы, стала их искать. Мы всю траву вокруг прочесали, но они как в воду канули.

Сердце Сергея ёкнуло, но с нахлынувшими чувствами пришло и успокоение, что Муся с Томочкой в безопасности. Он прижал записку к груди, потом засунул её в планшет как драгоценность и долго стоял, не в силах двигаться.

– Пошли на ужин, лейтенант! Война войной, а остальное по расписанию.

Ближе к сумеркам вернулся экипаж Шилова. Сергей пошёл

в ленинскую комнату. Там было непривычно тихо. Бюст Ленина будто с укоризной одиноко взирал на входящего и пытался предупредить: «Большевистская революция в опасности, товарищи!» Сергей увидел газету «Известия» от двадцать первого июня, которую принёс Комаров, а он наклеил её на стенд, не успев прочитать. Теперь Сергей пробежал её глазами и наткнулся на заметку: «Исторический музей в Москве готовится открыть выставку, приуроченную к 100-летию гибели Михаила Лермонтова»... Гончар удивился совпадению, вспоминая недавний разговор бойцов про стихотворение «Бородино».

Он сел за стол, достал записку Муси и прочитал: «Дорогой, любимый Серёжа! Я бесконечно благодарна судьбе, что свела нас вместе... Но вдруг весь мир в одночасье рухнул, как спиленная берёзка. Почему так?.. Но я верю, что всё вернётся, всё наше счастье... Прости, пишу, тороплюсь, над душой стоит солдатик и просит скорее идти к машине. Нас с Томочкой эвакуируют, и это меня страшит и радует одновременно. Теперь я буду переживать за тебя. Вот пришла попрощаться Петровна. Она столько для нас сделала! Я ей рассказала, что с часами получилось, т. е. совсем не получилось. Пошла за ними с Томочкой, а там оцеплено: упала бомба. Петровна охала. Говорит, что нехорошо это, наказала отдать тебе мои часы. Так мы не потеряемся в этом кипящем войной мире. Посылаю тебе строчки моей любимой Маргариты Алигер: «Я хочу быть твоею милой. Я хочу быть твоею силой, свежим ветром, насущным хлебом, над тобою летящим небом...» Крепко целуем тебя. Муся и Томочка».

Гончар перечитал письмо десяток раз и, поцеловав его, свернул и засунул в накладной карман гимнастёрки. Потом решительно встал и пошёл искать Топорикова. Он захотел расспросить старшего лейтенанта подробнее о Мусиных ча-

сах и найти их во что бы то ни стало. Но уже темнело, и Гончар побрёл в казармы.

Утром они вместе с Балашовым и Дудиным обшарили все углы, но найти Мусины часики не удалось. Весь день танковая рота с батальонами пехоты очищала город от немецких лазутчиков и украинских националистов. Те из окон и чердаков обстреливали проходившие воинские части. Приказ был жёстким, и чердаки разносили пулемётными очередями в мелкие щепки. В эту ночь Гончар впервые с двадцать второго июня заснул удовлетворённый и даже счастливый.

Рано утром следующего дня Топориков поставил перед ротой задачу готовиться к отъезду из полка, а Гончару дал отдельный приказ:

– Лейтенант, твой танк выезжает на окраину Львова, – он вынул планшетку, достал карту и показал точку, – встречаешь здесь стрелковый батальон майора Пронина и сопровождаешь его в Судовую Вишню. Там полк прикрытия ведёт бой. Задача – задержать врага до полной эвакуации Львова. Ты немецкий неплохо знаешь, поэтому решили отправить твой экипаж. У разведки задача взять языка, допросить и передать в штаб оперативную информацию.

– Слушаюсь, товарищ старший лейтенант. – У Гончара загорелись глаза.

– Да, вот ещё что, Серёжа! Наших из Дарницы сегодня эвакуируют в Алма-Ату. Полк передислоцируется в Тернополь, а задача роты сопровождать отход войск. Надеюсь, временный. Ребята загрузят имущество из гаражей на машины, и мы опять в город. Комаров с первым батальоном вторые сутки там диверсантов гоняет. Штабные бумаги упаковывают. Связь по рации, если нас не найдёшь при возвращении. Удачи тебе!

Гончар в приподнятом настроении побежал к своему взводу...

– Дождались персонального задания, – Кузякин завёл мотор. – Ещё бы выдали персональный сухпаёк.

– У тебя, друг Кузя, персональный танк, а тебе всё мало.

– Товарищ лейтенант, ну как воевать с таким занудой? Стих не читает, меня изводит прицельными шуточками, а я хоть и имею дело с железяками, а душа у меня нежная, требует ласки.

– Ночью Аннушка поласкает, – сострил Курбатов и высунулся из люка.

– До ночи дожить надо! – послышался голос мехвода. – Командир, а куда едем?

– На окраину города.

Вначале танк двигался в центр Львова, затем по улице Городецкой в западном направлении. Продвигались очень медленно: улицы были забиты войсками. Выбравшись из города, остановились. Гончар огляделся и вылез на броню.

– Задача у нас, хлопцы, встретиться со стрелковым батальоном, сопроводить его в западном направлении до Судовой Вишни и выполнить поставленные там задачи.

Мимо в сторону Львова проехали машины с ранеными, чёрный начальственный автомобиль, прошла колонна уставших солдат в грязных порванных гимнастёрках, проковыляла лошадь с телегой.

– Подождём малость. Они на полуторках должны приехать.

Курбатов спрыгнул с танка и подошёл к шагавшим бойцам.

– Как там, братцы?

– Махорочкой не богат? – послышалось в ответ.

– Вот тебе, друг, папироска. Больше не имею.

– На том благодарствую...

– Ну, что там, жарко?

– Пекло, братишка!..

Гончар остановил капитана с осунувшимся, измождённым лицом:

– Товарищ капитан, разрешите обратиться?

– Говори, лейтенант! – Смертельная усталость в его глазах сменилась любопытством. Он посмотрел на чистую форму молодого офицера, видимо, понимая, что тот ещё не встречался лоб в лоб с врагом.

– Колонна с пехотой навстречу не проезжала?

– В Городке вроде бы видел. В этой кутерьме не поймёшь, кто куда двигается. А ты что тут?

– Должен сопровождать батальон в Судовую Вишню.

– Ну понятно. Мы идём с другого направления. Про Вишню не знаю – зашли туда немцы или нет. А в Городке ещё наши…

Гончар вернулся к танку и раскрыл карту.

– Ждать будем, командир?

– Свяжись по рации со штабом полка, – приказал Гончар.

– Связь плоха! В наушниках чувыскает как тетерев на току, – пожаловался Курбатов.

Гончар сам связался со штабом, но ему ответили, что связи с нужным батальоном нет и приказали лейтенанту принимать решение самостоятельно. Гончар задумался и долго смотрел в бинокль:

– Вроде столбы пыли на западе за горизонтом… Будем догонять колонну.

До Городка домчались минут за сорок. Проехали мимо деревянной церкви с тремя куполами, монастыря с невысокой башней и зелёной полукруглой крышей, светлой каменной церкви с серебристыми крестами и остановились у трёхэтажного здания с красивым вишнёвым фасадом. Над ступенчатым парапетом развевалось красное знамя, у подъезда стояли два «газона» с дюжиной бойцов, солдатская кухня,

с разбитыми стёклами и пулевыми пробоинами серый автомобиль. В кузове одного грузовика лежали накрытые плащ-палаткой убитые солдаты и офицер. Гончар подошёл к курившим рядом, поговорил минуту и забрался на танк:

– То ли мы не дождались батальон, то ли они нас опередили на час-полтора. Едем в Судовую Вишню. По карте двадцать три километра. Если их там нет, двинем обратно и встретим по дороге.

– За полчаса долетим, командир, – оживился Кузякин.

– Низенько лети, Кузя, а то свои собьют!

Кузякин не отреагировал на слова товарища и спросил у Гончара:

– Товарищ лейтенант, а в кузове убитые лежали?

– Убитые.

– И где они смерть свою нашли?

– Со стороны Залужаны идут бои. Это левее от Городка, а нам по прямой.

При выезде из Городка танкисты увидели последних красноармейцев, сидящих на опушке леса. То ли танкисты, то ли артиллеристы. Но к ним не стали сворачивать. Дальше дорога была пустынной. Время от времени Гончар смотрел на топографическую карту.

– Командир, а почему карта на ненашенском языке?

– Она очень подробная. Топориков выдал. У штабных все такие. А ты скажи, Курбатов, ты в Бога веришь?

– В танкового бога или взаправдашнего?

– В какого веришь, про того и скажи.

– А почему спросил, командир?

– Видел, когда церковь проезжали, ты перекрестился.

– Младенцем меня крестили, товарищ лейтенант. В нашем селе стояла у реки церквушка. Сгорела в революционном пожаре. Мать втайне от батьки возила меня к попу. Отец боль-

шевиком записался в гражданскую. Там и принял смерть от белогвардейской пули.

Дорога была ровной, ехали на большой скорости с открытыми люками. Местами лежали убитые лошади и виднелись воронки от взрывов. Гончар и Курбатов стояли на сиденьях, выглядывали из люков и смотрели по сторонам, когда послышался длинный и тягучий свист. Несколько снарядов, прилетевших справа, разорвались в сотне метров от дороги.

– Началось! – без тени страха, с каким-то торжеством крикнул Гончар.

Курбатов скрылся в башне. Через километр показались деревянные изгороди.

– Сейчас догоним батальон, – в полной уверенности сказал Гончар, разглядев по курсу улицу с домами. – Въезжаем в Судовую Вишню.

Впереди было несколько очагов пожара. Над посёлком поднимался чёрный дым. По башне танка ударила автоматная очередь. Гончар захлопнул люк.

– Сворачивай!

Танк резко ушёл в сторону и, перескочив через канаву и проехав несколько метров, встал на картофельном поле. Мотор заглох.

– В чём дело, Кузякин?

– Не знаю!

– Заводи мотор, включай скорость!

Мотор заработал, но танк вперёд не двинулся.

– Включай заднюю!

Механик-водитель дёрнул за рычаги, мотор сильно заревел, но машина ни с места.

– Глуши, надо разобраться, что случилось. Стрельбы вроде нет.

– Может, нас свои обстреляли? – Курбатов припал к смотровой щели.

– Сейчас разберёмся! Возможно, когда мы перескакивали через канаву, разорвалась гусеница? – говорил лейтенант, прильнув к перископическому прицелу.

– Товарищ лейтенант, мы сколько раз на учениях ходили без гусениц! Танк должен хотя бы двигаться.

– Но здесь земля рыхлая, поэтому, может, катки не тянут.

Гончар повернул прицел на сто восемьдесят градусов, осмотрел картофельное поле, дорогу и сказал:

– Оторванной гусеницы нигде нет. Причина остановки в другом... Вижу, крестьянин идёт в нашу сторону.

– Слава Богу! – вырвалось у Курбатова. – Значит, в селе наши.

Гончар откинул люк и высунулся. Когда человек подошёл, Сергей, разглядывая его шляпу с пером, суконный сердак и обтягивающие портки, спросил:

– Кто в городе, наши или немцы?

– Не знам, добрже хлопакуш. Иду с фермы.

Гончар проводил глазами крестьянина до конца переулка. Того никто не окликнул и не тронул. Тогда лейтенант крикнул:

– Кто в селе, наши или немцы? Если наши, выходи, братушки! Если немцы, стрелять будем!

Звуки голоса растворились в тенистых зарослях кустарников и деревьев. Тогда Гончар крикнул эту фразу на немецком. Из-за плетня немедленно открыли огонь из автоматического оружия. По броне застучали пули, несколько со свистом пролетели рядом с головой лейтенанта. Он громко выругался, с грохотом захлопнул люк и отдал команду:

– Заряжай осколочным!

Лейтенант выстрелил из пушки.

– Заряжай!.. Получай, сволочь! – Второй снаряд отправил-

ся в сторону стрелявших. Гончар надавил на гашетку и дал вдогонку длинную очередь из пулемёта.

Лейтенант не отрывался от прицела, и когда в конце улицы нарисовалась немецкая бронемашина, он не раздумывая выстрелил из пушки несколько раз.

– Получи, сволочь! – он, страшно улыбаясь, дико кричал. – Горят, гады немецкие, как спичечный коробок.

В следующий момент лейтенант увидел выдвигающийся ствол из-за горящей машины то ли самоходки, то ли танка и, не дожидаясь ответного удара, продолжал посылать снаряды один за другим, пока чёрный дым не заволок всю улицу.

В боевом отсеке танка стоял запах порохового дыма, горячего металла, сгоревшей смазки и витала неуловимая ярость, смешиваясь с въевшимся запахом выхлопной гари во что-то горько-пьянящее, будоражащее кровь, сжимающее человеческую плоть в комок мышц и нервов, готовый вырваться наружу и растерзать противника в клочья.

Впереди справа одиноко стоял каменный дом. Курбатов увидел в боковую щель башни, как из-за угла выглянули несколько человек в касках и скрылись.

– Немцы справа, командир! – крикнул стрелок-радист.

– Разворачивай башню, – приказал Гончар.

Танк дал несколько выстрелов в сторону дома. Ответной стрельбы не последовало. Лейтенант приказал Кузякину взять ключи и перебраться из своего отсека в командирский.

– Надо осмотреть гусеницы. Выбирайся через верхний люк и прыгай за танк. Мы с Курбатовым будем вести наблюдение. Если что, откроем огонь.

Механик-водитель через люк башни вылез из танка, скатился на моторное отделение и оттуда спрыгнул на землю. Зловещая тишина пряталась в цветущих кустах картофеля и вместе с Кузякиным заглянула под днище железной махины.

– Гусеницу заклинило между корпусом танка и ведущим колесом, – крикнул механик.

Сержант попытался выбить палец трака кувалдой, но это ни к чему не привело. Монотонные удары по железу гипнотически действовали на танкистов и возвращали их в привычную среду мирного времени, когда взвод занимался плановыми ремонтными работами, с шутками и прибаутками лазая вокруг своих «семёрочек» в ожидании обеда и ужина.

– Надо рассоединить гусеницу и поправить, товарищ лейтенант, – послышался снова голос Кузякина.

Гончар взял гранаты и выглянул из люка. Осмотревшись, он сказал Курбатову:

– Садись на моё место. В случае чего, немедленно открывай огонь.

Лейтенант выпрыгнул сбоку, не прикрываясь, и начал осматривать танк.

– Курбатов, кинь мне лопату.

Не успела лопата долететь до земли, как танк опять обстреляли. Одна пуля, отскочив от башни, упала рядом с Гончаром. Он почувствовал её смертельный жар и отполз к Кузякину, они вскочили на моторное отделение и укрылись в башне. Гранаты остались возле танка.

– Хотел подложить связку гранат под гусеницу и взрывом разорвать её. Танк не пострадает. А повреждённые траки можно заменить запасными.

– Хорошая идея, командир!

Гончар всматривался в боковую щель и бормотал:

– Надо было товарищу Сталину про плохой обзор сказать.

– Что вы сказали, товарищ лейтенант? Я не понял, – повернулся к Гончару Курбатов.

– Следи за дорогой!

Внезапно Гончар, не произнося ни слова, развернул башню и выстрелил из пушки, а потом стал палить из пулемёта... Танк выпустил ещё не меньше двух – трёх десятков снарядов в разные стороны.

– С-суки немецкие подползали со стороны пшеничного поля... Всех положил! Всех! Не подойдут, сволочи! – лейтенант рычал, словно зверь. Глаза горели страшным, бешеным пламенем, зубы сжимались, руки тряслись. Он тяжело дышал, на покрытом потом лице резко выделились скулы.

Курбатов и Кузякин оцепенели от увиденного и не могли ничего ответить.

Только сейчас все почувствовали, как раскалился на солнце танк. В башне было жарко, словно в бане, а на всех осталась одна фляжка воды.

– Эх, щас бы ушат холодной воды, – облизывал высохшие губы Курбатов.

– Тебе только дай, друг сердечный, девку голую потребуешь.

– Это после, Кузя. Сейчас надо из пекла выбираться.

Гончар внимательно осмотрел периметр и, отстранившись, тяжело дыша, сказал:

– Не стреляют!.. Надо что-то предпринимать. Кузякин, открывай запасной люк и пробирайся под днищем к гусенице. Попробуй её взорвать.

– Слушаюсь, командир!

Когда сержант поднял железный лист, оказалось, что под танк пролезть невозможно. Земля на картофельном поле была рыхлая, а посадка танка очень низкая.

– Копай землю и отбрасывай вперёд! – приказал лейтенант. – Курбатов, следи за периметром!

Кузякин работал сапёрной лопатой безостановочно. Ему

удалось пролезть под танк, и оттуда он крикнул:

– Здесь трудно что-либо сделать, гусеницу совсем не вижу!

В это время раздался оглушительный треск на башне и глухой удар. Гончар отскочил от перископа.

– Старшина, жив?

– Да жив! Ни черта не видно!

– Кузякин!

– Тут я, командир, – проворчал грязный, как кочегар, механик-водитель и стал забираться в танк.

Лейтенант хотел развернуть башню, открыть огонь, но она не двигалась. Манёвренность танка оказалась сведена к нулю. Вести огонь можно было только прямо перед собой, влево и вправо – невозможно: пушка спарена с башней и может только подниматься и опускаться. Кузякин забрался в отсек механика-водителя, перелезая через сиденье:

– Ёшки-матрёшки! Снаряд пробил лобовую броню и повредил щиток управления. Если бы я сидел на своём месте, меня бы уже не было в живых.

– Это ты, друг Кузя, удачно спрятался от смерти в преисподней, – хотел пошутить Курбатов, но голос у него дрожал, голова вздрагивала, и он не находил себе места, будто испуганная лошадь.

– Тихо, хлопцы!.. Что-то методично воют снаряды и рвутся где-то. Кажется, позади нас.

Через короткий промежуток времени взрывы стали слышнее. Гончар повернул назад перископ и увидел, как снаряды рвутся всё ближе и ближе.

– Артиллерия бьёт!.. Курбатов, снимай запасной пулемёт! Уходим!

Стрелок-радист полез в нишу танка и стал откручивать стопора, в это время повторно раздался сильный треск и оглу-

шительный удар по танку.

Гончар приподнял люк:

– Танк горит в районе баков! Всем покинуть машину! Немедленно!

Первым выскочил Курбатов, следом Гончар. Кузякин третьим спрыгнул на землю. Послышался жуткий вой и перед танком взорвался снаряд. Курбатова взрывной волной сбило с ног. Он увидел, как лейтенант схватился руками за голову, согнулся и упал, завалившись на бок. Первым к нему подполз Курбатов и окликнул:

– Командир! Товарищ лейтенант!

Сержант потряс за плечо, заглянул сверху и ужаснулся: часть головы у лейтенанта была сплошным кроваво-чёрным месивом.

Подполз Кузякин и тоже окликнул Гончара:

– Товарищ лейтенант!.. Командир! – он прислушался, склонив голову. – Нет дыхания.

– Убит?! – воскликнул Курбатов.

– Убит!

Очумелые, испуганные, танкисты взглянули друг на друга, посмотрели на окровавленного лейтенанта. Глаза Кузякина наполнились слезами, он их вытер грязной рукой.

– Прости, командир!..

Танкисты перевернули лейтенанта на спину, Курбатов расстегнул карман гимнастёрки и вынул партбилет и командирское удостоверение.

– Ещё записка!

Кузякин достал из другого сложенный листок, покрутил в руке и вернул на место. Курбатов сунул документы в свой карман:

– Пора!

– Револьвер надо забрать. – Кузякин расстегнул кобуру лейтенанта. – Прощай, командир!

Вокруг продолжали рваться снаряды. Послышалась пулемётная очередь, пули просвистели рядом, пронзая летний воздух, будто иголки адской швейной машинки пробивали дырки в полотне обезумевшего мира.

– Из сосняка бьют, гады! – Курбатов бросил злобный взгляд в сторону, вжимаясь в тёплую землю.

Танкисты поползли к стоящему рядом дому, укрылись во дворе. Там было тихо.

– Надо снять комбинезоны. Трудно в них бежать и жарко! – сипло сказал Кузякин, облизывая пересохшие губы, и сорвал с себя униформу, оставшись в хлопчатобумажном белье. Курбатов последовал его примеру.

Они поползли на восток от Судовой Вишни. В полукилометре от посёлка перебежали шоссе, укрылись в высокой ржи, а потом долго ползли с наганами в руках, пока не услышали взрывы. Кузякин приподнял голову:

– Снаряды рвутся в танке… Горит наша бэтэшка!

В конце поля они наткнулись на ручей, напились и стали ждать темноты. Ночью пошли по дороге в сторону Львова…

Первое, что увидел Гончар, открыв глаза, – огромное звёздное небо, безмятежно мерцающее, пугающее непостижимой тайной мироздания, своим безупречным хаосом звёзд, рассыпанных в чёрном пространстве. Сергей почувствовал свежесть воздуха, услышал далёкие звуки цикад, пошевелил ногами и руками. «Живой!» – прозвучало в мозгах неприятным болезненным звоном. И только теперь он ощутил тупую боль в голове, ноющую где-то в ушах и скулах. Гончар почувствовал невыносимую сухость во рту и хотел шевельнуть языком,

память подсказывала, что язык где тут, во рту, но Сергей его не ощущал. Он хотел крикнуть, но чуть не задохнулся и невероятным усилием заставил себя повернуться на бок и попытался встать. Но у него не получилось. Он увидел в темноте огромное дымящееся чудовище и понял, что оно хочет его сожрать, и пополз что есть сил в сторону, теряя сознание…

Снова очнулся лейтенант утром. Чувствуя невыносимую боль в голове, Сергей прикоснулся рукой к лицу, ощутил липкую рану, и его прошиб холодный пот. Сознание стало возвращаться. Он оглянулся и увидел разбитый танк. Ему хотелось рыдать, но не было ни слёз, ни душевных сил. Была болезненная опустошённость. Он вспомнил в мельчайших подробностях бой, свои команды, свои действия и поступки, действия своего экипажа, стараясь найти ошибки в расчётах и неведомой силой исправить их, повернуть шестерёнки времени вспять. Сергей встал на колени и, сжав волю в кулак, поднялся. Он ощупал кобуру и не обнаружил револьвера, а в карманах не было документов. Сначала у него появилась злость, но потом догадка, что его хлопцы всё забрали, решив, что он мёртв. «Живой я!» – кричал он на весь мир, но не слышал своего голоса. Он вспомнил про записку и полез в карман: «Здесь, здесь!.. Со мной моя Муся».

Превозмогая боль, он пошёл назад от Судовой Вишни, вспомнив про небольшой хутор в километре – двух отсюда. Он представил мысленно карту – Дармоловка. Название было забавным, поэтому он запомнил. Во дворе ближней хаты он спрятался за дровницей, но его увидели пожилые хозяйка и хозяин, их сын и помощница по хозяйству.

– Екатерино, принеси воду, – крикнула хозяйка. – Промий рану офицеру… Петро, ти куди зибрався?

– До ликарни за ликарем! – ответил хозяин и поехал на подводе в сторону Судовой Вишни.

Миловидная украинка принесла воды в стеклянном кувшинчике и бережно промыла раны лейтенанту. Сергей из их разговора понял, что лицо у него сильно обезображено, языка, челюсти и левой щеки у него нет. Они знают про его подбитый танк, про убитого офицера. Екатерина принесла молока и напоила Сергея. Хозяйку звали Мария, и это удивило его. На время он погрузился в свои мысли, вспоминая Мусю и Томочку, потом встрепенулся и глянул на свою полевую сумку. Жестами попросил принести бумагу, карандаш и спички. Екатерина решила, что офицер хочет закурить, но он разорвал бумагу пополам и на одном клочке написал, что он офицер Красной армии, командир подбитого танка. Подумав, он бережно достал из нагрудного кармана Мусину записку, прочитал её, прижал к груди и долго сидел неподвижно, чувствуя, как слёзы стекают по щеке. Потом вынул из полевой сумки карту и сжёг её вместе с записками. На втором клочке он написал: «Муся, я люблю тебя! Прощай!», а ниже: «Передать Марии Шишковой-Гончар в Алма-Ату» и сунул сложенный листик в руки девушке. Вскоре на подводе приехал Петро, стали собираться соседи, а следом на легковой машине приехали три немца. Один хотел сразу расстрелять лейтенанта, но другой остановил. Из их разговора Сергей понял, что двое – штабные офицеры, а третий – врач из немецкого госпиталя, расположившегося в больнице Судовой Вишни, где немцы поставили свой персонал. Немецкие офицеры осмотрели Гончара, тот, что из госпиталя, достал чемоданчик с медикаментами и перевязал лейтенанта. Они приказали Петро немедленно привезти раненого на подводе в госпиталь и уехали. Сын Петро – Игнат с соседом Богданом повезли Сергея в Судовую Вишню. Когда подвода проползала мимо сгоревшего танка, Сергей похлопал Игната по плечу и жестом

попросил остановиться. Сначала молодые украинцы не поняли, чего он хочет, но Сергей сумел на пальцах объяснить.

– Нехай сходит до своего танка, Игнат, – махнул рукой напарник. – Один чорт помре скоро.

– Нехай сходит, – согласился тот.

Они сидели на подводе и лузгали семечки, глядя, как лейтенант обошёл вокруг танка, прижался к нему и постоял так минуту, прощаясь с боевой машиной.

У здания больницы скопилось много машин: сгружали тяжело раненных немцев. На просьбу принять больного упитанный фашист с распомидорившимся лицом кричал, что своих размещать негде. Сын Петро начал объяснять, что был приказ немецкого офицера, но толстомордый ударил его пистолетом в лицо и приказал расстрелять. В это время подъехала та самая машина, что приезжала на хутор, вышли два офицера и забрали раненого с собой. Игната немец нехотя отпустил, ударив кулаком в скулу, и подвода спешно покинула территорию больницы.

Гончара ввели в здание бывшего сельского совета и затолкнули в кабинет с портретом Гитлера на стене. Под ним сидел немецкий полковник, сбоку и у двери – два офицера в звании майора.

– Господин полковник, это тот самый командир русского танка. Живучий оказался.

– Этот красный Иван подбил наш бронетранспортёр, танк, пулемётный расчёт и взвод автоматчиков? – Немец брезгливо смотрел на забинтованного.

– Да, это он.

– Спросите его фамилию, номер части, имена и должности командиров. Количество солдат, танков, артиллерии. И если этот большевик хочет жить, пусть поможет армии вермахта.

– Господин генерал, врач, который его осматривал, предупредил, что у него отсутствует язык, челюсть и…

Полковник нервно перебил майора:

– Юрген, можно без анатомических подробностей.

– Извините, господин полковник. Мы дадим ему бумагу и ручку. Он будет отвечать на ваши вопросы письменно.

– Не сажайте эту грязную свинью близко ко мне. Отодвиньте стол к окну.

Гончар прекрасно понимал разговор врага, но не мог ответить и плюнуть в лицо фашистам. К нему придвинули стол и усадили на стул.

На столе полковника раздался телефонный звонок. Он взял трубку и ответил:

– Здравствуй, дорогой Генрих. Как погода в Берлине?.. У русских тоже жарко! И мне совсем их не жалко! – полковник засмеялся. – Извини за каламбур. Передай дяде от меня поклон. Как война? Общая картина первых дней наступления такова: противник был захвачен врасплох. Тактически он не был развернут для обороны. Это было удивительно, Генрих, даже для меня! Наша внезапность привела к тому, что удалось повсюду захватить мосты через приграничные реки, прорвать находившиеся вблизи границы позиции полевых укреплений. Противник с ходу был отброшен с боями на десять - двадцать километров. Тем самым мы открыли путь моторизованным соединениям. Такими темпами мы осенью будем в Москве праздновать победу.

Гончар слушал разговор и закипал, как металл в доменной печи. Первой мыслью у него было броситься на немца и всадить ручку ему в горло, но Гончар посчитал это не то что невозможным, а тактически слабым ходом. Нет, надо победить стратегически, выстрелить в самое сердце врага. Он взял ручку и написал на немецком языке: «Полковник, передайте

вашему Генриху, что Красная армия будет праздновать победу в Берлине! Командир «семёрочки» Товарищ Танкист».

Полковник дважды перечитал поданный ему листок и не сразу сообразил, что это написал забинтованный лейтенант, к которому он так презрительно отнёсся. Когда до него дошёл смысл слов и осознание того, что это написано на немецком каким-то русским танкистом и что он понимал все его разговоры, полковник получил психологическую контузию.

– Что с вами, господин полковник? – испуганно воскликнул майор и кинулся к нему.

Полковник хотел разразиться руганью и угрозами, но, наткнувшись на презрительный взгляд русского лейтенанта, в приступе бешенства выкрикнул:

– Расстрелять!.. Немедленно расстрелять!..

Вечером этого дня Курбатов и Кузякин добрались до расположения полка, но его на месте не оказалось. На складе ГСМ заправлялся танк Бондаренко. Он забрался уже на башню, но увидев танкистов, сказал:

– Полк в обед снялся и находится в районе Лычаковского кладбища! А вы чо такие нарядные, братцы?

– Лейтенант Гончар погиб смертью храбрых под Судовой Вишней. И танк наш сгорел.

Бондаренко снял шлем с головы, сел на башню и долго молчал.

– Эх, братцы, не найти нам больше таких командиров...

Лезь на броню. Едем в полк.

ЭПИЛОГ

В конце ноября 1941 года в Алма-Ате, на 1-й улице Сталина, 18 в квартиру номер 8 позвонил почтальон.

– Здравствуйте! Для Марии Владимировны письмо.

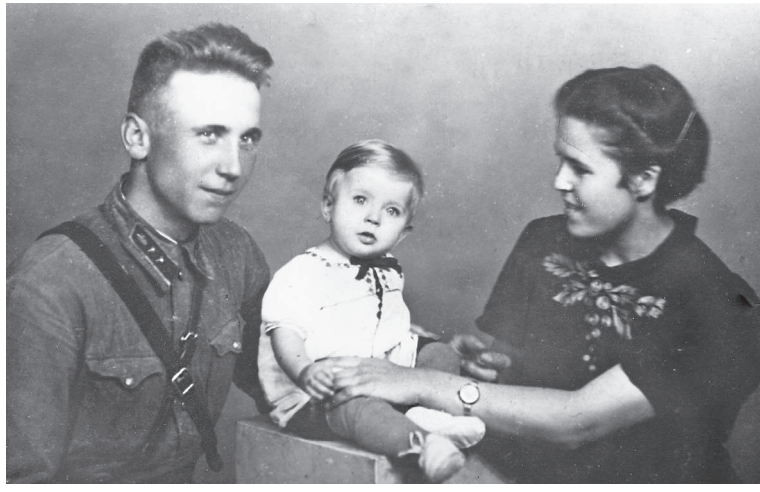
– Она уехала с дочкой жить в Арысь к сестре, когда узнала от сослуживцев мужа о его смерти… Оставила адрес.

Почтальон вздохнула и убрала конверт в пузатую кожаную сумку, висевшую через плечо. Это было извещение из Управления оперативных войск НКВД СССР. В нём говорилось: «Ваш муж лейтенант Гончар Сергей Сергеевич в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 29 июня 1941 года в районе деревни Судовая Вишня Львовской области и похоронен на поле боя. Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии».

18 февраля 2025 г.

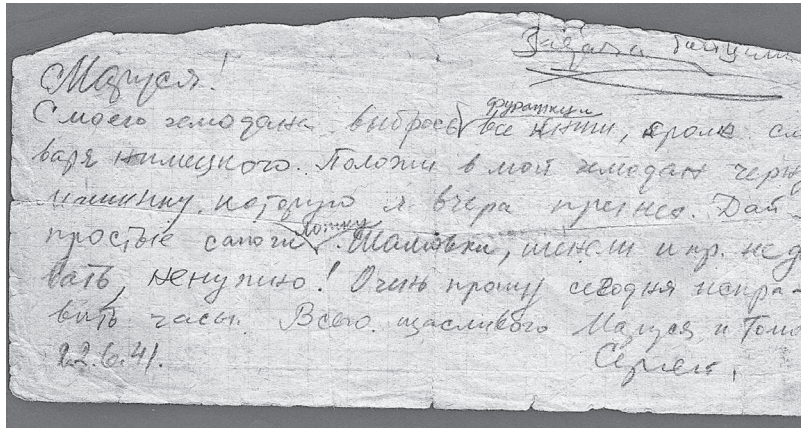
Фотографии и документы из семейных альбомов Шишковых, Филатовых, Васильевых

Лейтенант Гончар Сергей Сергеевич. 1939 г.



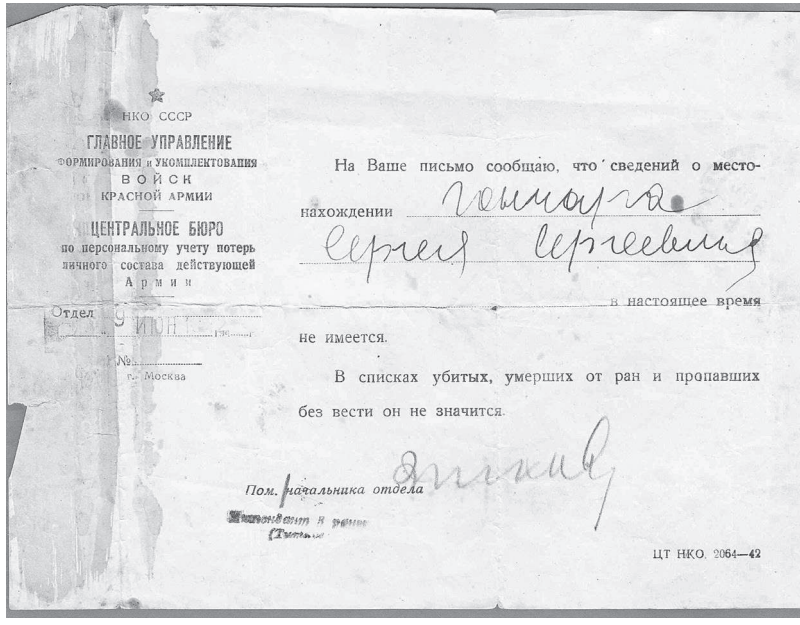
Семья Гончара: Сергей, Томочка и Мария. 1941 г.

Экипаж танка БТ-7. В центре – Гончар С. С. 1941 г.



Маруся!
С моего чемодана выбрось фуражку все книги, кроме словаря немецкого. Положи в мой чемодан черную машинку, которую я вчера принес. Дай простые сапоги, лопку, шаловки, шинели и пр. не давать, ненужно! Очень прошу сегодня исправить часы. Всего щасливого Маруся и Томочка
22.6.41.
Сергей.

Записка Сергея Гончара жене, написанная 22 июня 1941 года



НКО СССР
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ФОРМИРОВАНИЯ и УКОМПЛЕКТОВАНИЯ
ВОЙСК
КРАСНОЙ АРМИИ
ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО
по персональному учету потерь
личного состава действующей
Армии
Отдел 9 ИЮН 1942 г.
№
г. Москва

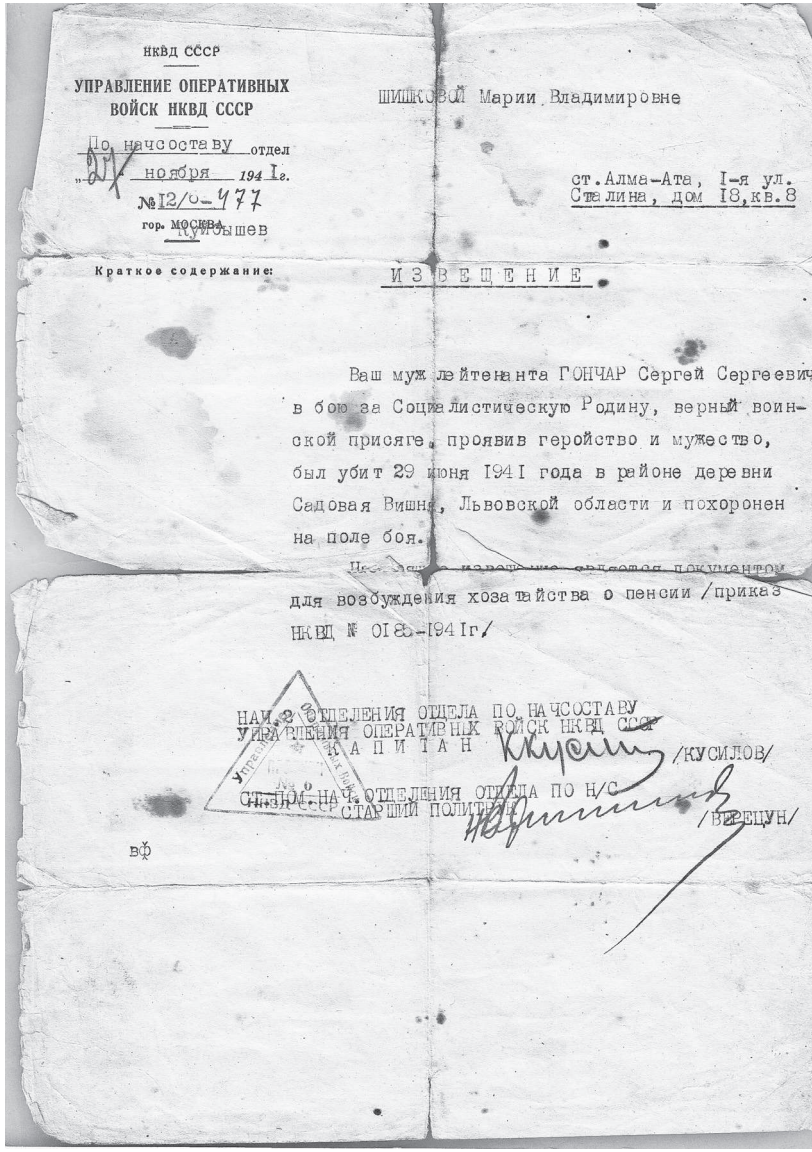
На Ваше письмо сообщаю, что сведений о местонахождении Гончара Сергея Сергеевича в настоящее время не имеется.

В списках убитых, умерших от ран и пропавших без вести он не значится.

Пом. начальника отдела

ЦТ НКО. 2064—42

Ответ на запрос Марии Владимировны Шишковой о месте нахождения Гончара Сергея Сергеевича. 9 июня 1942 года



НКВД СССР

УПРАВЛЕНИЕ ОПЕРАТИВНЫХ ВОЙСК НКВД СССР

По начсоставу отдел

"27" ноября 194 1г.

№ 12/с-477

гор. Москва, Куйбышев

Краткое содержание:

ШИШКОВОЙ Марии Владимировне

ст. Алма-Ата, I-я ул. Сталина, дом 18, кв. 8

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш муж лейтенанта ГОНЧАР Сергей Сергеевич в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 29 июня 1941 года в районе деревни Садовая Вишня, Львовской области и похоронен на поле боя.

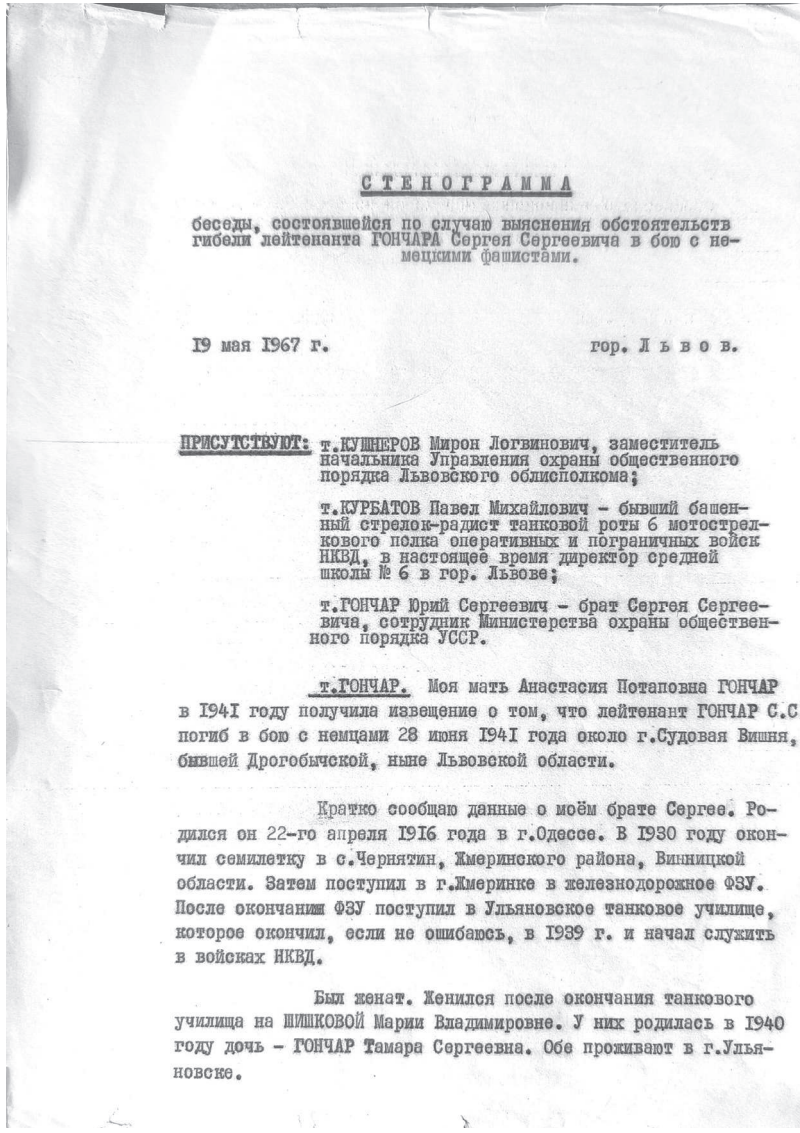
Документы для возбуждения ходатайства о пенсии /приказ НКВД № 018-1941г./

НАЧ. 2 ОТДЕЛЕНИЯ ОТДЕЛА ПО НАЧСОСТАВУ УПРАВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНЫХ ВОЙСК НКВД СССР
КАПИТАН /КУСИЛОВ/

СТ. ПОМ. НАЧ. ОТДЕЛЕНИЯ ОТДЕЛА ПО Н/С СТ. ЛЕЙТЕНАНТ СТАРШИЙ ПОЛИТРУК /ВЕРЕЩУН/

вф

Извещение о гибели Гончара Сергея Сергеевича



СТЕНОГРАММА

беседы, состоявшейся по случаю выяснения обстоятельств гибели лейтенанта ГОНЧАРА Сергея Сергеевича в бою с немецкими фашистами.

19 мая 1967 г. гор. Л ь в о в.

ПРИСУТСТВУЮТ: т.КУШНЕРОВ Мирон Логвинович, заместитель начальника Управления охраны общественного порядка Львовского облисполкома;

т.КУРБАТОВ Павел Михайлович – бывший башенный стрелок-радист танковой роты 6 мотострелкового полка оперативных и пограничных войск НКВД, в настоящее время директор средней школы № 6 в гор. Львове;

т.ГОНЧАР Юрий Сергеевич – брат Сергея Сергеевича, сотрудник Министерства охраны общественного порядка УССР.

т.ГОНЧАР. Моя мать Анастасия Потаповна ГОНЧАР в 1941 году получила извещение о том, что лейтенант ГОНЧАР С.С. погиб в бою с немцами 28 июня 1941 года около г.Судовая Вишня, бывшей Дрогобычской, ныне Львовской области.

Кратко сообщаю данные о моём брате Сергее. Родился он 22-го апреля 1916 года в г.Одессе. В 1930 году окончил семилетку в с.Чернятин, Жмеринского района, Винницкой области. Затем поступил в г.Жмеринке в железнодорожное ФЗУ. После окончания ФЗУ поступил в Ульяновское танковое училище, которое окончил, если не ошибаюсь, в 1939 г. и начал служить в войсках НКВД.

Был женат. Женился после окончания танкового училища на ШИШКОВОЙ Марии Владимировне. У них родилась в 1940 году дочь – ГОНЧАР Тамара Сергеевна. Обе проживают в г.Ульяновске.

Копии стенограммы выяснения обстоятельств гибели лейтенанта Гончара Сергея Сергеевича (первый лист)

20.

т.КУШНЕРОВ: Наше общее предположение, что немцы, сохранив лейтенанту ГОНЧАРУ С.С. жизнь во дворе гр.КОЗАК, очевидно, расчитывали получить от него разведданные о советских войсках и не получив таковых, его уничтожили. Об этом свидетельствует, то, что его в больнице не оказалось.

т.КУШНЕРОВ: Где проживают родные и семья лейтенанта ГОНЧАРА С.С.?

т.ГОНЧАР: Мать - ГОНЧАР Анастасия Потаповна проживает со своей дочерью ГОНЧАР Евдокией Сергеевной в г.Киеве, по улице Энгельса, № 26, кв. 2.

Сестра его Варвара Сергеевна ГОНЧАР проживает в г.Киеве, ул.Бассейная, дом № 5-б, кв. 5. Я живу тоже в Киеве, по улице Дарвина, дом № 5, кв. № 3.

Жена Сергея - ШИШКОВА Мария Владимировна живёт вместе со своей дочерью Тамарой Сергеевной ГОНЧАР в г.Ульяновске, улица Радищева, № 28, кв. 47.

ЗАМ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ -полковник

КУШНЕРОВ.

ДИРЕКТОР СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ № 6 г.Львова

КУРБАТОВ.

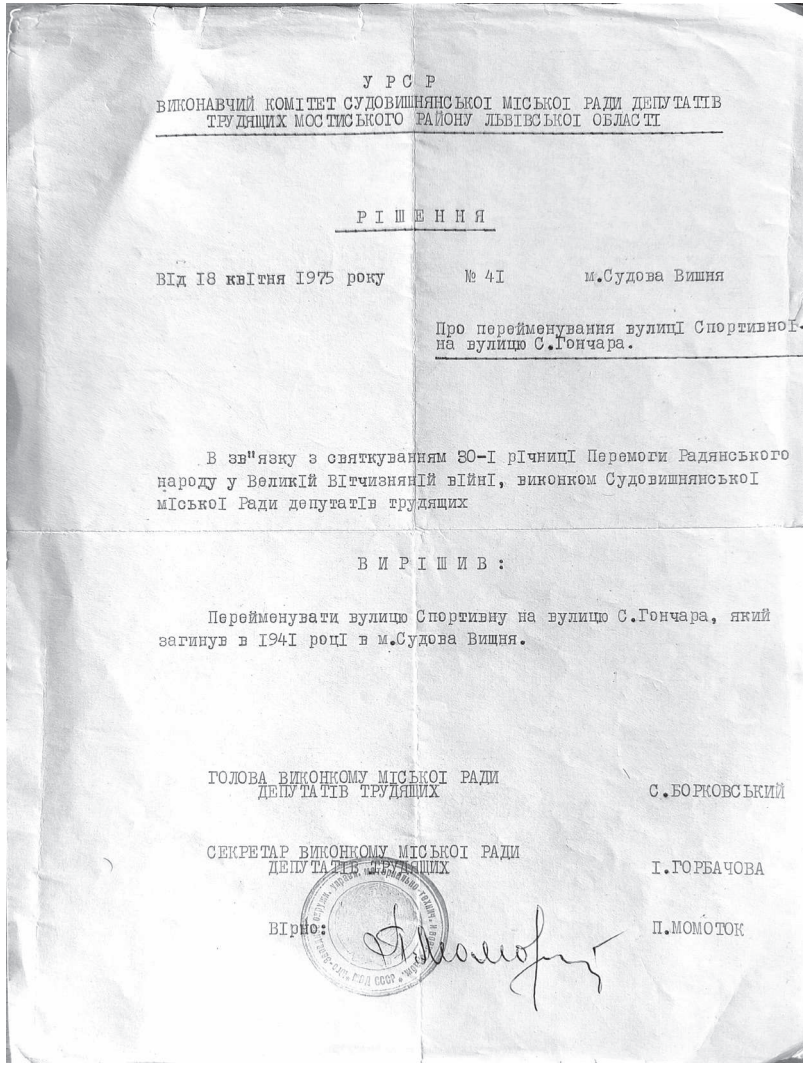
СОТРУДНИК МООП УССР - БРАТ ЛЕЙТЕНАНТА ГОНЧАРА С.С.

ГОНЧАР.

19 мая 1967 года

Верно: НАЧАЛЬНИК СЕКРЕТАРИАТА МООП УССР подполковник

"28" мая 1967 года. БОНДАРЕНКО.



У Р С Р
ВИКОНАВЧИЙ КОМІТЕТ СУДОВИШНЯНСЬКОІ МІСЬКОІ РАДИ ДЕПУТАТІВ ТРУДЯЩИХ МОСТИСЬКОГО РАЙОНУ ЛЬВІВСЬКОІ ОБЛАСТІ

Р І Ш Е Н Н Я

Від 18 квітня 1975 року № 41 м.Судова Вишня

Про перейменування вулиці Спортивної на вулицю С.Гончара.

В зв"язку з святкуванням 30-І річниці Перемоги Радянського народу у Великій Вітчизняній війні, виконком Судовишнянської міської Ради депутатів трудящих

В И Р І Ш И В :

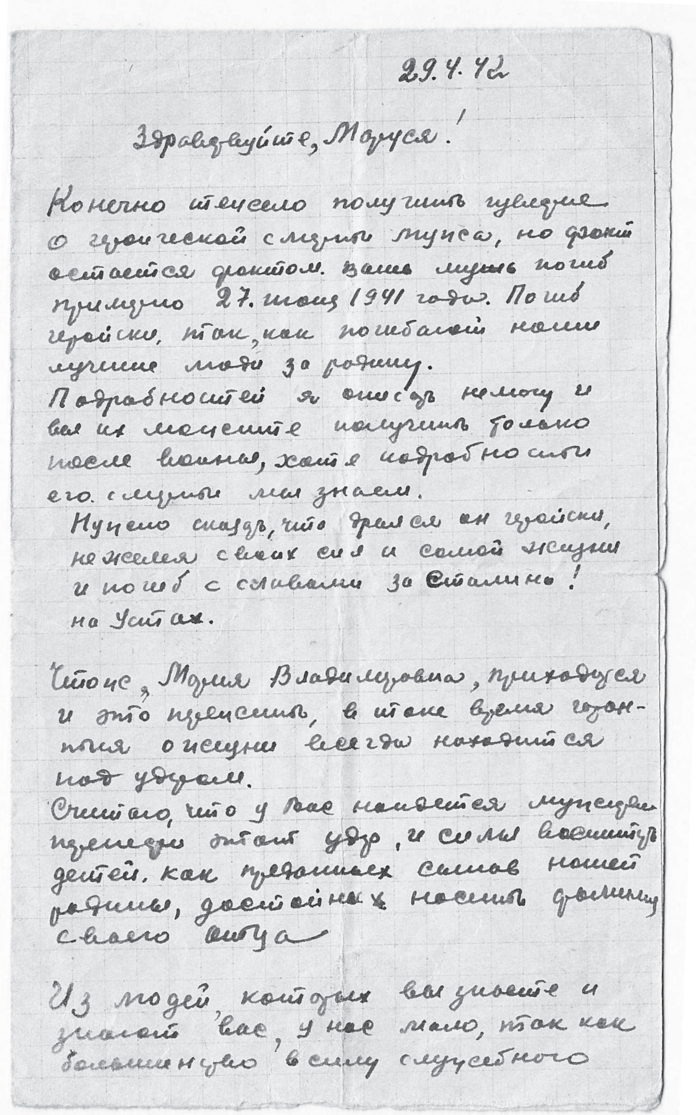
Перейменувати вулицю Спортивну на вулицю С.Гончара, який загинув в 1941 році в м.Судова Вишня.

ГОЛОВА ВИКОНКОМУ МІСЬКОІ РАДИ ДЕПУТАТІВ ТРУДЯЩИХ С.БОРКОВСЬКИЙ

СЕКРЕТАР ВИКОНКОМУ МІСЬКОІ РАДИ ДЕПУТАТІВ ТРУДЯЩИХ І.ГОРБАЧОВА

ВІрно: П.МОМОТОК

Решение исполнительного комитета Судовишнянского городского Совета депутатов Львовской области о переименовании улицы Спортивной в улицу С. Гончара, датированное 18 апреля 1975 года



29.4.42

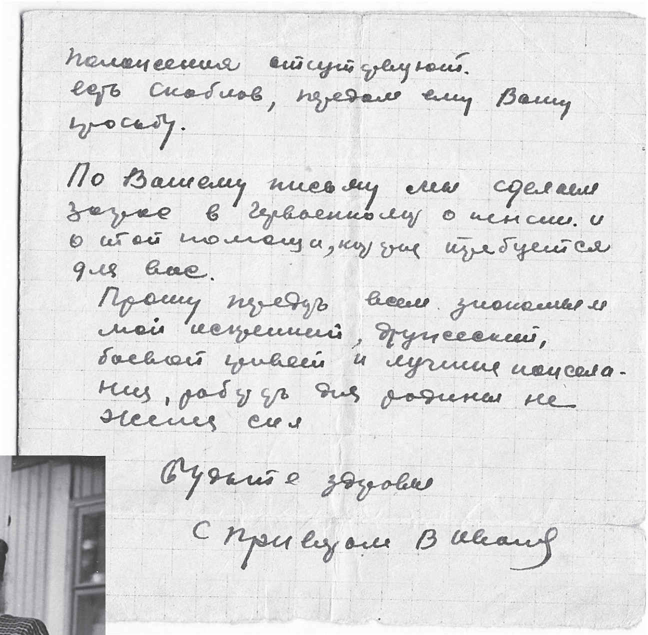
Здравствуйте, Маруся!

Конечно тяжело получить известие о героической смерти мужа, но факт остается фактом. Ваш муж погиб примерно 27. июня 1941 года. Погиб геройски, так, как погибают наши лучшие люди за родину.
Подробностей я описать не могу и вы их можете получить только после войны, хотя подробности его смерти мы знаем.
Нужно сказать, что дрался он геройски, не жалея своих сил и самой жизни и погиб с словами за Сталина! на устах.

Что же, Мария Владимировна, приходится и это перенести, в такое время гарантия жизни всегда находится под ударом.
Считаю, что у Вас найдется мужество перенести этот удар, и силы воспитать детей, как преданных сынов нашей родины, достойных носить фамилию своего отца.

Из людей, которых вы знаете и знают вас, у нас мало, так как большинство в силу служебного

Письмо сослуживца Сергея Гончара Марии Владимировне Шишковой.
ФИО и звание автора письма установить не удалось.


положения отсутствуют.
есть Скоблов, передам ему Вашу просьбу.

По Вашему письму мы сделаем запрос в Горвоенкомат о пенсии. и о этой помощи, которая требуется для вас.
Прошу передать всем знакомым мой искренний, дружеский, боевой привет и лучшие пожелания, работать для Родины не жалея сил

Будьте здоровы

С приветом В. Иванов

На фото: Тамара Гончар и Мария Шишкова в санатории, ориентировочно 1955-1956 г.

СПРАВКА

Шишкова М. В. родилась в Симбирске (ныне Ульяновск) 7 ноября 1917 года. Фамилию мужа при регистрации брака не взяла, причина не известна. Умерла 3 февраля 1994 года в Ульяновске.

Гончар Т. С. родилась во Львове 6 февраля 1940 года. Замуж Тамара Гончар не выходила. Умерла 14 февраля 2001 года в Ульяновске. Похоронены на Ишеевском кладбище в Ульяновске.

СОДЕРЖАНИЕ

Выпускникам Ульяновского гвардейского высшего танкового командного дважды Краснознамённого ордена Красной Звезды училища им. В.И. Ленина посвящается 3

Товарищ танкист 5

Эпилог 181

Из семейного архива Марии Владимировны Шишковой 182

Справка 190

12+

В соответствии с Федеральным законом от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ

Литературно-художественное издание

Илья Александрович Таранов

ТОВАРИЩ ТАНКИСТ

Историческая повесть

Редакторы: С. Ю. Таранова, О. А. Абрамова
Вёрстка: Н. В. Пархута
Оформление: И. А. Таранов, В. О. Пидгола

Подписано в печать 20.03.2025
Формат издания 60x84/16. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 11,16. Тираж 320 экз.
Заказ Ю-016

Отпечатано в типографии «Мастер-Студия»
ИП Артемова А.В.
ИНН 732711177712

ISBN 978-5-6053351-7-7